

№ 9 (28) 1991

Цена 2 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ISSN 0236 6864

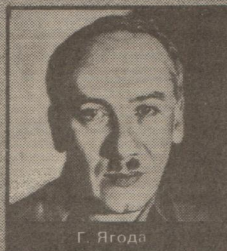
ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

Ф. Дзержинский

В. Менжинский

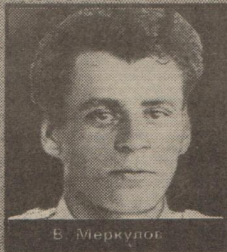
Г. Ягода

Н. Ежов

Л. Берия

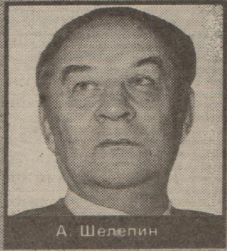
В. Меркулов

Б. Дабакумов

И. Серов

А. Щепилин

В. Семичастный

Ю. Андропов

В. Чебриков

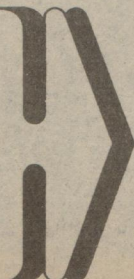
В. Крючков

Мимо
Непогребенного:
отрывок из книги
Виталия Коротича
с. 22

История побега
дочери Сталина
с. 24

О тайнах
модельера
Юдашкина
с. 16

Вот он — момент смерти. Ночь с 20 на 21 августа. Москва.

Боевая машина пехоты дала задний ход. После удара о барьер люк открылся. В него запрыгнул человек. БМП съехала в туннель, раздался выстрел. Тело падает из люка. Это мгновение — на снимке.

Машина рванула вперед, к ней устремился еще один человек, вероятно, стараясь подхватить друга. В метре от брони пуля сразила и второго защитника Белого дома.

Из толпы полетели камни. Раздалась крики: «Убийцы!»

В. АРХИПОВ (фото автора)

Трагические, но великие августовские события 91-го отошли в прошлое. Но не для того ли, чтобы повториться месяцев через 7—10, когда ситуация в стране обострится до предела и иная хунта будет рваться к власти?

Я был в Белом доме с утра 19 августа по ночь 22 августа и очень хорошо помню ошалело оборонявшуюся юную демократию. В критические минуты ночи с 19 на 20-ое вокруг «Дома Ельцина» было не более 100 тысяч человек. Но «тихое большинство» молчало.

На чьей стороне будет оно, если август 91-го повторится с удвоенной, утроенной силой в феврале 92-го? Народ еще не сказал своего последнего слова. Он скован тысячелетней усталостью. Слишком много сил затратил он на завоевание непомерных просторов и на их оборону, на создание невиданного по своей численности и мощи госаппарата. Государство, скреплявшее воедино самую большую в мире империю, высосало из людей все соки, ввергнув народ в апатию.

Но и она имеет свой предел.

А пока (пока!) на бунт или же гражданскую войну просто нет сил.

Оптимизм у нас нынче не в моде. Появилась даже печальная шутка на эту тему. Знаете, чем отличается сегодняшний советский пессимист от оптимиста? Пессимист — это тот, кто перманентно ноет: как все вокруг плохо! как отвратительно! как дорого!... А оптимист — это тот, кто ему отвечает: ты погоди печалиться, то ли еще будет!!!

У демократии практически нет времени в запасе. В течение предстоящих 5—6 месяцев ей необходимо сделать то, что пока не удалось за 6 лет — доказать свою эффективность.

Демократический эксперимент в СССР зависит во многом и от темпов демонтажа тоталитарных структур из нашего недавнего прошлого. В частности, Комитета государственной безопасности. Отдавая себе в этом полный отчет, мы с обозревателем «Совершенно секретно» Дмитрием Лихановым сделали все возможное и невозможное для того, чтобы познакомиться с новым председателем КГБ Вадимом Бакациным.

Артем БОРОВИК

— Вадим Викторович, мы очень благодарны за то, что вы согласились нас принять. Но, не желая показаться наглыми, хотим все же предложить вам эксперимент. Идея — показать нового председателя КГБ в нормальной рабочей обстановке. Допустим, мы могли бы следовать за вами утром, когда вы выходите из дома и садитесь в машину, любопытно увидеть, как строится ваш рабочий день... Словом, нам интересны мелочи, детали, которые многие могут сказать о вас как о человеке.

— Я не назвал бы это наглостью... Но сейчас осуществить вашу идею просто невозможно, поскольку у меня нет нормальной рабочей обстановки — потому что сейчас нет КГБ. КГБ не работает, КГБ парализован, деморализован.

Я никого здесь не знаю. Кто-то боится расправы, кто-то начинает сводить счеты, многие (верхушка) уходят. Масса звонков, масса всяких проблем. Это все очень не нормально.

Подождите чуть-чуть... Вот когда все утрясется, успокоится, тогда, пожалуйста, приходите, я готов поводить вас по кабинетам, познакомить с людьми, которых сам еще пока не видел.

Единственное, что я уже сделал, — обратился к личному составу, к сотрудникам центрального аппарата, попросив их набраться сил и мужества, проявить способность к самообновлению, чтобы мы сумели достойно выйти из тех испытаний, которые выпали на нашу долю. Надо думать не об оправданиях или обвинениях, а о том, как сделать гораздо более эффективной нашу работу.

И еще об одном я их попросил: понять, что теперь нам предстоит защищать не «ценности» той или иной идеологии, а ценности демократии, конституционные права граждан и на этой основе обеспечивать безопасность общества, государства и народа.

Так что пока идти некуда, кроме этого кабинета. Поэтому давайте эксперимент отложим. Домой ко мне ехать? А что там, дома? Даже кошки нет...

— Не испытываете ли вы ощущения, что внутри КГБ у вас есть недруги? Или даже враги?

— Да, конечно, есть такое ощущение. Но Юрий Визбор, очень любимый нами в молодости поэт, бард, говорил: «Слава Богу, мой дружище, есть у нас враги. Значит, есть, наверно, и друзья». Да, есть, наверно, враги, но есть и друзья. Не может быть жизнь такой пресной, когда ни друзей, ни врагов, — это скучная жизнь.

— У вас, должно быть, много друзей и много врагов?

— Не считал... Думаю, что все-таки больше друзей, единомышленников. Путч, эта безумная попытка переворота, показал, что воля народа все-таки — в русле той политики разума, здравого смысла, о которой мы все так много говорили. Народ не запугать, не задавить, не расстрелять. Я ни в коем случае не хочу отождествлять себя с народом, с его волей, никак не хочу примазываться к его победе, моя роль тут более чем скромная. Но все-таки друзей больше.

— Что сказала жена, когда вы сообщили ей о...

— Это не я ей сообщил. Сообщили радио и телевидение. Когда я пришел, она плакала. Не знаю, почему вас это удивляет...

— И все-таки что она сказала, как семья реагировала?

— Я семью еще не видел. У меня две внучки, обе любимые. Но, когда я прихожу, они уже спят, — прихожу я после двенадцати часов.

— Вадим Викторович, это кабинет Крючкова?

— Да.

— Это одно из тех мест, где замыслился переворот?

— И не только замыслился. Один из замов рассказывал мне, что в ту ночь, когда намечался авантюрный штурм здания Верховного Совета России, именно в этом кабинете решали: штурмовать, не штурмовать — и только в три часа ночи приняли окончательное решение: этого делать нельзя, потому что могут быть большие жертвы.

Здесь все так же, как было тогда, кроме кресел. Я попросил сменить стулья — не хочу сидеть на том же стуле. Телефоны попросил сменить — не хотелось брать те же самые телефоны. Портрет Горбачева? Да, здесь был портрет Ельцина, теперь портрет Горбачева. Ленин — один из классиков идеологии, которую мы называем марксизмом-ленинизмом. Но мы на государственной службе и не можем служить идеологии. Мы служим президенту, государству.

— Насколько глубоко КГБ был замешан в перевороте?

ВАДИМ БАКАТИН — КГБ: ЛИЦОМ К ЛИЦУ

— Это определит следствие. И степень виновности, и конкретных руководителей.

— Вам просто не хочется говорить раньше времени о том, кто насколько замешан?

— Руководство КГБ было одним из участников и организаторов переворота — это так. Но нельзя винить КГБ в целом. Крючков, его ближайшие доверенные лица, помощник, которого он моментально отозвал из отпуска, — они осуществляли подготовку определенных акций, которые касались, допустим, Крыма, Москвы, Ленинграда, Киева. У них ничего не получилось. И, кстати, очень многие подразделения КГБ не поддерживали заговорщиков.

— Вадим Викторович, как вы думаете, что бы случилось с вами, если бы они победили?

— Не знаю... Я не думаю, что они могли победить. В первый день я решил, что мне не дадут работать, отключат телефоны, отнимут транспорт... Я почистил сейф, написал заявление о том, что я не согласен с антиконституционным переворотом, и отдал его Янаеву. О том, что они сделают со мной, я не думал.

— Вероятно, они попытались бы вас изолировать?

— Я предполагал, что буду изолирован, отстранен от работы. Они это и сделали, приостановив деятельность Совета безопасности.

— Что с ближайшим окружением бывшего председателя КГБ Крючкова?

— Ближайшее окружение — это заместители. Некоторые из них сами написали заявления об уходе, кое-кого я попросил подать заявление. Сегодня одни из них уже сидят в тюрьме, другие уволены, а кое-кто из подавших заявление продолжает работать.

Есть еще начальники главков. Тут примерно такая же картина.

— Не кажется ли вам, что несколько опасно (или рискованно) уволить сразу всех людей, которые возглавляли эту организацию?

— Нет, не кажется. Это надо сделать обязательно.

— Когда вы росли, были мальчиком, юношей, что вы думали о КГБ?

— Когда я был мальчиком, я о КГБ не думал. Я, ложась спать, по-пионерски молился за здоровье Сталина. Юношей, в старших классах, начал скептически относиться к словословию в его адрес. Помню, бабушка меня ругала: «Тише, молчи! Что ты говоришь?!». Когда умер Сталин, я очень жалел его, даже написал школьное сочинение, которое всем приводили в пример, так это было здорово, искренне написано. Я писал о Сталине: когда он был жив, мы еще иногда разрешали себе плохо подумать о нем, но вот он умер, и теперь во всем величии встает перед нами. Я был обыкновенным комсомольцем, идеология, которую я впитывал с пионерского возраста, не могла не сказаться на моих убеждениях, на моем мировоззрении. Я не был борцом против

сталинизма. Уже позже, в более зрелом возрасте, в годы брежневщины, на партийной работе, когда я получил доступ к довольно обширной информации (партийные работники получали рассылаемые по особому списку книги, которые издавались на Западе, и я с интересом читал их), уже после Академии общественных наук я пришел к своим сегодняшним убеждениям.

— Как вы предполагаете реорганизовать КГБ?

— Невозможно, недопустимо оставить КГБ той монопольной, мощной, никому практически не подотчетной организацией, какой она была. Например, мы отдали армии спецвойска КГБ, предложили сделать пограничные войска самостоятельным видом войск, не подчиненным КГБ. Передали охрану президента в его непосредственное подчинение. Отдали правительственную связь, создав государственную систему правительственной связи. Короче, я все делаю, чтобы обрезать себе малейшую возможность повторения того, что сделал мой предшественник.

— Вадим Викторович, что почувствовали вы, войдя в это здание в качестве его хозяина?

— Ничего особенного... Я не впервые вхожу в новые для себя здания или кабинеты. У меня было чувство, что я должен исполнить свой долг, — и ничего больше.

— Как вас встретили здесь?

— Тут разные люди, есть очень умные и симпатичные, но есть и преступники.

В тот трагический день, когда произошло убийство трех человек, которые погибли, защищая демократию, меня больше всего потрясло, как обесценена у нас человеческая жизнь. Когда их хоронили, нам с Иваненко, председателем КГБ России, пришлось пробираться сквозь толпу. Я был без охраны, и меня по-человечески поразило какое-то доброе отношение людей ко мне. Они уже знали, что я председатель КГБ, тень этого ведомства должна была лечь и на меня. Они могли проклинать меня как преемника этих традиций. Но они мне пожмали руки, желали успехов. Признаюсь, мне было стыдно: я просто не ожидал вот такого отношения к себе. Как же я могу не оправдать доверия этих людей, не превратить КГБ в нормальную, высокопрофессиональную демократическую организацию, которая никогда не будет попирает права человека? Пока я здесь, КГБ беззаконий допускать не будет. Конечно, я не могу гарантировать, если какой-то сотрудник... но все это будет жесточайше пресекаться.

— Насколько трудно изменить КГБ?

— Очень трудно.

— Вадим Викторович, как вы считаете, будут ли вас заставлять и дальше направлять деятельность КГБ против Запада, против США?

— Кто, во-первых, будет заставлять? В прошлом, когда Соединенные Штаты были главным объектом внимания КГБ, существовал как бы двухполюсный мир — исходя из идеологических

концепций. Сегодня с этим миром покончено.

Как человек, наделенный определенными полномочиями государственного деятеля, должен высказать удовлетворение той политикой, которую проводит правительство США в отношении нашей страны. Я считаю, что это вполне реалистичная, дружественная политика. Но и она, мне кажется, еще носит отпечаток прошлого. Люди и в Соединенных Штатах Америки разные, и у нас разные. Но этот отпечаток постепенно стирается.

— Ваш предшественник Крючков утверждал: Соединенные Штаты, ЦРУ делают все, чтобы подорвать нормальное течение жизни в Советском Союзе. Видимо, вы не согласны с таким подходом?

— А вы согласны? Я не верил ему и не верю. Я вообще не вижу смысла в конфронтации — на любых уровнях: межгосударственном, личностном... Зачем ссориться? Лучше дружить.

— Но тем не менее очень много ваших сотрудников остается в Соединенных Штатах.

— Ну и что? Разве государство, играющее важную роль в мировом сообществе, способно обойтись сегодня без разведки? Я не склонен спешить, но в принципе можно, наверное, подумать о том, чтобы создать независимый от КГБ, самостоятельный, подчиненный только Верховному Совету Государственный комитет по разведке.

— Мы говорим о завершении холодной войны. Означает ли это, что война разведок закончилась?

— Я никогда не был участником войны разведок и не могу судить о том, насколько она была кровопролитной. Не слышал и о том, чтобы в ней были какие-либо успехи. Но пока это тот вопрос, на который я не знаю ответа.

— Если Соединенные Штаты нами уже не рассматриваются как враг, то откуда, на ваш взгляд, исходит угроза СССР?

— Угроза СССР исходит прежде всего от нашей экономики.

— Вадим Викторович, можете ли вы представить, что работаете в каком-либо направлении вместе с ЦРУ?

— Да.

— Возможно ли полное единство в этой работе?

— Нет.

— Что бы вы хотели сказать сегодня американским людям и ЦРУ?

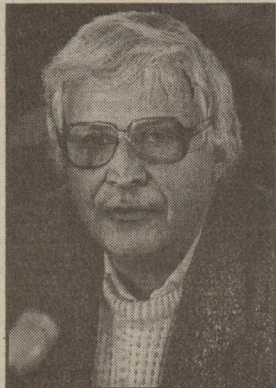
— Ребята, давайте жить дружно (знаете, есть такой телегерой — кот Леопольд). Но это шутка. А если серьезно, я думаю, просто убежден, что, может быть, не при нашей жизни, но, очень надеюсь, при жизни моих внуков мир действительно станет единым, придет к тому естественному, изначальному состоянию, от которого он начал свое существование.

— Мы тут поспорили, смотрите ли вы фильмы про Джеймса Бонда?

— С удовольствием бы смотрел, если бы они шли по нашему телевидению. Впрочем пока не до фильмов.

История

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ

Принято считать, что российскую интеллигенцию всегда волновали два кардинальных вопроса: кто виноват и что делать. Судя по сегодняшней периодике, нынче актуален лишь первый из них — широким фронтом идет поиск виноватого. Ряды добровольных следователей непрерывно растут, частные детективы разыскивают в архивах и подшивках все новые документы. Общественное сознание быстро усваивает идею, что основная задача момента — поймать и наказать главного негодяя. Ну а второй вопрос — что делать? — авось, удастся решить как-нибудь потом в рабочем порядке.

Находить негодяев в нашей державе всегда умели. Отецественная история полна предателей, перебежчиков, отступников, врагов народа. И — заговорщиков, разумеется, заговорщиков. Вслед каждому государственному провалу непременно разоблачался новый заговор, который все объяснял и оправдывал.

Впрочем, может, и впрямь в поисках виноватого есть свой резон? Ведь все наши нынешние беды так или иначе уходят корнями в историю, и надо же добраться до этих корней. Не дай Бог в очередной раз пройти по верхушкам красоты — та, что вырастет заново, будет только жестче и злей.

Нет, анализ прошлого — вещь безусловно полезная. Но вот парадокс: сейчас, в эпоху гласности и практического бесцензурья, об истории врут, пожалуй, не меньше, чем вралі прежде. Основное отличие — направленность фантазии. Тогда, если можно так выразиться, вралі вперед, рисуя блистательное будущее. Теперь же врут назад, изображая прекрасное прошлое. Сиюющие вершины никуда не делись, все так же сияют — только уже не в

коммунистическом грядущем, а в монархическом былом. В почти бесконфликтной эпохе, когда был порядок, когда хлеб не ввозили, а продавали, когда империя быстро выходила в европейские лидеры. И только революция, неожиданная, как граната террориста, прервала это победное восхождение.

Да, не просто нынешним студентам сдавать историю. Еще трудней принимать ее профессорам. Шутка ли — в течение полужизни одного поколения были разоблачены и отвергнуты сперва усатый культ, потом волонтеризм с его кукурузой и ботинком по столу, тщеславный и вороватый застой. Добрались и до жестокого авантюризма романтической революционной поры. И так хочется опереться хоть на что-то твердое! Ах, если бы удалось отключить от родной истории чужеродный ломот толщины в семьдесят три года и начать заново, прямо с недописанной строки — вот бы здорово было...

Увы, здорово бы не было. Было бы, к сожалению, примерно то же, что и случилось: революция. И не мягкая, февральская, с надеждами на плавный переход к демократии и культурному капитализму, а такая, как и была, — жестокая, хаотичная, мстительная, с коммунистами или без них, но все равно по сути своей большевистская. Слишком многое было предопределено.

В этой предопределенности и надо разбираться, чтобы нынешняя ситуация в очередной раз не швырнула страну в кровавый хаос. Не стану говорить, что такая опасность реальна и громадна, что висим над пропастью, — пока, слава Богу, не висим, стоим на ногах, и надежда, в общем, перетягивает тревогу, но опасность есть. Есть, к сожалению. И нужно внимательно разглядеть поворот дороги, на котором однажды уже произошла катастрофа.

Большое видится на расстоянии, писал Есенин. Видимо, мы отошли достаточно далеко, происшедшее еще не отпустило — пока что взгляд больше упирается в детали. И новые, и старательно забытые факты сами по себе интересные, порой очень. Но худо, когда за деревьями теряется лес.

Вот опять замесил в прессе пломбириванный вагон, в котором добирался до отечества будущий вождь революции. Вот — про немецкие деньги большевикам. Было, не было? Не знаю и в документах копаться не стану, пусть историки спорят. Я о другом. Ну хоть и было — разница-то какая?

Ну, допустим, перепало голодным эмигрантам от германских щедрот. Ярых борцов за народную долю это, разумеется, никак не красит. Но позволить, революция-то тут при чем? Как раз на этот капитал монархию и скинули? Так ведь у семьи Романовых денег было в тысячи и тысячи раз больше, и зарубеж, кстати, давал им столько, сколько социал-демократам и не снилось. Почему же крохотные деньги сработали, а громадные не помогли? Для человеческой биографии — Ленина или Троцкого, Столыпина или Распутина — важна любая мелочь. Но у народных движений масштабы иные...

Мой знакомый, внук знаменитого русского путешественника, с титулом графа, рассказал однажды, как в семнадцатом году крестьяне из близлежащих сел распорядились родовым имуществом. «Все могу понять: поместные разграбили — ладно, дом сожгли — ладно. Но зачем породистых собак повесили на заборе?»

Этих крестьян не везли в Россию в пломбириванном вагоне, Маркса они не читали, про диктатуру пролетариата не слыхали, немецких денег не нохали.

Почему дом они не захватили, а сожгли? Почему имение не поделили, а ископали? Почему умных и дорогих собак не развели по избам, не продали хотя бы, а повесили?

Без ответа на эти вопросы не понять страшный, «бессмысленный и беспощадный» характер российской революции.

Вот мнение свидетеля, которому можно верить:

«...Все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей — по чей-то вине — изломанной жизни, все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью. <...> Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения. Но в вопросе о формах ее и достижениях между ними не было никакого единомыслия, и глубокие трещины должны были появиться с первого же дня после падения старой власти».

Это не Ленин, не Луначарский и не академик Панкратов. Это Антон Иванович Деникин, «История русской смуты».

(Повсюду себя на печальном парадоксе: выходит, и я подчинился инерции момента. Разумеется, мнение одного из самых думающих и профессиональных лидеров белого движения о парсе России вполне заслуживает уважения — но почему в качестве сильнейшего аргумента я привел именно его? Ведь есть и более авторитетные свидетели, мудрые и предельно честные, чьи оценки монархической эпохи никогда не подвергались сомнению, — все русские классики от Пушкина до Короленко. Увы, школьный курс литературы в течение десятилетий так настырно представлял Лермонтова, Тургенева, Толстого и Чехова единомышленниками и прямыми предшественниками идеологического отдела ЦК, что иные, споря о прошлом, их просто не вспоминают. Хотя, по сути, успешно «врат назад» можно лишь при одном категорическом условии: тотально изъять из библиотек и замуровать в спецхраны всю великую русскую литературу.)

Деникин прав — между теми, кто свалил монархию, единомыслия не было. Для кого-то революция была борьбой за землю, для кого-то за мир, за свободу, за славу, за власть, за деньги, в конце концов. Но помимо этих, справедливых ли, корыстных ли, но все же вразумительных, целей имелась еще одна, едва ли не самая желанная: отвести душу. Ненависть, о которой писал Деникин, оказалась сильней раскула. Она-то и потребовала усадьбы жечь, а собак вешать. Маховик этой неуправляемой злобы, раскручиваясь, не только в щепки разнес обветшавшее государство, но и потом десятилетиями крушил все вокруг. Предлоги были разные, причина одна: неутоленная ненависть. Ведь не глуп же народ — но как охотно верил он в любой миф, лишь бы не гас костер, лишь бы летели в него все новые головы. Тут все годилось: и царина — немецкая шпионка, и поголовное предательство генералов, и контрреволюционные заговоры «бывших», и гады изманы, и кровососы кулаки, и вновь немецкие шпионы, на сей раз комбриги и командармы, и целые нации, изменившие вождю, и космополиты, и агенты империализма, и просто враги народа — спасительная формула на все времена...

«Бессмысленный и беспощадный» русский бунт в конце концов все-таки взял свое. Большевики ему здорово помогли. Но и без них было бы, скорей всего, то же самое. Случайно ли любимые свои песни народ пел не о парях и полководцах, не о великих поэтах или удачливых заводчиках, а о самом именитом российском бунтаре Стеньке Разине? И Пушкин не случайно с такой симпатией писал о Пугачеве. И Есенин — о нем же. И Брюсов призывал и приветствовал «грядущих гуннов».

Думаю, Маяковский довольно точно перевел в слова атмосферу предреволюционной эпохи: «Время нового зовет Стеньку Разина».

Как ни печально, исторической драме требовался на главную роль именно такой персонаж. Ни Милоков, ни Плеханов, ни Родзянко, ни Керенский характеру ожиданий не соответствовали и в процессе репетиций отсысались. Ленин оказался в самый раз.

Принято считать, что российские социальные низы в пику существовавшим монархам мечтали всеками о добром царе. Но точно ли это? Мечтали не столько о добром, сколько о «справедливом» — то есть о таком, который наконец-то покарает ненавистное начальство. И поддерживали лишь тех народных вождей, что умели карать. Был ли среди удачливых лидеров крестьянских восстаний хоть один незлобивый? Увы, в этом смысле и Ленин, и даже Сталин были куда традиционнее Милокова и Керенского. Дело тут, разумеется, не в некоей жестокости народа — жестоки были условия, в которых он жил, и методы, с помощью которых его держали в покорности. Навивно было надеяться, что пружина так никогда и не распрямится.

Может ли раб любить рабовладельца? Простолудин — потомственного аристократа? Даже сегодня вопрос о довольно жалких остатках начальственных привилегий (продуктовые заказы и «Жигули» в обход очереди) будоражит и озлобляет страну. Так какую же ненависть вызывали тогдашние громадные наследственные преимущества! В социалистическую номенклатуру попасть было все же несравненно легче, чем в монархическую. Даже в начале мировой войны, когда над страной уже висела опасность распада и гибели, великие князья заняли престижные места в армии так же естественно, как за обеденным столом у государя. И в такой ситуации родство оказалось важнейшим умением!

Сейчас нередко утверждают, что перед революцией Россия была благополучным процветающим государством. Но в процветающих государствах революции не происходит. Два подряд тяжких военных поражения лишь обнажили то, что существовало и прежде. Не только развитая Германия, но и Япония оказалась сильней.

Хроническое отставание от Европы даже в наши дни объясняют татарским игом — мол, как отстали тогда, так и не сумели догнать, слишком велика получилась форда. Да, причина серьезная. Но — универсальная ли?

В этом году я впервые побывал в США. Страна поразила многих, в частности тем, как похожа на Россию по масштабам и возможностям, и тем, как бесконечно далеко ушла вперед.

Не так давно Америка праздновала двухсотлетие независимости. Всего двести лет государству! Но ведь два века назад Россия от Америки вовсе не отставала, скорей наоборот. Там — только-только родившаяся страна, вче-

ПОМИЛОВАНИЕ

рашняя колония, тут — могучая держава екатерининской поры, на чьи армии не раз с опаской оглядывалась Европа.

А к началу нашего века разница была уже огромна: динамичная Америка, быстро набрав скорость, совершила фантастический рывок.

Вот тут, наверное, и надо разбираться. Не кто виноват, а — что виновато. Что им помогло, а нам помешало? Какие различия в системе обеспечили американцам успех?

Впрочем, об этом чуть позже.

Выдающийся современный мыслитель Лев Николаевич Гумилев однажды заметил, что революция вовсе не была решающим событием в судьбе страны, что кривая развития России переломилась и пошла вниз где-то в середине девятнадцатого века. Это опараживающее утверждение кажется поначалу всего лишь блестящим парадоксом. Но чем больше вдумываешься...

После победы над Наполеоном Российская империя стала, вероятно, наиболее влиятельным государством в Европе. По разным поводам она демонстрировала свою мощь. Жесткий порядок, незыблемая власть. И вдруг — постыдное поражение в Крымской войне. Постыдное потому, что николаевскую армию победил — десант! Не частый случай в истории войн, особенно когда речь идет о великой державе...

Что же произошло в России и Европе за сорок лет между двумя войнами?

В том-то и фокус, что ничего особенного. Просто разные системы развивались в меру своих разных возможностей. На Западе третье сословие обрело силу и показало, на что способно во имя собственного и общего блага. В России абсолютная власть, напуганная декабристским восстанием, делала все от нее зависящее для удержания ситуации. Ситуацию удержала. А страну погубила. Именно в эти годы был упущен шанс провести либеральные реформы, расковать собственный народ и накопить-то позволить ему заработать в полную силу ума и таланта. Опоздание в тридцать лет непомерно дорого обошлось России — в семнадцатом году она платила не за татарское иго, а за николаевское.

Вообще, многие трагедии эпохи последнего Николая были заложены в царствование его жестокого тезки.

Общезвестна знаменитая формула: «Декабристы разбудили Герцена». Все же риску не оспаривать. Не молодые дворяне, простоявшие в бездействии на Сенатской, подожгли бикфордов шнур русской революции, а царь, которому они отказались присягать. Ну какая была необходимость в подлой и позорной, через виселицу, казни пятерых лидеров заговора, имевшего столь ничтожный практический результат? Даже не великодушные требовались от царя — элементарное благоразумие. Но трудно ждать благоразумия от несменяемой и неконтролируемой власти. Мог казнить — и казнил. А без малого век спустя другая неконтролируемая власть показала клыки его потомкам. От николаевских виселиц до подвала в вятском доме дорога прямая.

Впрочем, будем справедливы к пучеглазому палачу — не с него же началась злодейства. И прежде бывало всякое: царевубийства, изощренные пытки, взятый штурмом не чужих, а своих родов, террор сверху и ответный террор снизу. Из истории странничку не вырешь — не кто-нибудь, а Александр Невский привел татар в родной Новгород, когда горожане отказались от

нелюбимого князя. Не кто-нибудь, а великий Петр собственноручно рубил головы стрельцам и проверял деловые качества сподвижников сперва на лобном месте, а уж после в сенате. И в способах казни не Ежов и Берия были чемпионами: властям огромной державы мало было четвертования, когда по одной рубились конечности, лишь по толстой голове, — еще имелось колесование, когда жертву распинали на колесе и ломом поочередно подовоили кости...

Паровой каток тоталитарного режима вмял в землю миллионы жизней. Но большевики, при всей их одержимости, принципиально нового придумали мало — они лишь до немыслимых размеров расширили масштабы насилия. Формы же и методы, увы, были в употреблении и прежде.

«Что может быть ужаснее того произошло...» когда в 24 часа можно окончить все расследование и суд за сложное преступление? Это что, тридцать седьмой год? Нет, это девятый, шестой, и глава правительства не Молотов, а Столыпин. Причем вопрос задает не либеральный шелкопер в подпольной газетке, а сенатор, академик Таганцев в Государственном совете. Не от этих ли торопливых расправ пошли ежовские «тройки»?

И прототипы возникли, как известно, не при революционном правительстве, а при царском.

А варварский, в упоении всевластием, взрыв самого крупного из московских храмов? И тут не была ли детонатором волна из прошлого? Это ведь Екатерина совсем по-сталински велела развалить не угонивший ей Царицынский дворец — творение, между прочим, не середняка Тона, а великого Баженова.

Увы, недавнее прошлое аukaется с давним. Страшно читать, как в Екатеринбурге пулями в упор добивали подростков, виновных лишь в том, что — Романовы. Но совсем уж жуть берет, когда вспоминаешь бедного «царевича Ивашку», сына Марины Мнишек. Трехлетний мальчонку — повесили! А ведь это не на курок нажать, это казнь долгая, подробная: и на скамейку поставить, и ручонки связать, и петлю наматывать, и на жалкую шею надеть. Однако справились...

Сегодня общественное сознание с болью усваивает правду о тех, кто был ничем, а стал всем. Но раскоп не задался — следующий пласт мнувшегося открыт для неизбежного анализа. Горький вопрошал «Кто виноват?» будет отодвигаться все дальше и дальше в прошлое. Даже на продвинутом не получается остановиться, ведь и оно имело причину не привозную, а домашнюю. Разобненность русских князей перед татарами объяснялась очень современно: каждому из них личная власть оказалась дороже общей родины.

В связи с изложенным хочу высказать одно практическое соображение.

Масштабное следствие по поводу отечественной истории идет уже несколько лет, и конца ему не видно: у всякого виноватого находятся оправдательные мотивы, и все новые лица втягиваются в процесс в качестве подозреваемых. Конкретный результат пока один: следователи из разных контор передерлились, аргументы не слышны, брань висит над нашей периодикой.

К тому же нам трудно быть справедливыми: мы судим предков по нашим правилам, они же жили по своим. Мы знаем отдаленные последствия их решений — но они-то не знали. Их поступки вполне могут казаться нам низ-

менными — но ведь законы нравственные, как и юридические, обратной силы не имеют. Надо учесть и то, что преступные персонажи прошлого надежно укрыты от расплаты толщей времени: если и получатся их отловить и осудить, то ни четвертовать, ни колесовать все равно не удастся.

Так может имеет смысл за давностью лет просто помиловать нашу историю? Она такая, как есть, и стать иной все равно не сможет. В ней хватает и величия, и горечи, и славы, и бед, и свершений, и крушений, она, по формуле Николая Глазкова, всегда была интересной для историка и печальной для современника. Вот и оставим специалистам разбираться, кто и в чем виноват. Нам же, хотим или нет, предстоит решать другой, жизненно необходимый и абсолютно неизбежный вопрос: что делать? Потому что жить нам завтра — придется. И что-то делать — придется.

Так что же нам делать?

Хочу вернуться к проблеме, которой я сам себя озадачил. Почему у американцев все заладилось, а у нас нет? Штаты развиваются не только быстро, но и стабильно, сравнительно легко преодолевают возникающие кризисы, а наша страна, совершая порой ошелошливающие рывки, потом вдруг словно опрокидывается в кювет, разом теряя достигнутое. В чем причина их надежности и нашей неустойчивости?

Впрочем, говорить надо не только о Штатах. Все высокоразвитые, богатые, процветающие страны с высоким жизненным уровнем населения имеют некие общие черты, общие принципы жизни. И прежде чем решать, что делать во имя народного блага, не разумнее ли посмотреть, как существуют те государства, где народ уже благополучен — по крайней мере, по сравнению с нами.

Что же едино в столь разных странах, которым сопутствует успех?

Прежде всего — свобода и независимость личности, пунктуальное соблюдение прав человека.

Эта черта не всегда выглядит достоинством, свободу часто и вполне искренне ругают: мол, неуправляемость, анархия, что хочешь, то и воруешь. Бывали в новейшей истории целые периоды, когда тоталитарные режимы казались мощней и динамичней демократий, и у Гитлера, и у Сталина экономика, движимая террором и энтузиазмом, шла на подъем, армии диктаторов никому не уступали в силе. Но в эпоху научно-технической революции демократические страны резко уходят вперед. Качественно строить дороги и плотины вполне могут и невольники. Но открытие редко дается рабу — тут нужна свободная и бесстрашная мысль, позволяющая совершить прорыв в любой точке, а не только там, где укажет начальство. В конечном же счете решает именно общий уровень достижений. Диктатура, собрав все силы в кулак, сумела первой запустить спутник — но с первым «шаттлом» отстала уже на много лет.

Нынешняя научно-техническая революция не эпизод и не период в современности — это постоянная среда нашего существования. Гонка достижений имеет скрытый жестокий смысл: развитые страны быстро приспосабливаются к жизни на беднеющей ресурсами планете, а отстающие... Не придется ли им со временем продавать последнее, что останется, — территорию под радиоактивные свалки? Нет, лучше не отставать. И со свободой человека лучше не медлить.

Второе условие успеха — собственность. Та частная собственность, которая одна только и гарантирует личности независимость. И, что не менее важно, стимулирует предпринимательство любого масштаба, от редиски под окнами до международной авиалинии. А еще собственность — незаменимая школа: это при колхозе могут расти белоручки, а на отцовской ферме белым руками взяться неоткуда.

Лишь широкий слой собственников может спасти страну — государство лопнувших окончательно развалится, когда нечего станет украсть. А ведь не так уж много и осталось...

Третье — равные возможности граждан.

Сразу скажу, что на сто процентов это правило не соблюдается нигде — и достаток у родителей разный, и равные или сословные предрассудки укажем не отменишь. Но ни одна страна, где этнические, религиозные или классовые привилегии зафиксированы законом, не добилась серьезных и устойчивых достижений (разумеется, я не говорю ни о декоративных королевствах вроде Швеции или Англии, ни о нефтяных монархиях, которые являются исключениями из всех правил и останутся ими до той поры, пока не иссякнет нефть). Привилегии не только раскалывают общество на враждебные группы, но и лишают жизненной стойкости их обладателей. Не случайно в России неконкурентоспособным оказалось сперва боярство, потом дворянство, а уже в наши дни новое дворянство — партийная номенклатура. Даже в спорте выигрывает не тот, кто на фору надеется, а тот, кто фору дает.

Четвертое — вписанность в мировой рынок. Любая изоляция неминуемо ведет к отсталости, китайские стены оборачиваются тюрьмой для тех, кто их возводит. Нашу Сибирь оптимистично называли новой Америкой. Она не стала ею лишь потому, что у каждого американца на бескрайнем торжище всегда был свой привычный лоток, сибиряк же попадал туда неуверенным провинциалом, которого по дороге грабят все, кому не лень, от переводчика до рекетира.

Обязательный и незаменимый спутник успеха — альтернативность и регулярная сменяемость власти, то есть демократическая форма правления. Здесь дело не в благородстве принципов и не в стремлении сделать приятное народу, возведя его мнение в закон. Просто несменяемая бесконтрольная власть неминуемо вырождается, а вышние ее представители демонстрируют порой чудовищную непригодность к занимаемым должностям. Немыслимо предположить себе во главе демократического государства Николая Второго или Черненко, Чаушеву или Менгисту — а вот монополия власть выкидывает подобные фортели сплошь и рядом. Мне кажется, Октябрьскую революцию обрекла на жалкий финал не столько коммунистическая утопия, сколько запрет фракционной деятельности внутри единственной легальной партии. Различные политические силы, даже заигноризированные поначалу одной иллюзией, рано или поздно в процессе борьбы и взаимной критики выработали бы нормальный курс на нормальную жизнь просто за счет здравого смысла — лишь тотальная власть имеет счастливую возможность с ним не считаться. В США, Англии или ФРГ только по две партии имеют реальное влияние. Но и одной серьезной оппозиционной силы вполне хватает, чтобы существующая власть старалась быстрее исправлять неизбежные ошибки —

иначе их исправит уже другое правительство. Большевики же для удобства отключили все контрольные системы, после чего катастрофа, как на Чернобыльской АЭС, стала лишь вопросом времени.

И наконец, последняя парадоксальная черта стран-победительниц — отсутствие великой идеи. Чем выше державные амбиции, тем скособооченней экономика и бедней народ. Глобальные цели обходятся слишком дорого. Даже сегодняшней Америке ее мягкое лидерство не совсем по карману: то здесь, то там ее обходят миролюбивые азиатские «тигры» (Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), озабоченные единственной идеей — завтра жить лучше, чем сегодня.

Вероятно, у стран процветающих можно найти и иные общие черты. Стоит это сделать. Слишком уж часто наша невезучая страна игнорировала чужой опыт, пытаясь обогнать мировую цивилизацию по кривой. Результат виден невооруженным глазом.

Мне всегда были симпатичны изобретатели велосипедов, не верящие в общепризнанное, предпочитающие процесс результату, готовые ради зыбкой идеи отказаться от реальных житейских благ, наивные фанатики, чьи чудачества будоражат воображение и бережат душу. Но горе стране, где изобретатели велосипедов приходят к власти...

Бесспорно, наша страна уникальна. Но есть ли в мире государства не уникальные? Да хотя бы наши соседи — Финляндия, Турция, Япония. Но все они стремились и сумели вписаться в человечество.

Случайно ли сторонники уникального пути практически всегда отвергают принцип народовластия? Да нет, конечно. Ведь единственность судьбы для того и декларируется, чтобы лишить народ его естественных и неотъемлемых прав, оправдать всевластие и бессрочность тирании.

Кстати, теория о том, что для России органичен только благословенный деспотизм, никогда не поднималась снизу, из толпы народа. Наоборот — народ при всякой возможности восставал за свободу. Тоталитарная идея всегда «спускалась» и внедрялась сверху либо диктаторами, либо претендентами на абсолютную власть, либо холуями тех и других, готовыми на все во имя куска. «Вы, жадно толпой стоящие у трона», — обозначил их когда-то Лермонтов. Трона в царско-сталинском понятии сейчас нет, но жалкая толпа осталась. Она и требует сегодня железной руки, все равно какой, хоть коммунистической, хоть монархической. Лишь бы несменяемая власть, неприкосновенные должности, пожизненные, а лучше и наследуемые кормушки...

На наших глазах все больше стран вливается в мировое сообщество, ничуть не теряя при этом неповторимости лица. Лишь несколько режимов круто противостоят этому процессу, всеми средствами защищая неповторимость своих структур власти. Но такими странами руководят гении, отцы народов, непогрешимые вожди: Ким Ир Сен, Саддам Хусейн, Муамар Каддафи, Фидель Кастро.

У нас сейчас гениев нет, и внизу, и наверху просто люди. Так не пора ли начать и жить, как люди, — раскрепостить наконец народ и дать каждому человеку возможность самому строить свою судьбу в меру сил, таланта и совести? А самобытность истории и культуры никуда не денется, скорей, проявится ярче и уверенней. Во всяком случае, Бог даст, старинные дворцы не придется восстанавливать туркам, а Третьяковскую галерею финнам...

Р.С. Эти заметки я закончил за три месяца до трех дней, отделивших неуверенную «революцию сверху» от настоящей демократии. Сейчас, в верстке, пересчитал — и ни строки не исправил. Хорошо, когда новая историческая эпоха не требует новой редакции прежних работ...

ЗНАК БЕДЫ

Елена
СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно секретно»

Я не буду называть их настоящих имен, а тем более фамилий. Никаких координат — им пока что небезразлично, что станут думать о них окружающие. Все четверо — пациенты одной из наркологических клиник, у всех одинаковый диагноз: наркомания.

«Колоться начал два года назад. Мне 24 года. У меня все в жизни было плохо, спиртное не давало успокоения, и тогда я попробовал курить анашу. Я не смогу описать это состояние, это надо почувствовать. Ты словно летаешь, полная несомненно, легкость невероятная. Настроение отличное, весело, смеешься без причины, со стороны можно подумать, что чокнутый. Но конопля с каждым разом удовлетворяет

все меньше, и уже обкуриваешься до одури, чтобы хоть немного забыться. Достать анашу трудно. Первому встречному, может быть, и не продадут, а так — на каждом углу. Труднее найти то, что по вене пускают. Через вену не одна машина уходит...

Просто так на барыгу не выйдешь. Нужны посредники. Один парень подводит тебя к другому, тот — к третьему... Я чувствую, что через два часа мне будет очень плохо. Звоню: «Саш, Игорь дома?» — «Да». — «Лекарство есть?» — «Есть». Еду к нему.

За дозу часто приходится переплачивать, барыги все психологи, чувствуют твоё состояние и играют на этом. Взаимы не дадут. Помирать будешь на глазах, не дадут. Товар — деньги — товар. Закон один для всех. Если нет денег, продадут за ценности. За золото. Оценивают сами. Принесешь дорогое кольцо — «мало». Эти люди далеко не последние. Сами наркотики не употребляют. Как правило, работают в медицине. А где еще морфий достать?»

Из рассказа Сергея К.

«Я плотно сел на иглу. В восемьдесят втором разбился мой отец. Мать положили в больницу. Мне было 12 лет, сестре — 10. С этого момента я начал колоться. Пока не уколось, не мог идти в школу. Какими же детьми казались мне ребята из класса. С тех пор я и запомнил наркотик. Я постоянно его помню. Я прижигал следы уколов, чтобы не видно было «дорог». А однажды в психушке я вскрыл себе лезвием живот, засунул туда ложку. Думал, что вывезут в хирургию, а

оттуда сбегу. Просчитался. Вывезли на «скорой» в наручниках за 50 метров, зашили и назад. Мне не страшно было резать живот, даже легче стало, когда кровь полилась. Потом мою кровать вынесли в коридор, меня привязали и начали закалывать лекарствами в десять точек.

У меня была сожительница. Я ей сразу сказал, что предательство хуже измены. Я не простил. Выгнал. Вообще с особами женского пола, моими ровесницами, я не могу разговаривать. Я готов бить им в морду, хотя ни разу никого не ударил. Маму я очень люблю, но почему-то не могу с ней общаться, мне кажется, она в душу лезет.

Как бы ни лечили от наркомании, никто не вылечит, пока не придумают средство, которое сотрет в мозгу эту память. Если бы не физические страдания, если бы не зависимость, если бы это не влияло на здоровье, я бы кололся. А так... появились проблемы по отношению к женскому полу, я стараюсь обходить женщин стороной.

Раньше я был живой, веселый, а сейчас спокойный, тихий, хотя в душе у меня ярость. Если мне человек не сделал плохого, то и я не сделаю ему. А если... Я его не оставлю в покое, придумаю свою мсть, только более жестокую, я его накажу, чтобы не думал, что он — пуп земли.

В квартиры я не лазил. Единственное, чем могу зарабатывать деньги, — это своим языком. Обманываю людей, рассказываю про свою тяжелую судьбу и без единого грубого слова получаю, что хочу. Не

знаю, как это называется — вымогательством или мошенничеством. Мне дают, я жму руку, а в душе смеюсь над этим человеком...

Этой весной в полях, где озимая пшеница, я посеял маки. Они взойли. Можно было уже употреблять, но я не тронул. Надоело за девять лет...

Из рассказа Николая Г.

«Я колюсь четыре года. Мне, 24, Доза — восемь кубов. Раньше я сильно пил, большие неприятности были, а потом попробовал наркотики — не шатает, настроение хорошее. Месяца через три «подсел» окончательно.

Вены резал два раза. Один раз в психушке, второй — в милиции. Лезвием. У меня всегда в кармане. Я ничего не думал тогда.

За это время тысяч 50 спустил. По меньшей мере. Крутился, как мог, с себя продавал. За стакан отдал новую норковую шапку, а цена стакана — 120 рублей...

Самый жуткий случай из моей жизни рассказывать не буду. Вспоминаю не хочу. Если нужен наркотик, пойдешь на все. Вплоть до убийства...

А может быть и так: ты заплатишь деньги, а тебе продадут чай, разведенный с водой. И никому дела нет, что с тобой будет потом.

Есть доза, которая нужна, как воздух, а есть чуть выше — тогда получаешь удовольствие. Умирают некоторые. Один умер от жажды. Ему все казалось, что мало. Задохнулся языком на «приходе».

Я не знаю, будет ли у меня ребенок. Страшно подумать, если он родится больным.

Девушки из моего круга такие же, как я. Готовы на любое унижение за шприц. Какая может быть любовь? Разве что под кайфом. В милиции сдают всех подряд, а за это получают конфискованные наркотики. Они за себя боятся. Ведь все открывается. С ними поступают по-разному. Могут «опустить», чтобы человек почувствовал себя ничтожеством.

Я не думаю о будущем. За чем?»

Из рассказа Игоря Д.

«Я грязь не употребляю. Только чистый морфий или метадон. У меня вид лучше, чем у других. По глазам не скажешь, что я колюсь. Жена не догадывалась. Дошел до того, что в день мне нужно 1000 рублей.

Я могу и в долг попросить. Мне дадут. Сегодня дадут, завтра, а послезавтра не дадут. А как он мне откажет, если я ему за месяц 30 тысяч отдаю? Проклинаешь эти рынки, мечтаешь, чтобы их закрыли совсем, чтобы не было где брать. Но я знаю, где взять...

Сколько денег ушло, я не считал. Полмиллиона точно. Среди моих друзей никто не колет. Они говорят: «Хватит, сколько можно!»

Самое страшное, когда ты просыпаешься утром, а у тебя нет больше денег, и тебе будет очень больно. Очень. Отдашь все. И пойдешь на все, на любое преступление.

Я не знаю, как некоторые могут оставлять себе наркотик на завтра. Сколько бы у меня ни было, все сразу, в тот же день употребляю. Четыре раза чуть не умер.

Морфий стараюсь не упо-

треблять. Метадон — другое дело. В других странах его дают наркоманам, а у нас за это сажают.

Вы ходите на рынок, и все станет ясно. Сезон закончился, и наркоманы бродят стаями. Они не боятся ничего. Увидят барыгу — бегут за ним.

В последнее время я замечаю, что девушки становятся держаться подалеже. Посмотрел в зеркало — черные мешки под глазами. Мне ребята говорят: «Это смерть. Просто смерть». А мне все равно...

Из рассказа Александра Н.

Они не считают себя наркоманами

На вопросы отвечает подполковник милиции Валентин РОШИН — начальник отдела ГУУР МВД СССР и одновременно начальник Московского межрегионального бюро по борьбе с наркобизнесом.

Когда я встретилась с ним в июне, его кабинет в Петровке, 38, ничем не отличался от других. Стол, диван, телевизор, несколько телефонов и новинка — компьютер. Над столом портрет Ленина. В один из субботников хозяин кабинета решил почистить портрет, пыль смахнуть и поразился его толщине. Профессионально отогнул краешек и увидел за изображением вожда мирового пролетариата портрет Берия, а под ним — Иосифа Виссарионовича.

— Какое у вас оружие? — Три пистолета — «Макаров», «Стечкин» и газовый револьвер.

— Вы с собой какой все время носите?

— Никакой. — Приходите ли вам участвовать в задержаниях лично? — Участвую практически во всех.

— Это нужно? — Это как наркотики. Может быть, мои слова прозвучат некрасиво, но на задержание идешь, словно на охоту. Азарт охватывает. И приятно, когда ты преступника обставил, выследил, переиграл...

— В Москве трудно купить наркотики?

— При желании не очень. Любой крупный город с населением свыше миллиона человек имеет рынки сбыта. Москва — не исключение. Какие-то точки нам удалось ликвидировать, какие-то существуют по-прежнему, например Черемушкинский рынок, Даниловский. Именно туда стекаются иногородние, отыскивают земляков... Среди нашего «конtingента» москвичи составляют лишь одну треть.

— Каковы сегодня цены на наркотики?

— Рынок сбыта наркотиков в отличие от нашего союзного рынка, который мы пытаемся создать, функционирует давно. Спрос диктует предложение. На цены влияют и время года, и урожай (не зерновых, естественно). Вот, скажем, год назад ампула метадона стоила 250 рублей, сейчас — 350, причем общее повышение цен от 2 апреля на это не повлияло. Стакан маковой соломы — 300 — 350 рублей, один грамм морфия — до полутора тысяч...

— Вы по-прежнему задержи-

ваете тех, кому можно поставить в вину лишь факт хранения наркотиков без цели сбыта?

— Благодаря созданию нашего бюро выявляемость сбытчиков увеличилась в два раза. 25 октября прошлого года Комитет конституционного надзора признал несоответствующим Конституции и международным нормам о соблюдении прав человека такое положение, как административная ответственность за немедицинское употребление наркотиков. В России резко ограничено направление наркоманов в ЛТП. Все это обеспечит рост наркомании в самое ближайшее время.

— Освобождается ли от ответственности за хранение наркотика человек, который отвечает вам источник сбыта?

— К сожалению, закон не позволяет нам это сделать. Свидетельство такого рода, подкрепленное другими доказательствами, крайне важно, и, на мой взгляд, человеку, который даст эти показания, в тюрьме делать нечего. Но сегодня ситуация иная: и потребитель, и сбытчик — оба идут в тюрьму. Так какой смысл давать показания, тем более что никто не застрахован от встречи на одной зоне? Ведь зон для наркоманов всего три...

— Значит, редко кто называет источник?

— Практически никто. Не случайно родилась поговорка: чистосердечное признание облегчает душу, но удлиняет срок. Я до сих пор Сметанину Надю не могу забыть. Она совершенно случайно попала в компанию, ее попросили отвезти наркотики, она согласилась и... ее арестовали. Надя помогла следствию, а в итоге получила больше, чем крупные жулики. Я и к судье ходил — бесполое. Как после этого уговаривать кого-то признаться? Можно, конечно, и кодекс показать, где про смягчающие вину обстоятельства написано. У нас суды практически это не применяют.

— Как же вы выходите на сбытчиков? У вас, наверное, есть широкая сеть осведомителей?

— Хватает.

— Могут ли эти люди рассчитывать на снисхождение, если сами попадают в криминальную

ситуацию? — Нет. У нас нет законов, позволяющих оградить осведомителей от уголовной ответственности. Хотя на практике такое иногда случается.

— Какие наркотики имеют сегодня хождение в Москве?

— Растительные, в последнее время доминирует гашиш. Распространяются и синтетические наркотики, фенамин например. Произвести его просто так, без лабораторных условий, невозможно. Мы стали разбираться и вышли на Московский химико-технологический институт

им. Д. И. Менделеева, на территории которого есть опытный завод. Там группа бывших и нынешних студентов, всего 15 человек, изготавливала наркотики. Один грамм стоит тысячу рублей. Процесс производства долгий, длится не часы, а сутки. Нам удалось взять 20 граммов готового препарата. Могу сказать, что пока мы контролируем обстановку в городе.

— Наблюдаете ли вы сегодня увеличение числа наркоманов?

— Да. По экспертным оценкам, в нашей стране полтора миллиона наркоманов. Один из способов снизить уровень преступности, причем на бумаге, — это изменение законодательства.

В прошлом году существовала уголовная ответственность за немедицинское употребление наркотиков. До 20 процентов преступлений, связанных с наркотиками, подпадал под эту статью. Но посмотрите: за четыре месяца этого года возбуждено 279 уголовных дел против 248 в прошлом году. Это с учетом падения тех 20 процентов. Рост налицо.

— Милиция часто жалуется на плохое оснащение, на нехватку того, другого... Вы тоже жалуетесь?

— Мы — счастливое исключение. Я пожаловаться не могу. На 28 сотрудников — 10 машин. Все новые, есть и БМВ.

— А как у вас с кадрами?

— Это болезнь. У меня происходит практику шесть человек — слушателей Московской высшей школы милиции. Замечаю, что у них слабая теоретическая подготовка. Далеко не все преподаватели были практическими работниками, некоторые мыслят категориями вчерашнего дня.

— Видно, кадровые сложности связаны с экономической ситуацией в стране. Не каждому охота вскалывать день и ночь за фиксированную зарплату...

— Если и в предыдущие годы определенное количество выпускников, проработав год-два, увольнялись, не выдержав ритма, то сегодня этот процент растет. Я как-то спросил практикантов: «Стипендия маленькая, наверно?» «Ну зачем же?» — услышал в ответ. — Наш комсомол организовал кооперати-

приходилось. Хотя должен сказать, что сотрудник уголовного розыска после пяти — семи лет работы профессионально деформируется, деградирует как личность. Он теряет нормальную связь с обществом, крутится в своей среде, где разговоры только про работу. А ведь человеку необходим круг общения. Нашим людям некуда пойти. Должны быть профессиональные клубы для сотрудников.

— Вы ходите безоружным. Не боитесь мести со стороны тех, кому обеспечили место на парах?

— Я никогда не шкурничал, не подличал, и если кого-то ловил, он знал, что за дело. Из десяти человек двое после отсидки обязательно позвонят. Это ведь говорит о чем-то.

— Насколько результативно работает ваше бюро?

— За семь месяцев изъято ценностей на три с половиной миллиона рублей. Наш сотрудник принял самое непосредственное участие в розыске похищенных из ереванского музея картин Сарьяна. Три найдены, осталось найти четвертую картину.

— В названии вашего бюро есть слово «наркобизнес». О каких суммах идет речь?

— На черном рынке ежегодно реализуются наркотики на сумму три-четыре миллиарда. Как расходуются эти деньги, куда вкладываются, каким образом отмыываются — у нас пока недостаточно опыта, чтобы ответить на все эти вопросы. Существует мощная организация с жесткой структурой. Дельцы наркобизнеса далеко не последние люди на социальной лестнице.

— Можем ли мы сегодня говорить о мафии?

— Сейчас я могу это сказать. Если в предыдущие годы мафия формировалась, то теперь она существует. Сегодня мафиозные корни уже прорвали оболочку и распространились очень далеко.

— Вплоть до высших органов власти?

— Да. Надеюсь, скоро мы назовем адреса.

© Е. Светлова, 1991

ситуацию?

— Нет. У нас нет законов, позволяющих оградить осведомителей от уголовной ответственности. Хотя на практике такое иногда случается.

— Какие наркотики имеют сегодня хождение в Москве?

— Растительные, в последнее время доминирует гашиш. Распространяются и синтетические наркотики, фенамин например. Произвести его просто так, без лабораторных условий, невозможно. Мы стали разбираться и вышли на Московский химико-технологический институт

вы, мы работаем в охране, по 700 рублей в месяц получаем». И после этого он придет сюда на должность опера и в лучшем случае будет получать 400? И еще один момент. Я не говорю, что в кооперативах все жулики, но у человека, работающего там, могут появляться связи, которых у сотрудника уголовного розыска быть не должно.

— Были ли у вас случаи, когда приходилось увольнять сотрудника?

— Были. Счастье, что не было предателей. А за пьянкой —

Это интервью взято Александром МИРЧИНЫМ у Юрия Петровича Любимова еще до его возвращения на родину, в Театр на Таганке. После того как этот разговор состоялся, в жизни режиссера произошло много событий. После долгого отсутствия был первый приезд Любимова в Москву, знаменитые десять репетиций, которые он провел на Таганке, восстанавливая когда-то запрещенный спектакль «Борис Годунов», и успех этого спектакля у зрителей. Было возвращение режиссеру советского гражданства, должности художественного руководителя Театра на Таганке. Затем за два сезона Любимов возобновил свой замечательный спектакль «Преступление и наказание», поставил два новых — «Пир во время чумы» и «Самоубийцу». Параллельно Любимов не переставал ставить спектакли за рубежом. Контрактов там, как говорит режиссер, у него много. И потому, видимо, он не может уделять своему театру достаточно времени. За последний театральный сезон новых постановок Любимова в Театре на Таганке не состоялось.

За последние годы в Советском Союзе Юрий Петрович не раз давал интервью. Однако материал, предлагаемый вашему вниманию, содержит информацию, которая так и осталась не известной советскому читателю.

ВОПРОС: О вашем детстве?

ОТВЕТ: У меня биография, как у Щепкина: «сын крепостного», но я не сын — дед у меня был крепостной мужик, потом он был раскулачен (на восьмом десятке) и выброшен в снег из собственного жилища. Он не понял, думал, что просто хулиганы пришли, и стал защищать дом, его избили, конечно, и бросили в сугроб. От чего у него был инсульт. Я его встречал на Ярославском вокзале, так как отец в это время, по-моему, сидел в тюрьме. Что я хорошо запомнил, как дед дал мне — он был с бабушкой, ехали мы на извозчике, зимой, жили мы на Плющихе, в Земледельческом переулке, — когда я носил его тючки на третий этаж, серебряный рубль. Я был очень смущен и отказывался брать, на что он сказал: возьми и запомни — за работу надо платить, иначе все развалится и никакой жизни не будет. Позже дед водил меня в церковь, и я даже прислуживал там.

В. У вас больше воспоминаний детства связано с дедушкой, чем с папой?

О. Нет, и с папой очень много связано. Хотя иногда и унижительных воспоминаний, например, как два «балбеса» — я и мой брат, умерший, Давид, — мы посмели папе сказать: «и правильно вас сажали», «вы отсталый тип». Отец был человек спонтанный, хотя и выдержанный, со всего размаху он влепил брату сильную пощечину. Брат ушел из дома, а я ушел за ним, потом бедная мама нас вернула. Мама была и учительницей, и бухгалтером. Всего нас было четверо детей, но сейчас осталась одна сестра, она там живет, и мой старший сын тоже там живет. Папа женился на маме с определенной целью: чтобы смягчить репресии, так как он был «лишенец», числился в списках, и я, например, не мог поступить тогда в десятилетку, а должен был идти в ФЗУ Мосэнерго и сперва заработать рабочий стаж. Поэтому когда меня «дорогие товарищи» выгнали, то в моей «трудовой книжке» к моему 70-летию стаж рабочий — поверите или нет — исчисляется с 14 лет. Кстати, я был монтером высокой квалификации, так что они не постеснялись и выгнали рабочего человека.

Папа был очень расстроен, когда я неожиданно бросил готовиться к поступлению в Энергетический институт (я имел уже стаж и мог поступать), а вместо этого пошел читать речь Юрия Олеши на Первом съезде советских писателей, чем очень удивил труппу Московского Художественного театра — 2-го, которую и саму быстро через год закрыли. Было это глупое постановление в «Правде»: закрыть театр как малохудожественный, а труппу распределить — это был анекдот — и укрепить московские театры. Такой вот анекдот ходил по Москве, что слили труппы Малого и Художественного и получился малохудожественный театр.

В. Почему и как вы стали актером?

О. Произошло это как-то спонтанно, тогда везде были популярны школы Айседоры Дункан, и мама меня отдала в такую школу. Потом я занимался акробатикой, еще чем-то, я много учился, сколько я себя помню — я все время чему-то учился.

Когда закрыли МХАТ 2-й, я поступил в Театр Вахтангова, меня приняли, и я рано стал играть на сцене. То есть я учился и играл. Мне повезло, я играл там

Юрий Любимов с сыном

НЕ ДАВ БЫ!

маленькие роли с большими актерами, например со Щукиным. Я ему понравился, и он даже пытался меня освободить от армии, так как я уже играл достаточное количество ролей. Но вскоре он умер, довольно молодым, ему было всего сорок с чем-то. Умер ночью, читая Дидро «Парадокс об актере». Замечательный был актер, удивительный.

В. Что произошло после смерти Щукина?

О. Меня забрали в армию, где я долго торчал, это еще в финскую, прошел курсы какие-то страшные, тоже полезно актеру и режиссеру, тяжело, но полезно. Потом я в блокаде долго сидел ленинградской, потом (имитирует голос «вождя») «был на Малой Земле, понимаете ли, где даровой Леонид Ильич, понимаете, написал свои бессмертные произведения, вот. По заводскому гудку, понимаете ли. И мы с друзьями пели про тракториста, которого убили кулаки, понимаете ли, и бабелая скупая мужская слеза, был большой гнеу внутри, понимаете ли. Вот это чувство классовой борьбы, правда, потом выяснилось, что тракториста этого не убили, но, понимаете, пели мы, ну, немножко выпили, конечно, но с глубоким чувством, понимаете, вот это забывать нельзя-я».

А сейчас в моей жизни мне очень помогает прошлое актерство, потому что любому актеру западному я могу показать тенденцию, намерение, и показать точно от характера. И это мне помогает безусловно в борьбе с языковыми барьерами, потому что я шатаюсь теперь по всему миру. Так что бывшая профессия помогает. Я не принадлежу, кстати, к режиссерам, которые и играют и ставят, я считаю это невозможным для себя, потому что вся энергия моя уходит на постановку спектакля.

В. Вы же были очень известным киноактером?

О. Да. Я много снимался по тому времени.

В. Премии получали?

О. Премии все же получал. Я даже Сталинскую получил, но это в театре я получил...

В. Оттого и близость с Трифоновым?

О. Да, он тоже был лауреатом Сталинской премии.

В. За «Студентов».

О. За самый плохой роман...

В. Но, правда, отказался от него потом.

О. Да, он отказался, молодец.

В. От первенца отказаться, это как своего ребенка выбросить...

О. К тому времени он очень зрелый мужчина был. Очень своеобразный был человек. Казался снаружи свинцовым таким, тяжелым, кусок металла, а на самом деле он был очень мягкий, наблюдательный и очень все точно видел... особенно близких своих.

В. Что-нибудь еще о ваших актерских годах?

О. Одно вот помню, это уже как для режиссера, из итогов своих наблюдений театральной жизни. Сыграл я экстренно, просил Рубен Николаевич Симонов, руководитель Вахтанговского театра. Также смешной человек, уж очень большевиков боялся...

В. Почему бы это...

О. Нет, у него как раз нет, он вроде умел ладить, все премии получал, все звания получал, но очень их боялся, немного по-другому, чем Шостакович, просто панически их боялся. Он готов был поддаться все, что угодно, лишь бы от него отстали. Но Шостаковича очень много били и били, как по-русски говорят, в усмерть, поэтому он действительно был комком нервов. Били его всегда, это уже потом его сделали классиком, Героем Соц. Труда и так далее, и так далее. Но он все равно боялся. Я знал его много десятилетий, меня познакомил с ним очень близкий друг Николай Робертович Эрдман.

В. Как же вы пошли на преподавательскую работу?

О. Я пошел от разочарований. Да вы знаете, мне как-то надоело играть. Играл я много, часто довольно успешно, но меня перестал устраивать театр; что это — старомодно, все меня стало раздражать: реквизит, декорации, я входил в бесконечные конфликты с режиссерами... даже один симпатичнейший режиссер грустно сказал: «Любимов постулат Немровича, что режиссер должен умереть в актере, понял буквально». Может, я и в кино начал проверять, что у меня есть какие-то данные быть режиссером, часто я уговаривал своих друзей-режиссеров: ну, сделай хоть один дубль, как я тебя прошу, я тебе покажу, как я хочу сыграть, один дубль. Потом я эти отношения всегда с актерами устанавливал (даже оперными), вам не нравится, покажите, что вам удобно. И, если я вижу, что это лучше, чем я предлагаю, я с радостью соглашусь, но, к сожалению, это редко бывает. И их нельзя обвинять: они не видят целого. Не знаю, тут какая-то путаница и странности происходят, актеры всегда обижаются, независимо от того, какие они актеры: балетные, оперные, драматические, но никто не отнимает их дара исполнительского, но это другая профессия — режиссера — кто-то должен делать целое, как говорят,

кто заказывает музыку.

В. Как возник Театр на Таганке?

О. Я связу только. Моя неудовлетворенность актерская, иными словами, надоевшая профессия, вроде мне уже за сорок, чего-то я рожу мажу, губки крашу, в общем, все это вместе и то, что я говорил выше, меня стали раздражать, я перестал получать удовольствие от сцены, и я резко переменял профессию. Все даже удивились, я сначала пошел преподавать, играл, а потом — сделал «Добрый человек из Сезуана» Брехта, я тогда впервые прочел Брехта, его опубликовали, но никто в театрах его почти не ставил. А мне показалась интересной странность его драматургии, чужеродность канонам советской драматургии, это было загадочно, очень любопытно, а как это сделать? Я попросил кафедру, сперва мне отказали, сказали: зачем этот автор, противостественный русской школе (а что, нет?), рационалист, нет эмоциональности — ну, всякие глупости; короче говоря, я их все-таки уговорил, что только покажу кусок на 40—50 минут и тогда кафедра решит, может ли это быть дипломным спектаклем. Я не думал, что это будет — Театр, мне просто казалось, что для того, чтобы играть этого автора, нужно сделать спектакль уже на 3-м курсе, чтобы они могли учиться — 4-й курс — и играть спектакль. Потому что Брехт требует контакта особого со зрительным залом.

Я был рядовым педагогом, это не был мой курс, я даже не всех их взял потом в театр, но мне и условия такие поставили: я мог взять только 10 человек, остальных я взял из старого театра, и сразу была проведена полная реформа этого старого театра, который был должен государству 70 000 рублей, и мы платили долги, устраивали актеров старой гвардии в другие театры, в концертные организации, так как могли возникнуть суды и они могли восстановиться.

Потом мы стали играть в разных Клубах, Домах, Доме актера, Доме писателя, ученых в Дубне. Они, актеры, еще учились, я преподавал, и тогда мне уже стали подкидывать театр, так как появилась заметка Константина Симонова в «Правде», чтобы сохранить коллектив. Тогда был модный Андрей Вознесенский, в зените славы, он тоже выступал «за», ученые очень крупные поддерживали затею, писатели. И было решено, что мне нужно дать театр. Сперва меня хотели в Ленинского комсомола, но, к счастью, вдруг они передумали, и туда пошел Анатолий Васильевич Эфрос. А меня тогда сулили в этот Театр на Таганке. Все мне говорили, зачем ты его берешь, туда никто не ходит, рабочая окраина, жуть. Мне тогда было 45 лет, в 1964 году. Как раз только открылся «Добрый человек из Сезуана», как сняли Хрущева. Такое совпадение. С этого спектакля и начался Театр на Таганке.

В. Есть ли у вас любимые драматурги?

О. Любимый мой драматург по-прежнему Шекспир. Интересовали Шоу, Ануй, Йонеско, я хотел ставить «Носороги», но мне не дали, Беккета хотел поставить «В ожидании Годо», тоже как-то не получилось. В этом тоже ничего нет страшного, значит, «перест судьбы». В общем, я считаю, что в итоге весь мой путь получился от Брехта к Достоевскому через прозу. То есть проза была намного интересней, и в прозе я смог себя свободней и лучше выразить, поскольку я считал свой театр — авторским. Да и адаптации я все делал сам, а если автор был живой, то вместе с ним.

В. По какому принципу вы отбирали спектакли для театра? Вам действительно нравится «Что делать?» Чернышевского или «Мать» Горького?

О. Нет, это была ситуация, в которой делать было уже нечего. Мне все закрывали, как в последние годы (когда закрывали и «Бориса Годунова» и «Высоцкого»), и сказали: вот хотите ставить «Мать», ставьте, а не хотите — делайте что хотите. И также было предложено «Что делать?». Чтобы выжить и не погубить театр, я пошел на это, но сказал: сначала я подумую. Я сделал «Мать», но они и ее не хотели разрешать! Эти спектакли более всего встречены в штыки цензурой, никто в театре не ожидал такого. Хотя адаптация была хорошей, я взял все сильные места из Горького, спектакль получился очень сильный — и по форме, и по воздействию на публику. Его не хотели просто пропустить, но закрыть им было тоже очень трудно, они не могли. Я им, помню, сказал: «Если у вас какие-то прямые ассоциации, то — лечитесь!» И перенесем разговор в другие инстанции. То им «Дубинушка» не нравилась, уберите. Я говорю: как, это национальная песня, народная, на которой целые поколения воспитывались, уже и она вас не устраивает, Шалашин ее пел.

В. Когда у вас начались неприятности с советской властью?

О. Я уже говорил — от дедушки к отцу, а от отца эти неприятности перешли ко мне, видно, это уже семейное. Они, столкновения, начались у меня странно, когда я был еще актером. А как у режиссера — в училище,

во время постановки Брехта. А со всей силой они, неприятности, начались сразу после спектакля «10 дней», который сам прошел ничего, без скандалов. В это время изменилась политическая обстановка, уже все стали ждуть, что же будет с Чехословакией, 68-й год. В это же время я поставил «Павшие и живые», которые вызвали гнев начальства, потому что это был антисталинский спектакль, а они в это время старались «уделать» соседей. Правда, он был выскочен довольно сильно, но все-таки для меня оставался ценным благодаря прекрасной поэзии, которая в нем была, а также благодаря интересной форме. Спектакль вызывал очень сильный отклик у зрителя, который его смотрел. И чины все-таки закрыть его не смогли. Они его испортили довольно сильно, но он все же имел свою художественную ценность и шел до последнего времени. Как раз за этот спектакль заступался Симонов (возвращаясь к вашему вопросу о нем и учитывая всю противоречивость его натуры и поступков), он не мог понять, почему его закрывали.

В. Спектакль «Живой». Что значит «четыре раза сдавать»? И почему 15 лет его не могли выпустить?

О. Потому что первый раз, когда я его выпустил, — спектакль закрыли, а меня выгнали. Официально.

Эрдман мне посоветовал прочитать, когда эта вещь появилась в «Новом мире». Мне она очень понравилась, я познакомился с Борисом Можжевельным, он сначала был сильно недоверчив, потому что наш театр называли «а-а, жидовский театр на Таганке». Разве может такой театр поставить что-нибудь народное, крестьянское, наше исконное! Меня они называли — «еврей», и театр поэтому «еврейский». (Смеется.) Потом Можжевельный доверил все-таки нам свое произведение и был, конечно, очень доволен. Я сдавал и сдавал этот спектакль управлениям, министерствам, всем. Фурцевой, она кричала — был пустой зал, секретарь парткома, каким-то образом пробрался Вознесенский, а так никого, даже художника не пустили Боровского, — она как заорет: «Здесь есть партийная организация?» И встал такой нахохленный секретарь, напуганный, на сову похож, и говорит: «Есть, вот я...» Она посмотрела и говорит: «Это вы? Тут нет партийной организации!» И он сел.

Интересная подробность для всей этой машины: Фурцева где-то сидела в гостях вечером и говорила: «Ну, завтра я поеду к этому Любимову, я ему покажу, как ставить такие спектакли, которые нам не нужны». Не глядя, еще не побывав в театре! Это у них запросто было. И все-таки в ней было что-то живое, человеческое, бабское скорей. Она даже рвалась как-то помочь, но по-своему: давайте это уберем, здесь добавим и все сделаем!

Первый раз, кстати, меня выгнали, когда смотрел репетицию спектакля Жан Вилар, он не знал русского. Меня выгоняли, и один из пунктов там был: что «он допустит на просмотр иностранца», что особенно отталкивает...

В. «Отягощающее вину обстоятельство»!

О. Я им говорю, так он же не говорит по-русски, — не важно! Да, вспомнил, я же еще Демичеву этот спектакль сдавал, и он разрешил! По этому поводу вспоминается интересный случай, когда я Шелесту, снятому с членов Политбюро, сказал: вот закрыли спектакль, Демичев приехал, разрешил, а когда до министерства доехал — запретил. Он говорит: ну что же, вдумчивый товарищ. Это сказал Шелест с иронией. Да, так они и жили...

В. «Мастер и Маргарита» — вершина Театра на Таганке, как вы смогли прорваться?

О. Никто не верил, и это есть чудо непонятное. Я это объясняю так, меня очень часто вызывали разные начальники и все время выясняли: что я делаю, что я думаю делать. А я всегда говорил: вот «Мастер и Маргарита» репетирую. «А кто-нибудь знает об этом?» Я говорю: все знают, а как скропшь? — это же официальный государственный театр, это же не мой собственный. Я всех их предупредил, что министр знает, секретарь ЦК знает, министерство РСФСР знает — все знают. И очередной начальник говорил: да? и что, вы репетируете? Я говорил, да. И они все выясняли, кто разрешил. А пока они выясняли, спектакль шел, даже несмотря на разгромную статью в «Правде» под названием «Сканс «черной магии» на Таганке».

Спектакль этот тоже принимали несколько раз. Сперва комиссия по наследию Булгакова, которую возглавлял Симонов. Они дали хороший отзыв на адаптацию, а потом уж неудобно было даже препятствовать. В результате я не сделал в спектакле ни одной поправки, вот это из области чудес, непонятно, все время ругали, была милиция, потому что по Москве ходил слух постоянно, что это последний спектакль, что его закрывают. В театр всегда нельзя было по-

пасть, а на этот спектакль — всегда милиция, всегда скандалы, перекрывали движение вокруг, толпа, осаждающая здание.

В. Ваша первая встреча с Пастернаком. И подвопрос: любимые поэты?

О. Я, когда был молодым, играл Ромео, в его переводе. И вот Андрей Андреевич писал где-то: он сидел в партере, я фехтовал, и выпала отломилась и воткнулась острием между Пастернаком и Андреем Андреевичем Вознесенским. А Борис Леонидович пришел целовать на сцену, звать в гости, спектакль был слабый, но ему нравилось. А может, в этот день я играл по-особенному, ради него. Это была наша первая встреча. Привел его за кулисы Рубен Симонов, а потом мы поехали к нему на дачу, он читал стихи. И после я к нему приезжал и тронул его очень тем, что приехал, когда его травил и к нему никто не приезжал. Я пришел, меня долго не пускала домработница, трясла ковры, а в это время выглядела какая-то странная фигура в скороходовском ботинке, белом, и пиджаке и пряталась. Тогда я закричал: «Борис Леонидович, это я — Любимов». — «Да, а вы знаете, я принял вас за иностранного корреспондента. Они все время хотят из меня сделать лидера оппозиции, а я терпеть не могу политику и всяких лидеров, и оппозицию тоже». И мы долго ходили, гуляли, и он меня покорило тем, что он слова не сказал, в каком он положении: что его прорабатывают, травят, ни единого слова, он мне говорил, что хочет написать пьесу: «Вот типа «Дворянского гнезда». И: «Наверно, приятно играть Шекспира, это драматургия, которая держит, как ковер-самолет».

В. Вам «Доктор Живаго» нравится?

О. Вы знаете, стихи больше, которые в конце.

В. А сама судьба Юрия не трагична?

О. Меня трогают куски, но мне кажется, композиционно весь роман распыляется, однако есть пронзительные куски, пронзительные.

Я помню, первый раз меня Пастернак поразил на даче, когда он читал записки, как он с отцом едет хоронить Льва Николаевича Толстого. И вот эта проза была удивительная, удивительная проза. Проза поэта.

Вот такая картина еще вырисовывается: гуляет Борис Леонидович, много снега, и едет «ЗИМ», в котором сидят эфрон, центнер веса, и Пастернак робко жмется в субробы, чтобы пропустить начальственную машину Софронова.

В. Правда ли, что они привезли сестер Есениных раскритиковать спектакль?

О. Приехали две старушки. И так как старушки поссорились, то потом я выяснил: они были у старушек и сказали, что вот там кощунство над нашим братом готовится, что вы должны поехать и сказать: что вы, как сестры, не допускаете этого. На спектакле одна старушка прослезилась, а вторая пыталась говорить, «что Сереже не понравилось бы». И вдруг другая совсем расплакалась, разрыдалась: «Как тебе не стыдно, сорок пять лет этого никто не ставил, он поставил, это же замечательно! Это ты боишься, что они пенсацию у нас отнимут. Они вчера к нам, Юрий Петрович, приезжали и грозилась». И был скандал, просто скандал, такой, как у Достоевского часто бывает в романах. Вот такие две родные сестры — Есенина. Я сам бывал у них до этого, хотел пригласить на спектакль. Но, оказывается, меня опередили, был такой поэт Федоров, что ли, ему поручили, видно, организовать.

В. Легко ли дался (пробился) «Дом на набережной»?

О. Тоже был какой-то странный ход. Когда они мне говорили, что, мол, вот, пока только это было опубликовано в журнале, а не отдельной книгой. Словом, искали любые причины, чтобы запретить, не разрешать. Позже Трифонов сообщил, что будет и отдельная книга. Кто-то сказал, что Сулов прочитал и сказал: «Почему, это мы все переживали, мы все боялись, все ходили под мечом дамочек, и, понимаете ли, это надо печатать, надо печатать». И, когда они начали из меня тянуть нервы, я повторил эту байку: почему вы так считаете, а все-таки главный идеолог партии говорит о другом, что надо печатать, не надо забывать. И таким образом я смог начать репетиции, они только придирались к некоторым песням, заставили переменить песенку того времени «Эх, хорошо в стране советской жить». Еще что-то, но корректив было мало.

В. Ваши отношения с правительством?

О. Никаких особых отношений не было, меня выгоняли, я пользовался возможностью через знакомых, через друзей, благодаря телефону знаменитого, отставил, защищал свои спектакли, чтоб их не трогали, чтобы они увидели жизнь. Писал «даргамоу ваджо» письма, он меня дважды восстанавливал на работу. Касательно того, что Андропов как-то по-особому относился, то об этом, по-моему, уже столько писали! Но все же скажу, когда я попал к нему очень давно на прием, когда были первые неприятности с театром, кажется после «Павших», он был тогда секретарем ЦК, меня удивило, что он очень тепло меня встретил и сказал: «Я благодарен вам как отцу». Я не понял, оказывался, я не принял его детей в театр.

В. В Шукшинское?

О. В Театр на Таганку пришли поступать, у нас там были наборы, и я не считался с тем, что имеет человек театральное образование или нет, все желающие приходили просматриваться, кто хотел в театре работать. И я их не принял, они были очень милые мальчик и девочка, чьи они дети, я не знал. А он был убит как отец, что его дети хотят стать актерами. Вот за это он был мне благодарен: что я спас его детей... Теперь Игорь Андропов карьеру сделал.

С Брежневым лично никогда не встречался, на

дачу к нему не ездил, это все слухи. Только ждал его в театр вместе с кем-то, по-моему, с Никсоном. Они должны были «Гамлета» смотреть или «А зори здесь тихие...», и два вечера я просидел прождал, а они не пришли.

В. Вы дружили с Андроповым?

О. (Смеется.) Нет, я уже объяснял. Я с ним встречался, говорил, он производил впечатление умного человека, грамотного, который в состоянии сам себе написать речь, живого человека, и отдел у него весь такой живой...

В. Отдел, в плане руководства КГБ?

О. Нет (смеется), отдел, когда он был в ЦК, а так я с ним только разговаривал по телефону, когда просил за спектакль о Высоцком. Два раза я с ним говорил, и второй раз он мне сказал мрачную фразу: «Вы уж меня берегите для более важных дел». Я говорю: «Что, понадобится наша помощь?» Он говорит: «Да, наверное...» Вот в таком духе...

В. Правители, бесы ли они?

О. Кто их знает, кто разберет. Ко мне приходили многие бывшие правители. Я помню, когда Микоян был президентом, закрыли мой спектакль «Павшие и живые». Он пришел посмотреть «10 дней», и мне приказали, чтобы я его сопровождал и давал пояснения. Он спросил про пантомиму: это черные силы? Я сказал: да, черные. Он спросил: огонь — это что, светлый огонь? Я говорю: светлый огонь. Потом он спросил: как живете? Я сказал: плохо, что вот закрыли спектакль. Он спросил: по какой причине? Я сказал: видимо, им не понравился состав и они попросили заменить Кульчипского на Светлова, но, кажется, референты не особо разобрались, так как у Кульчипского вроде отец офицер, а Светлов — еврей, так что тут какие-то недоразумения! (Смеется.) На что он мне сказал (лишь совершенно нейтральное): «А вы спросите их, разве решения XX съезда отменены?» Я говорю, я, конечно, могу их спросить, Анастас Иванович, если что-нибудь меня спросит, но, может, лучше, если бы вы спросили? А он был президентом. И тогда он первый раз взглянул на меня внимательными глазами, до этого была нейтральная маска.

В. Как такая «профурсетка», как Фурцева, могла стать министром культуры?

О. Она, дай Господи. А второй — еще хуже. Она руководила, ее сняли, она же была секретарем ЦК и членом Президиума, ее портреты носили на демонстрациях. Она как-то в сердцах мне рассказывала: вы думаете, я не понимаю, вы думаете, у вас только огорчение, ведь вот, мол, что со мной сделали, я была кем, а стало что — сижу тут министром, каким-то...

В. Действительно, министром культуры!

О. Но я считал, что это больше вреда нанес, следующий, Демичев. Как он мне говорил: никакого Булгакова не надо, никаких «Бесов» нам не надо! Это министр культуры говорил.

В. «Гамлет» Высоцкого?

О. Это, пожалуй, единственная пьеса, к которой я еще раз был вернулся и поставил, у меня обычно никогда таких желаний нет.

Когда начали мы репетировать пьесу, я поразился, что у Владимира желание было просто так, из воздуха. Что для биографии — актер знаменитый должен сыграть Гамлета. К его чести, он все всегда понимал, когда начались репетиции и я стал доказывать: «Володя, а что ты два года хотел играть? Ну, объясни мне, не играй, объясни хотя бы, почему ты два года за мной ходил?» Владимир, вообще, удивительный человек по уму, видно по его стихам и песням — как он слова чувствует, как он слышит, язык как он слышит уникально. Тот же Эрдман говорил: могу все понять, как пишет Галич, как пишет Булат, но как пишет Высоцкий — не могу понять. И это профессионал говорил. Он не мог понять «кухню», там он понимал, а здесь не мог. И тогда я начал подходить к Владимиру с разных сторон. Больше всего через слово, но у него было прекрасное качество: он очень любил, когда не разговаривали, а чтобы я показывал. Он говорил: «Вы покажите, что вы хотите, и я пойму». И он действительно понимал. То есть это была тяжелая и трудная работа, он записал, репетиции прекратились. Потом потребовали, чтобы я снял Высоцкого с роли, что это — не Принцип. Я говорю: «Ну, вам видней, вы все время в принципе общаетесь с Королями...» В общем, вот такие были глупые разговоры, просто не хотели, чтобы Высоцкий играл.

В. Высоцкий в вашей жизни и вы в жизни Высоцкого? Я могу поменять местами, но суть от этого не изменится.

О. Звонок в пять утра, и Боровский на пороге, а я больной лежал, Катерина, жена, открыла дверь, и белый Давид сказал, что Володя умер, ночью. Я оделся, и мы выехали туда, к нему на Грузинскую. Уже был народ, когда я приехал, вот что такое Москва, весть облетает, как молния ночью, в пять утра, а умер он, по-моему, в третьем часу. Никто точно не знает, говорят, был какой-то страшный крик, он крикнул очень сильно, когда, видно, удар был, аорта ведь лопнула. Он был очень плох уже последнее время...

В. То есть вы ожидали, что это могло случиться?

О. Да, я его потерял, потому что жался больной, наверно, дней десять. В эти дни все и понеслось. Я не докочил мысль, еще Давид, когда я ночью одевался, сказал: ну вот и кончилась ваша многолетняя тяжба с актерами насчет Высоцкого. Ну, что я ему все позволяю, прошу. Я просто защищал Владимира, потому что часто он вел себя крайне несдержанно: запылав, исчезал, пропускаясь, появлялся. И все говорили, ну вот опять, ему все можно. Актеров всегда заедает, что

другому можно, а мне — нельзя, людей всегда это обижает. У нас с ним всяко бывало, даже был случай, когда он полглотил в театре не работал, я был вынужден ему сказать: «Володя, тебе лучше уйти, так себя вести нельзя». Это было, когда он... потом он бросил «вшил», полтора года он не пил и работал — прекрасно! У него еще возникла какая-то глупая мысль (или внушал), что когда, мол, он пьет, он прекрасно сочиняет. А в этот период он написал несколько великолепных песен, и я говорю: «Вот видишь, и без этого хорошо получается». Но всегда было за него страшно, потому что если он не пил, то не пил ни грамма, было впечатление, что он держится, держится из последних.

Всегда он забегал, даже если не дописал песню, и, стесняясь, говорил: «У вас есть пять минут?» И пел, и говорил, как ему хочется сделать.

В. Ваш последний спектакль на Таганке? Чем им помешал законченный классик Пушкин?

О. (Борис Годунов). Наверное, все-таки текст им не нравился, и потому у них свои ассоциации. Я попал с этим спектаклем в очень неудачное время: умер Брежнев, пришел Андропов, и они все пытались — кто Борис? а кто Самозванец? И решили закрыть, их не устраивала ни форма, ни содержание, ни то и другое вместе.

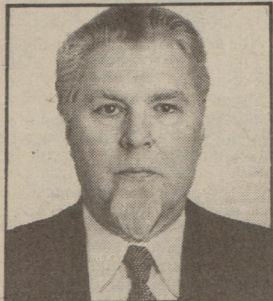
В. «Преступление и наказание». Что случилось после интервью лондонской газете «Таймс»?

О. Это совпало с корейской трагедией, когда был сбит невинный гражданский самолет... Интервью было дано английской газете «Таймс» и опубликовано 5 сентября 83-го года. Дата, которая стала значительной для меня. Они это восприняли как то, что я объявил «открытую войну», что я «преступил» и меня надо «наказать». Все пытались понять, почему я дал такое интервью, ну, главная причина — внутренняя: я устал очень. Вышел после репетиции «Преступления и наказания» в Лондоне. Этот спектакль я ставил не один раз, но так сложилась жизнь, что первый раз я его поставил в Венгрии, моя жена Катерина — Мадьярка, и мне хотелось сделать что-нибудь для ее страны. После репетиции я вышел на балкон театра лондонского, на веранде меня жал англичанин, который великолепно владел русским, а с ним корреспондент «Таймс». Очень приятный господин, это не часто бывает, в прессе особенно, к сожалению. У меня был растегнут ворот рубашки, через которую виднелся крест и образок моего св. Георгия. Увидев это, он спросил: вы верующий? Я сказал: да. Может быть, после всего натиска там я почувствовал внутреннюю свободу. А в последние годы после смерти Высоцкого почему-то на меня они особенно ополчились. Возможно, потому, что похоронили мы Владимира так, как сочли нужным его друзья, а не так, как было приказано этим Гришкиным, снятым Горбачевым с должности. Это у них какая-то традиция с этой должностью, в свое время Егоричева скинул мой «покровитель» Брежнев.

И этот корреспондент из газеты начал со мной говорить: о цензуре, о системе сдачи спектаклей, как все это проходило, и о многом другом. Он был настолько любезен, что даже дал мне потом текст на прочтение: ему показалось, что интервью настолько важное для моей судьбы, и он оказался совершенно прав, как видите, что он мне его дал, чтобы я проверил. Когда я был во Франции, я дал интервью «Юманите», на мой взгляд, более резкое. Ну, потом меня нигде не выпускали несколько лет, был большой скандал, но все-таки ничего не произошло из того, что случилось здесь. Здесь это вызвало какую-то истерику в посольстве, может, благодаря общей атмосфере в связи с этим бессмысленным по жестокости и цинизму поступком, я имею в виду сбитый самолет и гибель сотен людей. Поэтому сразу появился человек из посольства, однофамилец Лени Филатова, актера Театра на Таганке, очень своеобразного и одаренного. Так вот, этот посольский человек мне сказал: «Преступление налицо, а наказание незамедлительно последовать». Я жутко разозлился, какой-то кагэбэшник будет угрожать мне. И попросил переводчика перевести эти слова англичанам, а потом ушел. Вослед он мне закричал: «Мы вас из-под земли найдем». Но тут они большим умом никогда не отличались, я помню, как Зиминых, редактор «Правды», кричал на меня по телефону: «Все вы — антисоветчики, а этот ваш спившийся алкаш имел какой-то талант, да и тот пропал! Тоже талантливый деятель, несколько песен сочинил...» Как говорится, комментарии излишни. И еще они говорили: «Герпел он 20 лет, и ничего! А теперь дурь в голову влезла, выставляется, все ему не так. Как работал, так пускай и работает!» Нет уж, господа присяжные, так работать и в таких условиях я больше не буду и не собираюсь. Я не раб ваш!

С актерами было другое. Всем особенно было досадно и больно, когда две последние работы «Высоцкий» и «Борис Годунов» были закрыты, совершенно и категорически. Две эти последние работы как-то по-другому сплотили театр, слили. По заповеди Станиславского: через каждые пять лет театр умирает... то уж мы должны были трижды умереть. Так вот эти две работы и репетиционные работы: «Бесы», «Театральный роман», «Самобийщик» — все это перевело театр на другой уровень, на другую глубину, на другое понимание себя и своей миссии. И, видимо, это учили Начальники и повели уже борьбу насмерть, на уничтожение. В это время мы сами собирались и говорили: что если нам созданы такие условия работы в театре, то мы считаем свое пребывание в этих стенах бессмысленным и ненужным, и лучше пусть сохранится легенда, а мы спокойно разоидемся. Но Судьба распустила по-иному...

Юрий МОДИН

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что в истории международного шпионажа «пятерка» (или «великолепная пятерка») занимает одно из первых мест. Она была создана в 30-е годы усилиями асов советской разведки, сотрудниками иностранного отдела ОГПУ Малли и Дейчем. Малли, тесно связанный с Коминтерном, был расстрелян в годы сталинщины, как и большинство сотрудников ИНО. Дейч погиб на боевом посту в 1942 году. «Пятерка» работала с верой в мировую революцию и победу коммунизма, разведчиками в огромной степени двигали антифашистские настроения. О «пятерке» рассказывает кандидат исторических наук, видный советский разведчик полковник в отставке Юрий Модин, работавший в конце 40-х — начале 50-х годов в Лондоне в качестве помощника резидента. Юрий Модин работал с разведчиками-агентами «пятерки» и лично поддерживал связь с четырьмя из них.

В последнее время в западе политической борьбы в нашем обществе все чаще стало упоминаться имя известного разведчика-агента покойного Кима Филби. Ему приписывают антикоммунистические высказывания в поддержку новомодных взглядов, которые он не мог иметь хотя бы потому, что всегда придерживался своих собственных — хорошо взвешенных и в известной степени консервативных. Редакция ежемесячника «Совершенно секретно» обратилась ко мне за комментариями по этому поводу, считая, что человек, работавший с Филби за рубежом, так сказать, в боевых условиях, лучше, чем руководители разных рангов, общавшиеся с ним в Советском Союзе за чашкой чая, знает, о чем и что он думал, каких политических взглядов придерживался. Я был последним из советских разведчиков, работавших с ним и его друзьями в 1934—1951 годах.

За рубежом о «пятерке» написаны десятки книг и тысячи статей. Наша общественность только понаслышке знает об этой 17-летней разведывательной эпопее и последовавшим за ней 40-летним расследовании.

Я практически ничего не буду писать о своих взаимоотношениях с разведчиками-агентами «пятерки». Во-первых, потому, что цель статьи иная, и, во-вторых, рассказать об этом подробно в рамках статьи будет для меня очень затруднительно, хотя я и понимаю, что для некоторых читателей, возможно даже многих, эта сторона представит большой, а может быть, и исключительный интерес. Скажу лишь, что с Филби я работал, находясь в Англии (он в это время был в Турции и США), с остальными систематически, в течение нескольких лет встречался в Лондоне. Наши взаимоотношения, лишённые каких-либо элементов панибратства и необязательности, свойственных многим дружеским связям, были напроцуждены и какой-либо официальности, подчиненности, команде. Я был на десять лет моложе их, и мне было приятно чувствовать, что я равный им, подчиняюсь общей для нас

всех дисциплине и служу делу, которое выбрала для нас судьба.

Насколько мне известно, все английские и русские участники описываемых событий уже ушли из жизни. Правда, некоторое время назад в живых был последний из входивших в «пятерку» агентов. Время от времени я получаю сведения о его благополучии. Так или иначе я ничего не буду писать о нем, руководствуясь золотым правилом: «Не говори ничего определенного о том, крышка гроба которого должна быть еще пригнана». Так рекомендует «История династии Чин».

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Известно, что первая мировая война сильно поколебала устои общественной жизни викторианской Англии. Усиление классовой борьбы в 20—30-х годах, сопровождавшееся забастовками, «голодными» маршами, волнениями среди шахтеров и т.п., вызвало углубление разброда среди интеллигенции и даже в правящих кругах. Эти процессы не обошли стороной и такие оплоты консерватизма, как Оксфорд и Кембридж. В начале—середине 30-х годов в этих крупных университетских центрах помимо традиционных консервативных студенческих организаций возникало множество различных леворадикальных, социалистических и коммунистических органи-

заций, обществ, ассоциаций. Быть «левым» в Оксфорде и Кембридже в то время было нормой. Много энергичных, способных, совестливых студентов под влиянием господствовавших в стране новых веяний примыкали к социалистам и коммунистам. Со временем большинство из них отказывались от своих студенческих левых взглядов: одни стали крупными администраторами, чиновниками, политиками, публицистами, другие ушли в науку и технику. Известная часть пополнила ряды коммунистической партии. Среди них были и те, о ком пойдет речь: Ким Филби, Гай Берджесс, Энтони Блант, Дональд Маклин. Все они были выходцами из привилегированных семей (младшие ветви аристократических фамилий), все отличались способностями в учебе, сильным характером, общительностью, принадлежностью к «Апостолам»¹. Общей для них была преданность коммунистическим идеалам, к которым они пришли разными путями.

Ким Филби, казначей социалистического студенческого общества, по-настоящему стал коммунистом только после того, как своими собственными глазами увидел кровавую расправу австрийских фашистов, хеймверовцев, над рабочими на улицах Вены в 1934 году. Эти воспоминания сохранились у него на всю жизнь.

¹ Закрытая студенческая организация ораторов, допускавшая в свой ряды только выдающихся студентов.

Гай Берджесс пришел к коммунизму путем многолетнего глубокого теоретического изучения марксизма. Ему, правда, с трудом удавалось претворять в жизнь полученные знания.

Для Энтони Бланта, занимавшегося историей искусств, первым шагом к коммунизму было осознание того факта, что в отличие от эпохи Возрождения, выдвинувшей целую плеяду меценатов, буржуазное общество в конечном счете должно погубить искусство. «Спаси искусство от проституции денежного рынка» — вот кредо Э. Бланта.

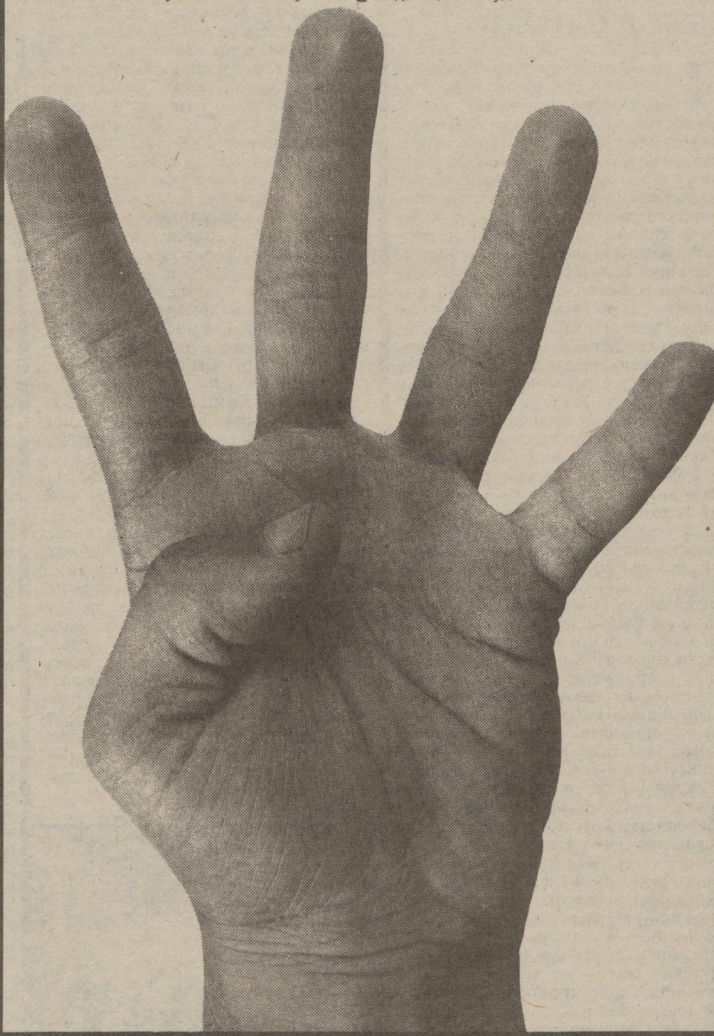
Дональд Маклин, потомок Скоттов, глубоко переживал нищету и бесправие шотландцев Клайда. Поиски решения этих проблем привели его к коммунизму.

Первые советские разведчики обратили внимание на Кима Филби, английского студента, совершенствовавшего свой немецкий язык в Вене в 1934 году, когда увидели, с каким самопожертвованием он, казначей МОПРА², спасает раненых рабочих, переодевает их в приличную одежду и вывозит за пределы Австрии. Стремясь спасти дочь хозяйки квартиры, Ким женится на ней и дает ей возможность как британской подданной покинуть Австрию. Новые французские, немецкие и австрийские друзья Кима, как правило, сотрудники или твердые сторонники Коминтерна, завершили его политическое образование. На всю жизнь он остался убежденным коммунистом, лелеявшим мечту о мировой революции и об освобождении трудящихся, лютю ненавидевших фашизм. Он без колебаний согласился посвятить себя тайной борьбе против фашизма, выразив при этом понимание того, что его согласие означает отказ от каких-либо честолюбивых устремлений, различные тяготы и опасности в личной жизни.

Ким был способным студентом, однако его успехи не шли в сравнение с академическими достижениями других героев этого рассказа. Вместе с тем он обладал какой-то удивительной способностью видеть все проблемы в их истинном свете, столь глубоко вникать в их суть, что всегда безошибочно находил правильные решения. Эта способность, а также твердая воля и неиссякаемая доброжелательность ко всем без исключения окружающим его людям позволили ему, как кажется, прожить без ошибок. Ким пользовался большим успехом у женщин. У него было пять жен.

Первое же задание (подобрать себе помощника, который был бы столь же убежденным антифашистом) Ким выполнил с блеском: избранныком оказался Гай Берджесс, интеллект, обладавший незаурядными способностями к исследовательской работе, генератор новых идей, неординарно мыслящий и чрезвычайно общительный человек, имевший знакомых, приятелей и друзей в самых разнообразных слоях общества, начиная от высших и кончая «дном». Гай выполнял секретные поручения премьер-министра Великобритании Чемберлена, ему покровительствовал Черчилль, он был знаком с руководителями английской разведки и контрразведки Мензисом, Вивианом, Футманом, Лидделом, Уайтом, постоянным заместителем министра иностранных дел Ванситартом, банкиром Ротшильдом, руководящими чиновниками почти всех министерств и ведомств, профессорами и учеными. Обладая способностью входить в доверие к интересующим его людям, полный различных планов, инициативы, энергии, готовый в любую минуту прийти на помощь другу и способный пожертвовать ради него своим благополучием, Гай вместе с тем был крайне недисциплинированным и упрямым человеком. К тому же он был гомосексуалистом. Единственным, кого Гай безропотно слушал и кому столь же безропотно подчинялся, был Ким Филби. Чтобы до конца стало ясно, что за человек был Гай Берджесс, сообщу, что в 1944 году он отказался от пожизненной пенсии за результативную работу и в своем благодарственном письме написал: «Я могу сказать, что не представляю себе, как

² Международная организация помощи рабочим, примыкавшая к Коминтерну.

ПЯТЕРКА

возможно в моей стране жить человеку, уважающему свое человеческое достоинство, без того, чтобы не работать на партию».

Не могу не привести еще один пример, характеризующий Гая. У каждого бывает свой Ватерлоо. Мой собственный произошел в 1958 году, когда Гай Берджесс жил уже в Советском Союзе, а я еще работал в Великобритании. У меня возникли серьезные расхождения с моим руководством по вопросам служебной деятельности, и затем мне предъявили совершенно нелепое обвинение в грубости в отношении моих подчиненных (советских разведчиков, работающих в Великобритании), и это обвинение направили не в Центр разведки, как следовало бы, а прямо пред-

проводите царскую внешнюю политику, неправильную. Не будем больше говорить по этому вопросу. Это не должно мешать нашему конечному делу».

Дональд Маклин раньше, чем кто-либо из упомянутых выше разведчиков-агентов, стал полноправным членом английского истеблишмента, поступив в 1935 году на работу в Форин-Оффис (министерство иностранных дел Великобритании). В детстве Дональд рос замкнутым, необщительным, обидчивым. У него почти не было друзей. И это оказало серьезное влияние на его характер в зрелые годы. Холодность, снобизм, высокомерие не способствовали его популярности среди студентов. Однако эти качества в сочетании с отличными академическими успехами и семейными связями (его отец был министром в кабинете Болдуина) открыли ему дорогу к дипломатической карьере. И это при том, что Д. Маклин был нелегальным членом Компартии Великобритании, хотя о его членстве знали, по некоторым подсчетам, около 100 человек. Когда при приеме на работу в Форин-Оффис Маклина спросили о его коммунистических взглядах, он ответил, что придерживался таких взглядов и полностью от них еще не освободился. Маклин не лукавил. Судя по тому, что он писал в 60—70-е годы, он действительно от коммунистических взглядов «не освободился».

ВЫБОР СДЕЛАН

Первые годы сотрудничества «пятерки» с советской разведкой были посвящены поиску путей и конкретных средств негласной борьбы с германским фашизмом. Речь шла о выявлении секретных планов фашистского руководства Германии, попыток расширения и укрепления позиций прогерманских сил в правящих кругах Великобритании. Не возникало и речи о шпионаже в пользу России, о подрыве позиций Великобритании. Никто из молодых разведчиков-агентов не хотел наносить ущерб своей стране, никто их об этом и не просил. Они видели непосредственность, колебания, стремление консервативного правительства к компромиссу в его отношениях с гитлеровской Германией, а с другой стороны — твердую позицию Советского Союза, которая imponировала им, вызвала у них одобрение. Они верили, что Советский Союз, несмотря на свою слабость и отсталость, — единственный форпост мировой революции, который они готовы были отдать все свои силы, и единственный решительный противник международного фашизма.

Внешне все они отошли от компартии. Ким Филби занялся журналистикой, с помощью отца стал членом Общества англо-германской дружбы, активно сотрудничал с германским посольством, во время поездок в Берлин его принимал Риббентроп. Сотрудничал с фашистским журналом «Геополитик» генерала Хаусхофера. После фашистского мятежа в Испании К. Филби выразил готовность убить генерала Франко. Используя свои связи в фашистских кругах, по рекомендации посла испанских мятежников в Великобритании герцога Альба и генерала Хаусхофера Ким Филби в числе немногих корреспондентов из западных стран получил разрешение на пребывание и работу в качестве корреспондента газеты «Таймс» при штабе Франко. Случайно спасая от смерти во время арталета, после чего получил орден из рук генерала Франко. Пребывание в Испании и его корреспонденции оттуда упрочили его репутацию как реакционно настроенного человека и сыграли определенное значение при приеме его на работу в английскую разведку, которой было известно о его левых политических взглядах в студенческие годы.

Г. Берджесс после окончания университета совершил поездки в Германию и Советский Союз и использовал их для объяснения своего «разочарования» в коммунизме. Он отказался от двух предложенных ему в Кембридже стипендий на проведение научных исследований, стал финансовым советни-

ком матери своего друга Виктора Ротшильда, сына банкира (мать считала, что никто в ее семье не знает, как надо выгодно вкладывать капиталы). Вскоре он стал корреспондентом Би-би-си, надеясь, что эта должность даст ему наилучшие возможности для решения поставленных перед ним задач. Ему действительно удалось заметно расширить круг полезных знакомств. Судя по рассказам старых работников разведки, Г. Берджесс находился в близких отношениях с Эдуардом Пфейфером, начальником канцелярии французского премьер-министра Даладье, и вместе с ним служил курьером в тайной (в том числе от кабинетов министров) переписке его хозяина с премьер-министром Великобритании Чемберленом.

Накануне второй мировой войны Гай Берджесс сумел проникнуть в английскую разведку — Секрет интеллигент-сервис (СИС) и по заданию видного английского разведчика Гренда провел три крупные операции: инспирировал возникновение в мировой сионистской организации, возглавляемой Вейсманом, оппозиционной группировки во главе с банкиром Ротшильдом; создал и подготовил к работе на территории Великобритании нелегальную радиостанцию для вещания против гитлеровской Германии; создал школу СИС по подготовке агентов-диверсантов для работы в Германии и на оккупированных фашистами территориях. Именно инструктором в этой школе начал свою карьеру в СИС Ким Филби. И тем не менее руководители СИС сочли невозможным зачислить Гая в кадры разведки из-за его личных качеств, несовместимых, по их мнению, с работой в разведке: недисциплинированности и полного непонимания субординации. Он был переведен на негласную работу в МИ-5, где успешно организовал контрразведывательное обслуживание европейских правительств в изгнании, находившихся в Лондоне. С двумя завербованными им для МИ-5 агентами он проработал до окончания войны.

Энтони Блант меньше, чем другие, был известен как коммунист. Его коммунизм или, скорее, марксистский метод исследования в занятиях по истории искусств был далек от практической коммунистической деятельности. Его другу Г. Берджессу пришлось немало поработать, чтобы как-то «подтянуть», «расшевелить» Энтони. Его склонность больше слушать, чем говорить, также сыграла свою роль. Он занимался исследовательской работой в Кембридже.

В предвоенные годы Блант провел очень большую, тяжелую и неблагодарную работу по изучению студентов и выявлению среди них лиц, пригодных по своим идейным взглядам, личным качествам к секретной войне с фашизмом. Он сыграл решающую роль в привлечении к сотрудничеству с советской разведкой сына американского миллионера, блестящего студента Майкла Стрейта. Работа с ним, правда, не сложилась: он заколебался в связи с русско-финской войной 1939—1940

годов, а через несколько лет окончательно отошел от работы. Любопытно: его личная преданность Г. Берджессу и Э. Бланту была столь глубока, что он никого из них не выдал до тех пор, пока в 1963 году не умер Г. Берджесс.

Сохранилось очень мало сведений о том, что конкретно делал перед войной Д. Маклин. До 1938 года он работал в Форин-Оффисе, и английская контрразведка утверждает, что в это время он имел доступ к материалам, касающимся гражданской войны в Испании, но других данных, подтверждающих эти сведения, нет. Мне кажется, что он просто успешно закреплял свои позиции в Форин-Оффисе. С 1938 по 1940 год Маклин работал третьим секретарем английского посольства в Париже. В это время о нем заговорили как о возможном в будущем постоянном заместителе министра иностранных дел — это вершина служебной карьеры для любого английского дипломата. Работая в Париже, Д. Маклин женился на богатой американке Мелинде Марлинг и признался ей в том, что сотрудничает с русскими. Накануне захвата Парижа немцами он проявил исключительную собранность и доблесть при эвакуации английского посольства из Парижа, но вместе с молодой женой чуть-чуть не попал в руки немцев в Шербурге, прыгнув в последний момент на английский миноносец.

ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!

Такие крупные события, как начало войны, вызывают обычно серьезные изменения в деятельности разведок, особенно тех стран, которые не готовились или плохо готовились к войне. Меняется все: цели и объекты деятельности, методы и приемы работы, кадровый и агентурный аппарат.

Начало Великой Отечественной войны не было исключением из правила, и тем не менее разведчики-агенты, которые в дальнейшем получили название «пятерки», были готовы к выполнению своих функций в новых условиях. Они занимали посты, на которых имели доступ к нужным материалам. Они были достаточно компетентны в вопросах конспирации, обладали волей и желанием внести свой вклад не только в открытую, но и секретную войну с фашизмом. В ходе войны они не раз были свидетелями того, как западные союзники и по небрежению и сознательно допускали серьезные «упущения» в выполнении своего союзнического долга перед Советским Союзом, и с тем большей готовностью выполняли свою работу.

Томас Гаррис, сотрудник контрразведывательного отдела СИС, рекомендовал своего приятеля Кима Филби на должность руководителя иберийского (испанского) отделения контрразведывательного отдела СИС. Учитывая, что К. Филби хорошо знал Испанию и пользовался расположением заместителя начальника СИС по вопросам безопасности полковника Вивiana (близкого знакомого отца К. Филби по Индии), он был принят на эту должность и быстро проявил себя знающим, энергичным работником. Вскоре ему удалось добиться впечатляющих успехов в работе против немецкой разведки на Пиренейском полуострове. Внимательное отношение к сослуживцам, огромное трудолюбие, четкость при выполнении указаний руководства создали ему большой авторитет в разведке. Полковник Виван утверждал, что К. Филби был единственным человеком в аппарате СИС, который не имел врагов. В 1943 году К. Филби предложили остаться в кадрах СИС после окончания войны (до этого он был сотрудником военного времени). Он был выдвинут на должность помощника начальника контрразведывательного отдела СИС, а затем — в 1944 году — начальником нового, 9-го отдела СИС, основной задачей которого было ведение работы против советской разведки и международного коммунистического движения. В этой должности он получил доступ ко всем сведениям и стал инициатором планов

Ким Филби

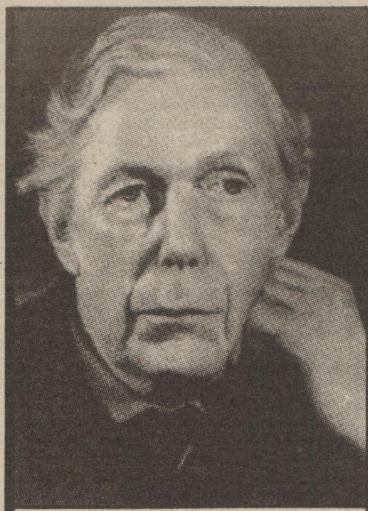
седателю КГБ генералу Серову, который, как было известно, недолюбливал меня. Расправа была короткой: меня понизили в должности. Как часто бывает, все так называемые друзья и приятели отвернулись от меня. Единственным, кто встал на мою защиту, откровенно высказался в своем письменном протесте о моих личных качествах и нелепости обвинения, был Гай Берджесс. Наверно, уместно будет сказать, что ни один из героев моего рассказа никогда не брал денег от разведки за свое сотрудничество, хотя она и пыталась иногда оплатить их услуги. Разведка только периодически компенсировала их оперативные расходы.

Энтони Блант — ближайший друг Гая Берджесса и почитатель его талантов. В отличие от остальных он пришел к коммунистическим идеям через неприятие фашизма, как силы, враждебной искусству. По свидетельству профессора Штейнера и Д. Стира, профессор Блант был одним из наиболее выдающихся историков искусств не только Великобритании, но и мира. Не случайно он после войны был назначен директором Куртольдского института и смотрителем королевских картин и занимал эти должности до 1979 года. Во время второй мировой войны работал в английской контрразведке. Это был спокойный, несколько холодный, уравновешенный, в высшей степени порядочный и аккуратный человек. Эстет. Как и Берджесс — гомосексуалист. По свидетельству следователя МИ-5 Мартина, допрашивавшего Э. Бланта в апреле 1964 года, ему тяжелее всего во время допросов было говорить о своих товарищах, хотя уже и умерших или находившихся вне досягаемости МИ-5. Мартин высказал мнение, что Блант остался верным, не раскayившимся коммунистом и многое утаил от следствия. На мой взгляд, эти наблюдения верны.

Однажды в конце 40-х годов в разгар очередной антисоветской кампании я шел целесообразным поговорить с Э. Блантом по вопросам внешней политики СССР. Он внимательно меня выслушал и сказал: «Питер (он так меня звал), у вас не должно возникнуть сомнений. Я не меняю свои идеалы, как перчатки. В то же самое время я должен откровенно сказать, что вы

Гай Берджесс

Энтони Блант

и замыслов англ... разведки и в целом английско... гательства против Советского Союза и коммунистических партий других стран мира. На руководящей работе в СИС К. Филби также зарекомендовал себя с положительной стороны, и в кругах английской разведки не делали секрета из того, что со временем он станет начальником всей службы.

В начале своей работы в контрразведывательном отделе СИС К. Филби в течение нескольких месяцев проводил операцию по изъятию из учетного отдела СИС дел, содержащих данные на английскую агентуру во всех странах мира, и прежде всего в Советском Союзе. Каждое дело содержало список агентов с указанием пятизначного номера каждого агента, занимаемого им положения, разведывательных возможностей и отношения к сотрудничеству с СИС.

Секретный перелет Гесса в мае 1941 года в Англию К. Филби расценил как свидетельство наличия заговора между высокопоставленными прогерманскими кругами английского истеблишмента и нацистским руководством Германии.

Однажды К. Филби была доложена расшифрованная немецкая радиোগрамма, в которой говорилось о предстоящей поездке начальника немецкой армейской разведки (абвера) адмирала В. Канариса в Испанию, сообщавшей маршрут и название отеля, в котором тот проведет ночь на пути из Севильи в Мадрид. К. Филби жил в этом отеле во время гражданской войны и предложил поручить английским диверсантам, дислоцированным в Испании, ликвидировать В. Канариса. Начальник СИС Мензис категорически запретил вообще когда-либо думать о ликвидации В. Канариса. К. Филби расценил это как свидетельство наличия планов установления секретной договоренности с Германией через адмирала, сторонника заключения мира с западными странами и продолжения войны с Советским Союзом до победного конца.

В конце войны К. Филби представил документальные доказательства секретных переговоров представителей английских и американских спецслужб с рядом видных немецких генералов и политических деятелей о заключении сепаратного мира, о чем западные союзники не информировали Советское правительство.

Словом, К. Филби давал документальную и другую информацию, которая посвящала советскую сторону в действительные намерения и планы союзников.

Во время войны единственным из упомянутых разведчиков-агентов, не имевшим доступа к документальной информации, был Гай Берджесс. Он продолжал работать корреспондентом Би-би-си и, тем не менее, умудрялся получать ценную информацию. Имея широкие связи, пользующий репутацией «своего человека», он имел возможность посещать почти все ведомства и в случае необходимости мог достать

сведения почти по любому вопросу, проверить уже имеющуюся информацию, дополнить другую или выявить совершенно новую проблему, требующую разведывательного освещения. Известно, что самую важную информацию «на бумагу не кладут». Г. Берджесс был благодаря своим личным качествам человеком, способным увидеть такую информацию и оценить ее. Как часто записанная Г. Берджессом от руки на клочке бумаги информация становилась «центральной», сенсационной или давала толчок для новых действий, новых оценок. В 1944 году Г. Берджесс в связи с отъездом Д. Маклина на работу в качестве первого секретаря посольства Великобритании в Вашингтон по нашему заданию поступил на работу в пресс-отдел Форин Оффиса.

Судьба его друга Энтони Бланта сложилась иначе. Еще в 1938 году он поступил добровольцем в английскую армию, в следующем году был направлен на работу в военную разведку, служил в английских экспедиционных войсках во Франции в качестве капитана полевой жандармерии. После эвакуации английских войск из Франции друг Э. Бланта Виктор Ротшильд, работавший в МИ-5, представил его начальнику контрразведывательного управления МИ-5 Гаю Лидделу. Через несколько месяцев Э. Блант уже занимался реорганизацией службы наблюдения (слежки), затем контрразведывательным обслуживанием посольств нейтральных стран в Лондоне. Он был в состоянии осветить все вопросы, связанные с деятельностью английской контрразведки против советских представителей в Великобритании и вообще против Советского Союза, а также и другие оперативные вопросы. Содержавшийся в окружении, Э. Блант был преисполнен радужной и доброжелательности в общении с руководителями, что позволяло ему быть гораздо более информированным разведчиком, чем его коллеги. Дик Уайт, ставший впоследствии начальником МИ-5 и затем СИС, рассказывал, как Э. Блант, знавший о его пристрастии к искусству, подсаживался к нему в кафетерии и заводил беседу о картинах, разговор затем переходил и на другие темы. Э. Блант, по словам Д. Уайта, был приятным человеком, и с ним было интересно говорить. «Вы не можете себе представить, — жаловался Д. Уайт, — как горько быть преданным тем, с кем вы работали рука об руку». Могут понять Дика Уайта, потому что сам несколько раз испытал подобное.

В течение всей второй мировой войны англичане были в состоянии осуществлять перехват и расшифровку почти всей шифрованной радиосвязи германского верховного главнокомандования, отдельных видов войск, немецких спецслужб и т.п. Уверенность немцев в невозможности расшифровать обработанные на специальных машинах секретные сведения была, равносильна твердости намерения англичан не лишиться такого исключительно ценного источника информации. К этому материалу перехвата в Великобритании имел доступ чрезвычайно узкий круг лиц. Излишне говорить, что англичане скрывали от Советского Союза наличие таких возможностей и полученные этим путем сведения, если даже они касались непосредственно военных операций на Восточном фронте. Советская разведка в равной же степени была заинтересована в том, чтобы не «засветить» и не лишиться своих ценных источников и максимально обезопасить К. Филби и Э. Бланта, которые имели доступ по крайней мере к части этих перехватов. Поэтому неудивительно, что историки Великой Отечественной войны до сих пор многое не могут логически объяснить. Например, писатель Юлиан Семенов, исследовавший одно из важных сражений второй мировой войны — под Курском, в качестве одной из причин поражения немцев указывает на хорошо поставленную работу разведки. Он, в частности, отмечает роль Кузнецова, армейской разведки и партизан. Но и он оказался не в состоянии объяснить, от кого же русские заблаговременно узнали толщину брони нового немецкого

танка «Тигр», впервые примененного в танковых битвах на Курской дуге, что позволило своевременно изготовить новые бронированные снаряды. Сегодня об этом уже можно сказать: сведения были получены нами от одного из «пятачков».

В ходе Великой Отечественной войны разведка постоянно информировала советское руководство о внешнеполитической деятельности наших союзников по антигитлеровской коалиции, а также об их оценке планов и замыслов стран оси в области внешней политики. Вклад Дональда Маклина в этой области был немалый. Со временем он еще более возрос, особенно после того, как Д. Маклин получил непосредственный доступ к проблемам отношений между ведущими западными союзниками — Великобританией и США, проблемам, которые по мере приближения конца войны становились все более актуальными.

АТОМНАЯ ЛИХОРАДКА

После второй мировой войны существенных изменений в положении моих коллег не произошло. Кроме Э. Бланта, который демобилизовался и вернулся на свою гражданскую работу, все разведчики-агенты продолжали работать на старых должностях, дававших доступ к интересующим нашу разведку сведениям, знание которых существенно влияло на исход политических и дипломатических битв, развернувшихся между прежними союзниками, и содействовало тем самым благоприятному для Советского Союза послевоенному урегулированию. В отличие от упивавшихся своей ядерной монополией Соединенных Штатов, где на многие годы развернулась шумная антикоммунистическая кампания, сопровождавшаяся истеричной шпиономанией, от Франции, которой западные союзники поначалу не доверяли из-за того, что в ее правительстве участвовали коммунисты, от поверженных Германии и Японии Великобритания оказалась (во всяком случае, так представлялось в то время) единственной страной, где можно было на постоянной установившейся основе добывать разведывательные сведения, касающиеся самых разных проблем, начиная от возвращения Великобритании к ее традиционной антирусской политике и кончая тем, что получило затем название «холодной войны».

В эти годы К. Филби был в состоянии установить, как признает СИС, сотни агентов, засланных на территорию Советского Союза и его союзников, в том числе, в частности, в связи с совместными англо-американскими планами вызвать восстание в Албании. Удалось сорвать высадку с моря в эту страну вооруженных банд в октябре 1949 года, заброску через сухопутную границу летом 1950 года и авиадесант в ноябре 1950 года. В 1946—1949 годах К. Филби работал в качестве резидента СИС в Турции под прикрытием должности первого секретаря посольства Великобритании. Он и его сотрудники вербовали, готовили и забрасывали через легальные и нелегальные каналы агентуру в Закавказье, южные районы РСФСР и Украинской ССР, а также в страны Балканского полуострова. О своей деятельности Филби информировал нас, и мы, естественно, принимали соответствующие контрмеры.

В конце 1949 года руководство СИС перевело К. Филби в Вашингтон на должность офицера связи СИС с американскими спецслужбами. В его задачи входило координировать работу СИС с Федеральным бюро расследований (ФБР), другими американскими спецслужбами, в том числе с только что созданным ЦРУ. Руководство ЦРУ стремилось использовать опыт англичан при создании своей разведки и поэтому широко пользовалось рекомендациями К. Филби. Руководители американских спецслужб относились к нему с большим уважением, кроме директора ФБР Гувера, который не мог поверить в то, что К. Филби по заданию СИС не ведет разведки против Соединенных Штатов. Трудно даже представить, как злорадствовал Гувер,

когда оказалось, что К. Филби — советский разведчик.

Столь же результативно в эти годы работал Г. Берджесс, перешедший в 1946 году с работы в пресс-отделе Форин Оффиса на должность личного помощника Гектора Макнейла, государственного министра, то есть второго министра Форин Оффиса, и затем в 1948 году в управление Дальнего Востока Форин Оффиса.

Любопытный случай произошел в 1948 году в Париже во время сессии Совета министров иностранных дел великих держав, который занимался вопросами послевоенного урегулирования. При обсуждении одной из проблем произошла заминка, вызванная совершенно неожиданно возникшим расхождением в позициях США и Великобритании. Обычно у них позиции были едиными. Западные делегации запросили указаний из Вашингтона и Лондона. Глава советской делегации, привыкший заблаговременно знать позицию своих партнеров-оппонентов, не проявлял по этому поводу никакого беспокойства. Разведчики так постарались,

Дональд Маклин

что он прочитал тексты указаний из Вашингтона и Лондона раньше, чем главы американской и английской делегаций.

В 1949 году Г. Берджесс по мере своих сил содействовал обострению расхождений между Великобританией и США в вопросе об отношении к только что возникшей КНР. Он успешно изыскивал аргументы против эмоционально резкой, агрессивной позиции США в пользу столь же враждебной по отношению к КНР, но основанной на глубоких знаниях Китая и китайского характера и потому более взвешенной позиции Великобритании.

В послевоенные годы чрезвычайно актуальность приобрели вопросы политики в области ядерной энергии и атомного оружия. Не вникая в суть самих проблем, уместно отметить, что Д. Маклин был одним из немногих, кто был допущен к работе с материалами по этому вопросу, — он был назначен секретарем английской части объединенного англо-американского комитета, специально занимавшегося этой проблемой.

ПРОВАЛ

В 1948 году Д. Маклин в возрасте 35 лет был назначен советником английской посольства в Каире. Тяжелый климат, большая загруженность по работе, отсутствие взаимопонимания с нашим разведчиком, который работал с ним в Каире, и вызванное всем этим злоупотребление спиртными напитками привели к первому срыву. После лечения и многомесячного отпуска он был назначен на должность начальника американского управления Форин Оффиса. Это было сделано англичанами, несмотря на протесты американской стороны, который было хорошо известно о его антиамериканских взглядах и настроениях, резко неприятии американской внеш-

ней политики.

Поскольку затронута эта проблема, интересно будет напомнить, что в то время значительная часть английского истеблишмента была настроена весьма антиамерикански. А как в этом смысле вели себя наши разведчики? Э. Блант не афишировал свой антиамериканизм. К. Филби скрывал его. Г. Берджесс высказывал его открыто. В конце 1949 года свой отпуск он проводил в Гибралтаре и Танжере. Встречаясь с резидентами МИ-5 и СИС в этих городах, он даже делал попытки избить их за проамериканские высказывания. Стало совершенно ясно, что Г. Берджесс, подобно Д. Маклингу, находится в состоянии глубокого нервного перенапряжения. Сказалась тяжелая работа в военные и первые послевоенные годы.

Но семена провала были посеяны еще во время войны. В 1944 году финнам удалось на фронте заполучить обгоревшую советскую шифровальную книгу, которую они впоследствии передали американцам. В конце войны имелись случаи повторного использования перешифрованных таблиц в советской шифровальной службе. Появление быстройдействующих счетных машин позволило американской службе перехвата в 1949 году расшифровать текст телеграммы, отправленной в 1944 году из советского посольства в Вашингтоне в Москву. Телеграмма содержала секретные сведения, известные ограниченному кругу лиц. Потребовалось еще два года для того, чтобы сузить круг подозреваемых и к середине апреля 1951 года установить, что материалы могли быть переданы русским одним из трех лиц, среди которых был Д. Маклин.

К. Филби принимает решение срочно направить в Лондон жившего у него Г. Берджесса, чтобы сообщить о возможном аресте как самому Д. Маклину, так и советскому разведчику. Ким рекомендовал срочно организовать побег Д. Маклина. Организация побега человека, который находится под наблюдением местной контрразведки, не имеет выездных документов, подавлен (так как видит наблюдение за собой), не чувствует в себе сил противостоять предстоящему следствию и ко всему прочему ожидает через неделю-другую рождения своего третьего ребенка, — дело не простое. И все же 25 мая 1951 года, накануне намеченного МИ-5 первого допроса, Д. Маклин и Г. Берджессу удалось совершить побег. При этом не было оставлено никаких улик относительно маршрута побега после высадки во Франции. Их пребывание в Советском Союзе было раскрыто лишь в 1956 году.

Так закончилась семнадцатилетняя работа «пятерки». Любопытно, что даже своим побегом они послужили тому же делу, которому отдавали себя все эти годы. Факт успешного побега из под носа МИ-5, неуязвимость разведчиков благоприятно сказались на настроении всей советской агентуры в мире. Однако положение оставшихся в Англии разведчиков-агентов было сложным. Особенно К. Филби. У МИ-5 не было никаких сомнений в том, что побег удался в результате утечки информации. То, что вместе с подозреваемым Д. Маклином бежал не подозреваемый ни в чем Г. Берджесс, друг К. Филби, живший у него на квартире в Вашингтоне, сразу бросило тень на представителя СИС в Вашингтоне. Так в дополнение к делу «о двух исчезнувших английских дипломатах» возникло дело «о третьем человеке». К. Филби был отозван из Вашингтона, уволен с работы, подвергнут допросам, которые продолжались с некоторыми перерывами с середины 1951 года до начала 1953 года. Их проводили самые опытные и искусные английские следователи (Х. Милмо и Д. Скардон). К. Филби уже во время первой беседы с начальником МИ-5 Диком Уайтом понял, что улики против него нет — есть только подозрения. Он не признавался ни в чем, внимательно следил, чтобы не допустить противоречивых показаний. В этом длительном поединке со следствием Ким одержал победу. В 1955 году английское правительство публично в палате общин сняло с него все обвинения. К. Филби был принят на работу

сотрудником СИС по контракту и направлен в Ливан как корреспондент «Экономиста» и «Обсервер».

«Зубром» под стать К. Филби был и профессор Э. Блант. Сначала его ни в чем не подозревали, но по мере расследования становилось ясно, что и он причастен к разведке в пользу СССР. На одной из последних конспиративных встреч ему указывалось на возможность ареста и рекомендовалось бежать. Он, однако, был уверен в том, что мы работали «чисто» и никаких улик ему не может быть предъявлено, а допросы он сможет выдержать. Он оказался прав: его неоднократно, но безрезультатно допрашивали с 1951 по 1963 год. После смерти в СССР его ближайшего друга Г. Берджесса Э. Блант сам решил дать показания в обмен на обещание прокуратуры не возбуждать против него дела. Это не помешало ему сохранить за собой рыцарское звание «сэр», должность смотрителя королевских картин и директора Куртольдского института до 1979 года, когда М. Тэтчер вынуждена была объявить в палате общин о признании профессора Э. Бланта, сделанных в 1964 году, и тем самым завершить дело, получившее в английской прессе название «Дело о четвертом человеке».

Здесь будет уместным кое-что пояснить. Нет нужды особо подчеркивать, что во время войны у советской разведки в западных странах кроме «пятерки» было много и других агентурных источников разведывательной информации. Она добросовестно, по мере своих сил и возможностей, пыталась облегчить борьбу советского народа против фашизма. Информации было так много, что малочисленный состав подразделения центрального аппарата, курировавшего Великобританию и ее Империю, был физически не в состоянии ее обработать. Именно по этой причине и возникло название «пятерка»: в 1943 году были выделены пять разведчиков-агентов, материалы которых должны были обрабатываться в первую очередь. Тот факт, что трое из пяти разведчиков-агентов были близко знакомы друг с другом, вовсе не делал их агентурной группой или партийной ячейкой. Все они работали самостоятельно. Попытки связать термин «пятерка» с «пятерками» С. Нечаева в 70-х годах прошлого столетия, с «пятерками» немецких рабочих, боровшихся в подполье против фашизма, изобрести «пятерку К. Филби» и т.п. просто напросто нелепы. Мне кажется, что незнание этого было одной из причин того, что так затянулось расследование, проводимое МИ-5 с 1951 года. Работникам МИ-5, впрочем, не следует огорчаться. Такую же ошибку совершали и продолжают совершать многие работники советской разведки и все изменили, начиная с Гузенко, Голицына и кончая Гордиевским.

Заканчивая рассказ о напряженной многолетней работе моих товарищей, оценивая то, что было ими сделано и пережито, лишний раз убеждаюсь, что все это было бы невозможно без глубоких убеждений и твердой веры в необходимость того, что они делали. Лишь только это дает силы преодолеть опасность, неопределенность, непредсказуемость своей судьбы.

Ошибочно думать, что такие люди, как К. Филби, в связи со страшной катастрофой, поразившей советский вариант коммунизма, отказались от своих взглядов. К. Филби еще в свою бытность начальником 9-го отдела СИС прекрасно знал реальное состояние советского общества и тенденции его развития. Он мыслил крупными категориями, и его вера в мировую коммунистическую революцию, которая начнется в наиболее развитых, культурных странах, осталась неизменной.

Остается добавить, что работа «пятерки» войдет в историю разведки как крупнейшая успешная операция века, как пример глубокого разведывательного проникновения в государственные аппараты Великобритании, по всем объективным критериям являющийся одним из самых эффективных, компетентных и надежных в мире.

© Ю. Модин, 1991

Леонид ШИНКАРЕВ

Как обиделся Брежнев на прославленных чехословацких путешественников Иржи Ганзелку и Мирослава Зикмунда

Работница пражского почтамта откладывала принимать телеграмму столь необычному адресату, но посетитель, улыбаясь, требовал показать инструкцию с ограничениями на этот счет, и ей ничего не оставалось, кроме как заполнить бланк и пересчитать слова: «Москва Кремль Брежневу Доклад закончили готовы как вы просили передать просим сообщить когда каким образом Иржи Ганзелка Мирослав Зикмунд».

Ганзелке в голову бы не пришло, что выполнять обещание, которое они дали в Москве Л. И. Брежневу, им придется таким способом. В октябре 1964 года в Большом Кремлевском дворце был устроен прием по случаю успешного завершения полета космического корабля «Восход», впервые вышедшего на орбиту экипаж из трех человек. К находившимся среди гостей чехословацким путешественникам Ганзелке и Зикмунду подошел с бокалом шампанского оживленный Леонид Ильич, в эти дни сменивший Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС: «Юрий Федорович и Мирослав Антонович, я читал ваши секретные доклады по Западному Ирану, Индонезии, Японии. Очень интересно. Когда появится такой же откровенный анализ советской действительности? Вы уже побывали на Дальнем Востоке, в Сибири, на Крайнем Севере, в республиках Средней Азии... Надеюсь, вы пришлете мне и этот ваш «закрытый» отчет?»

Они были поражены: оказывается, президент Новотный, которому они направляли секретные доклады о своих странствиях, передавал эти документы советскому руководству, даже не ставя их в известность. И они узнают об этом между прочим, в случайном разговоре! «Но все-таки приятно было это услышать из уст советского руководителя», — рассказывал мне Ганзелка позже в Праге. — Работая над докладом об СССР, мы сами сожалели, что анализ наших проблем предстоит изложить лишь для высшего чехословацкого руководства, и было неизвестно, откажутся ли довести его до сведения советских товарищей. Просьба Брежнева снимала камень с души. Это прекрасно, что он познакомится с нашими выводами не с чужих слов. Мы попросили его быть первым советским читателем секретного отчета № 4. Мы многое передумали за месяцы странствий и встреч с советскими людьми. Кроме того, мы могли сравнить: к тому времени наши «Татры» прошли уже через 76 стран».

...В 1963—1964 годах Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, переправившись со своими «Татрами» паромом из Японии,

отправились по Советскому Союзу в длительное и самое важное в их жизни путешествие. Они забирались в глухую сибирскую тайгу, пили чай в эвенкийских тордах, поднимались на плотинах ангарских гидростанций, летали в трясинах «аннушках» вдоль крошки Северного Ледовитого океана, попадая в места, куда добирался не каждый советский журналист. Они готовили книги и фильмы об СССР. К ним тянулись люди — их талант располагать к себе удивителен.

Знакомство наше состоялось весной 1964 года в Иркутске (я тогда был собственным корреспондентом «Известий» по Восточной Сибири). Подобно множеству других журналистов, я надеялся обменяться хотя бы парой слов с нашими тогдашними кумирами, самыми известными путешественниками XX столетия. И не подозревал во время интервью, что вопреки своим правилам, которым до сих пор не изменяли, они пригласят известна статью их спутником в тысячекилометровом странствии от Ангары до Енисея.

В пути один вопрос, обязательно задаваемый гостеприимно-бдительными местными властями, ставил чехов в тупик: «Какой будет ваша книга о Советском Союзе?» «Мы не хотим уподобиться журналистам, которые выходят из самолета в Шереметьево уже с готовой книгой о вашей стране. Мы еще сами не знаем, сколько разного встретим в этих поездках», — отвечали путешественники, принимая все близко к сердцу. Многие вызывало их недоумение. Им трудно было взять в толк, как можно из лучшего в мире тулунского песка делать самое плохое зеленое стекло и почему городские больницы необходимо размещать непременно у большака, в гуще пыли и автомобильной гарь... Они не смущались говорить об этом местным руководителям, специализирующимся на «отстраненных высказываниях» и даже «неблагодарности чехословацких друзей». Получая через ЦК КПСС и КГБ сводки таких сообщений, кремлевское руководство с настороженностью ожидало пока еще не книги этих двоих о Советском Союзе, а именно их секретный доклад для членов Президиума ЦК КПЧ.

Два года они писали 173 страницы машинописного текста, предназначенные только для служебного пользования, мучаясь над точностью формулировок, как если бы это было главным делом их жизни. В центре доклада был анализ социально-экономической ситуации в СССР и пороков его идеологизированной системы, изолировавшей себя от мирового прогресса.

Экземпляр № 1 путешественники передали А. Новотному. По рассказам аппаратчиков, в президентском кабинете в Пражском Граде допоздна горел свет. Новотный перечитывал этот доклад, делал пометки, но отправлять копию в Москву по каналам правительственной связи не торопился. Он уважал путешественников, у них были добрые отношения, но лежачий перед ним анализ советской действительности был настолько серьезен и непривычен, что реакцию московских товарищей невозможно было предсказать. Новотный не читал о СССР ничего подобного. Брежнев и его аппарат, получив от него документ, могли подумать, что он солидарен с выводами, а ему не хотелось представлять перед московскими друзьями в таком свете.

— Чего вы боитесь, товарищ президент? — спрашивали Ганзелка и Зикмунд. — Под документом две наши подписи.

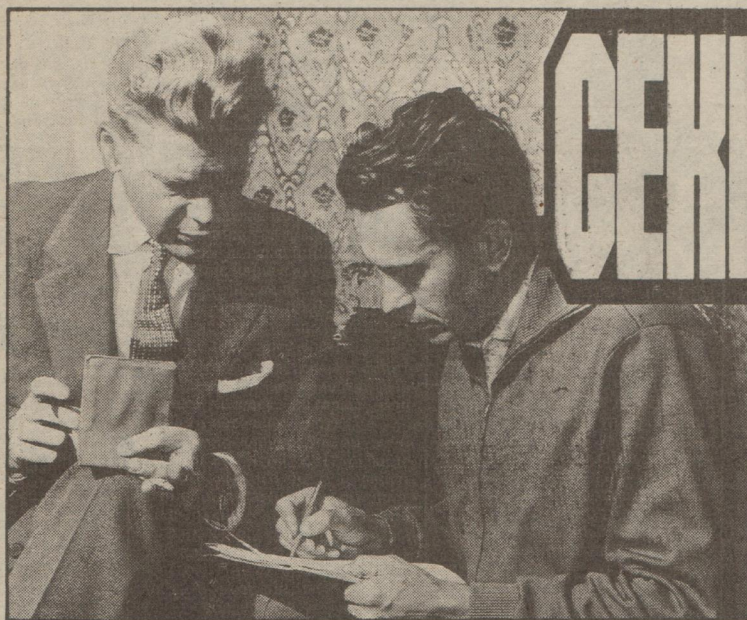
— Да, но Брежнев получит его от меня.

Чувствовалось: на этот раз Новотный не решится на передачу доклада.

— Может быть, попытаться нам самим ему передать?

— Ну, конечно! — с облегчением согласился Новотный. — Пусть товарищ Брежнев, раз он вас просил, получит отчет прямо из ваших рук.

Возникла была мысль отправить материал по каналам посольства СССР в Праге. Но что-то удерживало их от такого посредничества. Не было ясно, как к этому отнесутся советские дипломаты: в каком переводе и с какими комментариями документ будет отправлен. Путешественники попросили Новотного сде-

СЕКРЕТНЫЙ ОТЧЕТ

дать перевод силами аппарата ЦК КПЧ. За перевод взялся Иван Сынек, сотрудник международного отдела ЦК, сын расстрелянного гитлеровцами известного чешского антифашиста.

Когда перевод был готов, Ганзелка отправился на главпочтамт и дал телеграмму Брежневу.

Шли дни и недели.

Как-то в начале марта 1966 года я получил от Мирослава Зикмунда письмо, отправленное из Готвальдова (Злина) 18 февраля: «Может быть, мы скоро полетим на несколько дней в Москву, ждем только сообщения из ЦК КПСС...»

А сообщения не было.

В один из апрельских дней в пражский дом Ганзелки на Мичанце пришел высокопоставленный сотрудник советского посольства: «У меня поручение взять у вас секретный доклад для передачи в Москву». «Извините, — сказал Иржи, — мы передадим доклад только в руки Брежнева». «Но мне приказано!» — настаивал гость. Ганзелку это задело: «Мы не являемся гражданами вашей страны, и посольство не может разговаривать с нами в тоне приказов».

Дипломат ушел ни с чем.

Было начало июня, Зикмунд копал грядку возле своего дома, когда раздались звонки из Праги. Он услышал голос Иржи:

— На съезд КПЧ прибыл Брежнев. Позвонили из Града, передали его просьбу сегодня с ним встретиться.

— Но я не успею, Иржу... Пойди один. Я рассказываю об этой встрече так, как слышал от Иржи Ганзелки. Брежнев встретил его ласково, как старого приятеля, повел в свой кабинет, за ними увязались было сотрудники советского посольства, но перед их носом Ганзелка закрыл за собой дверь, чем привел Брежнева в веселое расположение духа. Они сели в кресла, Брежнев полистал рукопись: «Если у меня не будет замечаний, я вам непременно напишу». «Но интересный разговор как раз в том случае, если возникнет несогласие», Брежнев поднялся: «Когда я прочту, приглашу вас на подмосковную дачу, мы спокойно посидим, поговорим. Не будут мешать ни помощники, ни телефоны».

С той поры Ганзелка и Зикмунд больше никогда не видели Брежнева. Некоторое время они еще надеялись получить если не приглашение в Москву, то хотя бы письмо, но по изменившемуся с тех пор отношению к ним сотрудников советского посольства и назвавшихся в Прагу работников аппарата ЦК КПСС, еще недавно почитавших за честь для себя поговорить с ними, пригласить в посольство на очередное торжество, по их непроницаемым теперь лицам поняли: что-то случилось. Только позднее им рассказали подробности. Брежнев был достаточно ленив, и ему трудно было осилить самостоятельно 173 страницы. Он передал доклад своему окружению — «проработать и дать заключе-

ние». Аппаратчики вынесли вердикт: «грубая антисоветчина». Брежнев сказал, что больше не хочет слышать имен Ганзелки и Зикмунда.

Их имена исчезли со страниц советской прессы на четверть века. Они появились лишь в наших разнуданных публикациях 1968 года в перечне активных деятелей «контрреволюции», «антисоциалистических сил» и т.д. В затянувшийся период «нормализации» их книги перестали издавать у них на родине, оставалась в рукописи новая книга «Рай без ангелов» о Цейлоне, их фильмы лежали на полках, их детей не принимали в учебные заведения. Ганзелка, чтобы содержать семью, работал садовником, подрезал деревья в старом парке недалеко от Пражского Града. Зикмунд тоже перебивался случайными заработками.

Только в 1990 году, после победы «бархатной революции», в Чехословакии был опубликован «Специальный отчет № 4». Он содержит введение (условия работы экспедиции в СССР) и семь разделов: 1. Впечатления и выводы первого квартала работы в СССР; 2. Два основных периода развития СССР; 3. Нынешнее положение — результат исторического развития (критический раздел); 4. Комплексные выводы (общий взгляд на нынешнее положение); 5. Перспективы развития СССР по выводам экспедиции; 6. ЧССР и СССР — взаимные отношения, сопоставление исторической и современной специфики развития; 7. Предложения и соображения.

С разрешения Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда читателям «Совершенно секретно» предлагаются фрагменты их секретного отчета.

ИЗ ОТЧЕТА № 4 Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда

Экономика

Ясно, что советское хозяйство опасно кровотоцит, если столько машин на новых заводах простаивает и столько людей вокруг них суетится или же бездействует, а предприятия докладывают в отчетах о плановых потерях. Каждый капиталист вылетел бы в трубу при таком дилетанстве и безразличии, какие имеют место, например, на заводе Амуркабель в Хабаровске. Руководящий работник на этом заводе говорит: «Осваиваем», но он говорит это уже пятый год. А кто это оплачивает? Лишь социалистическое общество. ЛПК в Хоре (Хабаровский край) — это огромный завод. У него замечательный материал — древесина из близлежащей тайги, из Шумного, но производство окон и дверей для новостроек здесь на таком же уровне, каким оно было десятки лет тому назад. И они еще хвастаются этим!..

В чем причина этого огромного и играющего резко тормозящую роль экономического кровотоечения в СССР? Мы видим ее прежде всего в принципах и практике планирования...

Услуги населению, торговля

Чешское слово «обход» (торговля) возникло от слова «обходить». Торговец в примитивном обществе обходил покупателя.

В СССР покупатель обходит магазины, места торговли и распределения, причем степень внимательности, вежливости и культуры в большинстве случаев выше у покупателя (т.е. трудящегося человека, имеющего полное право на удовлетворение своих потребностей), чем у продавца (который теоретически обязан удовлетворять потребности покупателя).

Это типичное явление для общества с товарным дефицитом, каким СССР являлся в течение десятилетий... «Владыки» услуг являются продуктом нездорового монопольного положения. Морально-политические стимулы у них в большинстве случаев дают осечку. Общественные прагматические систематически портят белье. Химички за экспрессную доплату (вместо двух дней) возвращают «вычищенную» одежду с пятнами после двух недель (после многих хождений, незаконно требуя с заказчика экспрессную доплату, т.е. получая за работу, к тому же плохо сделанную, в два раза больше установленного тарифа). Одежда к тому же возвращается без пуговиц. В химичестве пуговицы перед чистой отрезкой, пришиваят же их заказчик молча и без протеста. Он благодарен за переплаченную плохую услугу.

Чистка обуви в гостинице — невыполнимая мечта. Раздраженность, застенчивость и грубость, невоспитанность и высокомерное отношение официантов к рядовым посетителям и чрезмерная угодливость по отношению к начальству не имеют равных в мире. В то же время уровень обслуживания намного ниже среднего мирового уровня во всех случаях. Мы видели много официантов и официанток, которые совершенно не реагировали на весьма покорную просьбу посетителя «разрешите обратиться» или же реагировали таким образом, что нам неудобно писать об этом. <...>

Человеческие отношения

Эта область жизни социалистического общества в СССР является, очевидно, одной из наиболее глубоко и трагично отмеченных сталинским периодом. Десятилетия террора и всеобщего страха перед непостижимостью

органов безопасности, долготеление чувства бесправия и бессилия и какого-то непостижимого, но везде присутствующего «подвоха», проявляющегося в ежедневном противоречии между словами и делами «властителей», оставили неизгладимые до сих пор следы на этике личной жизни советских людей и на личных взаимоотношениях между ними. Тяжелый след они оставили также на отношениях партии и народа, руководства и масс, человека и государства. <...>

Мы все знаем героизм советских людей, но мы знаем его больше в его внешнем проявлении как героизм боевой или трудовой. Но это их вторичный, производный героизм. Советский человек является героем прежде всего в своей безграничной терпеливости. Этот героизм столь велик, что он вынес испытания многих десятилетий. Это самый трудный героизм. В его конце зачастую огромное замкнутое в себя психическое утомление, проявляющееся наружу типичным «мы привыкли». Это уже терпение пассивное, обезоруженное, беспомощное и выжидающее, опирающееся на то, что «крутая душа» умеет удивительно сохранять: веру в будущее, пусть даже настоящее является трудным.

Культура и гигиена каждодневной жизни — это еще одна широкая область, где привычки прошлого стали тормозом в настоящее время...

Совершенно надменным и высокомерным является отношение дорожной милиции к водителям машин. Иногда (но не всегда) это отношение становилось вежливым, когда наш проводник предупреждал милиционера, что в машине едут чехословацкие гости. В некоторых местах (например, в Усть-Нере, Барнауле, Хабаровске и других) водителей буквально третировали, обращались с ними, как с крепостными, и никто ни в одном случае не возразил против такого отношения. Дискриминация водителей частных машин в СССР не имеет себе равных в мире. В Барнауле, например, она приобрела совершенно официальный характер. Частные машины должны иметь на переднем и заднем стекле обозначение — букву Л (личная), тогда как машины директоров обозначены красной звездочкой, и милиционеры не трогают их без нужды. А машины, номера которых начинаются с цифры 5 (машины обкома), ездят иногда, невзирая на правила, не соблюдая установленной скорости, обгоняют на перекрестках, не останавливаются по сигналу милиционера.

Кадры

Сформировался и до сих пор часто сохраняется тип ответственного работника — «солдата революции». Это ответственный, дисциплинированный работник, не проявляющий инициативу по принципиальным вопросам, но зато весьма инициативный в исполнении деталей. По направлению вверх он спрашивает, по направлению вниз приказывает. Он проталкивает директивы сверху вниз, а неприятные факты он прежде всего разъясняет народу. Он не анализирует причины этих явлений, когда имеется опасность того, что эти причины кроются в неуместных или вредных директивах сверху. Его наиболее часто употребляемым аргументом являются «объективные причины».

Тот факт, что это по сегодняшний день сблизняет к применению авторитарных и иногда диктаторских методов, — лишь естественный результат.

Другим последствием является то, что вышестоящий начальник не хочет чувствовать себя более глупым, чем его подчиненный, и поэтому на средние или более низкие ответственные посты попадают иногда люди малообразованные, с барским отношением к окружающим.

Мы не думаем, что такой тип ответственного работника может принести пользу социалистическому обществу. Наоборот, объективный анализ должен показать, что он является тормозом.

ПРИНЦ РУССО

С Валей Юдашкиным я познакомил-ся пару лет назад в Кремле на приеме, который устроила канадская фирма «McDonald's».

В тот вечер мы пили джин с тоником из тяжелых бокалов и курили тонкие голландские сигары. В бокалах плавали маленькие айсберги льда и ярко-зеленый островок лимона. Сигары пахли тропическим ливнем.

Потом на сцене появились длинноногие девушки в искрящемся, манящем, призрачном. И запах тонких сигар умер под ветром «Опиума» и «Самсары». Джин превратился в пресную воду, и новый, неведомый доселе дурман струился теперь во мне.

«Как ты все это делаешь?» — спросил я Юдашкина ошалело. «Сам не знаю, — ответил он, — это не объяснить». Время спустя, ступив на простуженную московскую улицу, где не было ничего, кроме вонючего кашля автомобилей, ослепших домов и пропахших больницей прохожих, я вдруг понял, что, пожалуй, Юдашкин прав. Разве можно объяснить сон? Или радость? Или печаль?

И тем не менее, когда мы встречаемся иногда, я продолжаю спрашивать о разном. Честно говоря, я и сам не знаю, зачем это делаю. Может быть, все еще пытаюсь объяснить себе тот давний сон, где длинноногие девушки в призрачном, зеленый островок лимона, запах «Самсары» и «Опиума».

— Знаешь, о чем я подумал, когда увидел демонстрацию твоих моделей в Париже? Только не смейся. Я подумал: неужели Юдашкин после такого успеха вернется назад? А когда ты действительно вернулся, я подумал: он что — ненормальный?! Нет, правда, по крайней мере, со стороны это выглядит странно. В то время когда, почитай, вся страна снялась с места и стройными колоннами двинулась на Запад, ты возвращаешься в свою однокомнатную квартиру, в убогую свою мастерскую... Может быть, я чего-нибудь не понимаю? Или у тебя на этот счет есть какой-то секрет?

— Да нет у меня никакого секрета. Понимаешь, может быть, это и в самом деле несомненно звучит, но в этой стране живут люди, с которыми мне просто и хорошо работать. Мы понимаем друг друга, и именно благодаря им я делаю те вещи, которые ты видел в Париже. Кроме того, у меня масса друзей и приятелей. Они создают такую неповторимую ауру, которую ни в каком Париже не найдешь. Конечно, кто спорит — там хорошо. Но вместе с тем там нет чего-то главного. И поэтому — скучно.

Я ведь уже жил там. И подолгу. Но, понимаешь, ничего не хотелось делать: ни пить, ни есть, ни рисовать... Не знаю, до сих пор не знаю, но что-то меня здесь удерживает.

С другой стороны — пусть это не покажется тебе громкой фразой, — в моей работе много от национального духа. И этим духом надо постоянно дышать, в нем надо просто вариться. Я, к примеру, не видел еще ни одного голливудского дизайнера, который бы создал доподлинно русский костюм. Все это — дешевые копии на уровне военной формы агентов КГБ в сериале о Джеймсе Бонде. Так что, очутись я с постоянной пропиской на Западе, пожалуй, уйду в депрессию. То самое ощущение национального духа будет уже утеряно, а к новому вряд ли привыкну.

— Но вспомни: Иван Бунин, к примеру, долгие годы писал на Западе, и Нобелевскую премию он получил именно там. От этого его проза, как мне кажется, не стала менее русской. Скорее наоборот. Или в творчестве модельеров все иначе?

— Люди все разные, как ты понимаешь. Психология — тоже разная. Кто-то может творить на чужбине, а кто-то нет. Вот взять Мишу Барышникову. Да, прошла боль, появился успех, он стал президентом национального Американского балета. Но кто знает — действительно ли он счастлив? Ведь счастье в супермаркете не купишь, верно? То же и со мной. Сегодня у меня множество предложений и готовых контрактов для работы в самых престижных домах моды Европы. Но вряд ли я найду там душевный покой.

— Давай теперь поговорим об этих предложениях. Давно они стали к тебе поступать?

— Наверное, это началось в... восемьдесят восьмом. Но тогда работать предлагали, как говорится, «на дялю».

— А как звали этого «дялю»?

— «Нина Ричи». Там мне предлагали работу стилиста. То есть попросту создавать новые модели в стиле этой фирмы. Но я отказался. Сегодня же, когда мою одежду видели и на Западе, и на Востоке, когда я получил должную критику в крупнейших журналах мод, — сегодня я получаю предложения совсем другого характера. Ну, например, предлагают открыть магазин в Париже, фабрику в Лос-Анджелесе, магазины в Чикаго и Майами, продать на двадцать лет эксклюзивное право на мое имя. Наверное, я просто попал в хорошее время. Даже здесь, в Советском Союзе, мне удалось за каких-нибудь три-четыре го-

СКОЙ МОДЫ

да добиться того, к чему другие шли десятками лет. Даже той же «Нина Ричи» понадобилось пятнадцать лет, чтобы встать на ноги после второй мировой войны. И это при тамошних условиях.

— Кстати, а как ты начинал? Об этом сегодня мало кто помнит. Или вообще не знает.

— Все как-то шло само собой. Окончил московский индустриально-педагогический техникум по специальности «моделирование». Получил красный диплом с правом распределения в Министрство бытового обслуживания и в Дом моделей Славы Зайцева. В то время этот дом только что отстроили. Огромные мастерские, демонстрационный зал, бары. Народ туда, если помнишь, валом валил. Да и вообще это было очень престижно, тем более начинающему модельеру, работать у Зайцева. Но дело в том, что я всегда хотел работать самостоятельно. И поэтому пошел в Министрство бытового обслуживания. Там у них была экспериментальная лаборатория моделирования. За год стал главным художником, и вместо ста десяти мне стали платить уже сто двадцать пять рублей. Даже в то время это были небольшие деньги и не самое престижное распределение, однако, спускаясь в свой подвал, я знал, что именно здесь получаю хотя бы частичку творческого счастья и успеха. Пусть крохотную частичку, но зато свою. Вскоре мне предложили тренировать сборную Советского Союза по декоративной косметике. И мои эскизы макияжа даже завоевали какие-то международные призы... А потом... знаешь, потом наступил момент, когда я понял, что в этом деле уже себя исчерпал. Нужно было уходить. И я ушел.

— Со ста двадцати пяти рублей на...

— На полное безденежье. Так что, когда я через какое-то время начинал собственное дело, мне пришлось продать и машину, и мебель, и многое другое. Начинать, как говорится, с нуля. Потом все это выросло в театр моды. Смешно вспомнить, но тогда мы шили из дешевого льна и ситца, считали каждую копейку — только бы работать, выразить все то, что задумано. Постепенно наша команда, состоявшая из десяти манекенщиц, костюмера и директора, превратилась в большую фирму «Valy-мода», которая делает в год две коллекции одежды «от кутюр», обслуживает клиентов и может себе позволить делать одно уникальное платье месяца полтора.

— Сегодня ты завоевываешь Париж?

— Конечно. Ведь для любого дизай-

нера Париж — это все равно что Ватикан для католика. Это — центр мировой моды. Мне было гораздо легче показывать свои коллекции в Израиле или в Америке, чем в Париже, потому как именно там твоя работа проходит последнюю и самую высокую проверку на качество.

— На демонстрации моделей в Париже ты был единственным представителем от Союза?

— Да, мне прислали персональное приглашение. Кроме меня были еще двадцать два модельера. И все — из Франции. Одни имена чего стоят! «Ив Сен Лоран», «Кристиан Диор», «Соня Рикель», «Нина Ричи», «Пьер Карден». То есть весь синдикат высокой моды. Люди, которые ею управляют. Ну вот, а двадцать третьим пригласили меня. По правде говоря, если бы я знал, какие там будут люди, кто придет посмотреть мою коллекцию, я бы вообще туда не поехал. Испугался бы — вот и все. Но, к счастью или несчастью, не знаю, я узнал об этом день в день. Шел по залу, смотрел на разложенные на стульях визитные карточки, и ноги подкашивались. С одной стороны, я, конечно же, ничего не терял, может быть, в худшем случае усомнился бы в своих возможностях.

— Или закомпликсовал.

— Да. И в Париж больше не сунулся. Но, слава Богу, все прошло удачно. Хотя за те дни и недели, что предшествовали показу во Франции, я чуть было психикой не сделался. Такое было психологическое напряжение, что у меня на подбородке вдруг выскочил какой-то фурункул. Болит — зверски! Но главное, физиономия черт знает на что похожа. Отрастил бороденку, чтобы незаметно было, к врачам ходил, компрессы разные делал. Не помогает. Но стоило сесть в самолет, как его прорвало. Показ моей коллекции проходил в здании советского посольства. Его открывали для широкой публики всего два раза: на визит Горбачева и вот теперь для показа мод. Когда началось, я стоял за кулисами. Ничего не видел. Только слышал гробовую тишину. Это в самом начале демонстрации. Прошла одна манекенщица, другая — никакой реакции. «Ну все, — подумал, — это провал». И тут зал буквально взорвался. Это пошли манекенщицы в платьях на тему Фаберже. Что было дальше — не очень-то и помню. Здравовался с какими-то людьми, принимал поздравления, фотографировался, чьи-то руки пожимал. Потом начался банкет, а я сел в машину и свалил в гостиницу. И уснул как убитый. На сле-

дующий день все гуляли по городу, ходили в Лувр, а я лежал пластом. Я тоже люблю Лувр, но в тот день мне уже ничего не хотелось. Даже коллекционного шампанского «Yudashkin», которое выпустили в мою честь.

— Шампанское, банкет, показ — все это стоило тебе немалых денег?

— Во Франции мной занимается известная дизайнерская фирма «Пьер Денон». Они представляют мои интересы и вкладывают деньги в рекламу моих моделей. Так что и показ, и банкет, и шампанское — это их рук дело. Насколько мне известно, все это стоило около трехсот тысяч американских долларов.

— Ты заключил с ними контракт?

— Да. И это, надо сказать, серьезный контракт. От него есть реальные результаты.

— Теперь-то ты счастливый человек? Успех в Париже. Ажиотаж в Союзе. Фирма твоя процветает.

— Знаешь, не все так просто, как казалось прежде. После показа коллекции в Париже у меня вдруг появилась масса недоброжелателей...

— В стране всеобщей зависти это неудивительно.

— Да, но все равно противно. Стали придумывать какие-то идиотские истории о том, что я второй раз женат и это скрываю, что у меня сын уже в школу пошел, что я остался в Америке. Словом, кому что в голову взбредет.

— Кстати, уж если об этом зашла речь, расскажи о своей семье. Ты действительно второй раз женат?

— Первый, первый! Заявляю официально. Я вообще-то, если так можно сказать, женился случайно и банально. Когда я пришел на работу в Министрство бытового обслуживания, Маша там уже работала ведущим художником по прическам, делала разработки. А я — почти студент, папан какой-то. Ну вот, как это везде принято, сотрудники устроили вечеринку. Собралась у Маши. Меня тоже пригласили. Потом все ушло, а я остался. И получилось так, что я остался там навсегда. Сам не знаю, почему это так вышло. Может быть, в тот момент жизни мне не хватало ее духа, ее теплоты. А может, во мне она увидела того человека, с которым ей будет приятно. У нас были странные свидания. Маша провожала меня на машине домой. А через несколько дней после нашей первой встречи она уехала на международный конкурс в Чехословакию. Вернулась с победой. Я встречал ее в Шереметьевском аэропорту и тут же

предложил ей выйти за меня замуж.

— До этого у тебя были романы?

— Да, но все это было не то. Я вообще не думал жениться, но встреча с Машей стала той самой роковой встречей, после которой я решил, что пора. И в общем-то я оказался тогда прав. Впоследствии выяснилось, что я абсолютно не приспособлен к домашним делам. И Маша взвалила все это на себя. В итоге я не знаю, что такое химчистка, прачечные, что такое готовить. Занимаюсь только своим делом.

— Все это звучит для меня несколько странно. Обычно творческие люди, я имею в виду мужчин, просто обожают готовить. Например, знаешь, о чем была последняя книга Пабло Неруды? Это была поваренная книга.

— Ну, я тоже люблю готовить. Но только по настроению. А из всей кухни предпочитаю европейскую. На уровне французских ресторанов. Чтобы было много овощей, салатов. Я люблю разную рыбу, люблю королевские креветки, свежие устрицы, лягушачьи лапки и лобстеры.

— О, не говори мне об этом. Я как вспомню только что выловленных устриц во льду. Да если их приправить лимонным соком и соусом «табаско», слюнки текут. Только, боюсь, нас неправильно поймут. В нашей стране, к сожалению, неизвестны ни лобстеры, ни эскарго. Позабыл даже обычный окорок.

— Да, но если бы я сказал, что все это не вкусно, то обманул бы самого себя. Это офигенно вкусно, черт побери!

— Ты упоминал французские рестораны. Какой из них ты предпочитаешь остальные?

— Пожалуй, «Максим». Это дорогой ресторан. Там все красиво и вкусно.

— А как насчет выпивки? Ты, небось, любитель шампанского?

— Совсем наоборот. Я любитель водки. И если куда-нибудь приезжаю, всякий раз заказываю себе «Смирновской» или шведский «Абсолют».

— Не очень-то с твоим образом водка вяжется.

— Но вообще-то я люблю пить ликеры. Банановые или клубничные. Водку — в экстремальных ситуациях. А сладкое — обожаю безумно. Конфеты могу лопать просто корками. Стоит открыть коробку — и через полчаса ни одной конфеты не останется. Но, несмотря на это, я стараюсь ограничивать себя в пирожных и тортах. Иначе начинаю расплываться как на дрожжах.

— Одеколон, которым ты пользуешься, тоже какой-то сладкий.

— Я перепробовал много разного парфюма, но сейчас остановился на «Обсейн», который производил Кэвлин Кэвлин. У этого одеколона очень резкий и сладкий запах. Я бы даже сказал, наглый запах. Иногда меня от него мутит. Но он нравится мне своей наглостью.

— А мне нравятся костюмы, которые ты носишь. Это тоже сделано во Франции?

— Нет, это сделано у Юлашкина. Белье, галстуки, обувь действительно приходится покупать. Все остальное делаю сам.

— Ты носишь какие-то особенные галстуки?

— В основном галстуки от Версаччи или от Армани. Не все они хороши, но просто по расцветке они мне как-то ближе.

— И ты никогда не надеешь костюм от Карлена?

— Никогда. Это было бы неприлично. Я сам дизайнер и поэтому должен носить то, что я делаю.

— Выходит, так принято в вашей модной среде? И тот же Карлен носит костюмы собственного производства?

— И носки, и трусы, и продукты покупает из своего магазина. У нас это невозможно пока. Если бы я надевал чужие тряпки, то это означало бы неуверенность в самом себе, а в конечном итоге — самообман. По отношению к собственной одежде я достаточно консервативен. В основном ношу костюмы — их у меня где-то двадцать восемь штук, сейчас уже точно не помню.

— Кто твои родители? Они тоже имеют какое-то отношение к искусству?

— Обычные родители. Папа уже на пенсии. Ему пятьдесят пять лет. Маме — сорок семь. Она работает экономистом. Младший брат еще есть. Он работает поваром в каком-то ресторане

на ВДНХ. Так что к искусству никто в моей семье отношения не имеет. Разве что дед. Он работал архитектором на Украине. Но он умер давно. Я его даже не видел.

— Ты родился в Москве?

— Я родился в Подмосковье, на станции Баковка. У родителей там был частный дом. Теперь — дача. Так что детство прошло в деревне.

— Какие у тебя были игрушки? Солдатики, пушки или, может быть, куклы?

— Куклы. Я их просто обожаю. Знаешь, в родительском доме до сих пор сохранилась огромная коллекция игрушечных машинок с открывающимися капотами, багажниками, поворачивающимися колесами, поминишь, такие продавали давно в «Детском мире», так вот, эти машинки до сих пор как новенькие, я в них никогда не играл. Зато сохранилось несколько стареньких, совершенно задранных кукол, которых я люблю и по сей день. В свое время это были красивые немецкие куклы. У них открывались и закрывались глаза. Я одевал их в разные платья. И при всем этом у меня было много друзей. Хотя обычно мальчик, играющий в куклы, — всегда один. Сегодня же, когда родилась моя дочь Галя, я безумно счастлив, что могу снова выбирать дорогие куклы. Я привез ей из Америки всяких там «чипов» и «дейлов». Наверное, она еще мало что в этом понимает, но мне хочется, чтобы она росла в окружении красоты.

— О том, что у тебя родилась дочь, даже сообщила московская светская хроника. Могут представить, каким для тебя это было событием. Ты уже свыкся с ролью отца семейства?

— На самом деле я боялся. Я просто не был к этому морально готов. Казалось бы, только-только пошла дела, а тут еще люлька, орущий ребенок — и все в однокомнатной квартире. Но маленькая Галя так органично вошла в нашу семью, она такая внимательная и тихая, что вот уже прошло шесть месяцев, и я просто не представляю, как жил без нее прежде.

— Ты уже решил, кем она станет?

— Только не модельером.

— Скажи, родители оказывали на тебя какое-то давление в выборе профессии, в жизни, в работе?

— Слава Богу, нет. Мои родители даже не знали, куда я пошел учиться.

— Но хоть в первый класс отвели?

— Отвели. Закончил я хорошо школу... Они очень хотели, чтобы я поступил в Бауманский или еще в какой-нибудь вуз и выучился на экономиста. А когда узнали, что собираюсь стать модельером, расстроились. Но не давили. Так, вздыхали только. Им казалось — это несерьезная профессия.

— Почему в Бауманский? Ты и в математике соображал?

— Господь с тобой. Ничего я в ней не соображал. А вот рисовал я с первого

Маленький принц

Валя + Маша = любовь

класса. Клубнички, цветочки, кораблики. Обычно рисовал. Как все дети в этом возрасте. Ничего выдающегося. И тем не менее в классе девятом решил стать модельером.

— Вот так просто взял и решил? Ничего тебе к этому не подтолкнуло?

— Не знаю... В классе десятом, когда я попадал в Общесоюзный Дом моделей или в другие модные дома, мне казалось, что я окунаюсь в тайну. Для меня был тайной выход манекенщиц, красота костюмов, платьев, этот ни с чем не сравнимый запах, этот блеск, элегантность... Даже сейчас, делая по две коллекции в год, я не знаю, как же я все это делаю. Для меня это по сей день загадка. Как и тогда в детстве. Смотрю иногда на готовое платье и думаю — неужели это сделал я?

— И все-таки именно ты. Расскажи, как все это получается? Ну хотя бы чисто практически. Про вдохновение я не говорю. Ты сядишь за стол. А дальше?

— Сначала я этот стол долго вытираю. Есть у меня такая дурная привычка. Стою и тру. И больше ничего. Вот-вторых, я просто панически боюсь одиночества. Я просто волком вою, когда надолго останусь один. И поэтому одно из условий работы — чтобы кто-нибудь был рядом. Раньше это была жена, а теперь еще и дочка, которая спит в люльке под моим рабочим столом. Еще, конечно же, важные инструменты. Я трачу кучу денег за границей на всевозможные ластики, краски, французскую бумагу для акварелей, карандаши. Да, это дорого, но в то же время эстетично и хорошо. Мой рабочий стол — все равно что мертвая зона. Никто к нему, кроме меня, не подходит. Я вытираю его, раскладываю аккуратно все эти ручки и карандаши, но потом еще долго хожу кругами. Я его просто боюсь. Но вот наступает какое-то время, и я сажусь. Рисуно. А эскизы вывешиваю на стенку. Поминишь, там, рядом с иконами. Если эскиз за неделю не надоед, значит, уже хорошо. Будет ли из этого эскиза модель — еще бабушка надвое сказала. Но если мне удалось передать в рисунке платье, если я вижу в нем красивую бабу... значит, главное сделано. Главное, но не все, конечно. Ведь потом это надо шить, посмотреть, будет ли это удобно... Словом, не менее важно, чтобы платье еще носилось. Я теперь уже не работаю ради чистой идеи. Ведь можно и презерватив на голову надеть и сказать, что это модно. Или, я тут видел недавно, платье из резиновых ковриков, лейка на голове... Но это не мода. У любого западного дизайнера любая вещь, даже если она острая, гротесковская, все равно остается функциональной. Все равно ее можно носить.

— В одной из твоих коллекций я видел очень дорогие и красивые платья, стилизованные под православные храмы. Ты вообще-то как относишься к религии? Верующий или атеист?

— Да, в Бога я верую. Не так давно был крещен в одной из московских церквей. И сделал это по убеждению, вполне

сознательно. Не знаю, может быть, именно Господь помог мне добиться чего-то в Париже. Накануне показа моей коллекции я разыскал там маленькую русскую церквушку. Она оказалась закрыта, но старичок священник пропустил нас внутрь. Я поставил свечки. Поставил. Помолвился. Душу отогрел. Так что к религии отношение у меня самое серьезное.

— Ты суеверен? Ну, не знаю, тринадцатое число или треснувшее зеркало сказываются как-то на твоей жизни?

— Был случай, когда во время одного из показов моих моделей стоявшее на сцене зеркало разлетелось вдребезги. И вроде ничего, все нормально. Главное, как я считаю, не гневить Бога. Тогда не будет и страха перед приметами.

— Теперь расскажи о своих друзьях. Наверное, все они — известные люди?

— Отнюдь. У меня остались еще со школы два очень близких приятеля. Мы вместе учились, вместе уходили в армию. Встречаемся и до сих пор. Они, к счастью, не имеют никакого отношения к искусству. Один из них — повар, другой — инженер. Но оба — чрезвычайно милые и приятные люди. И верные друзья. Их не волнуют мои проблемы. И наоборот. Когда мы встречаемся, то нам просто приятно видеть друг друга. Вот и все.

— У тебя есть какие-то свои причуды? Ну, например, может быть, ты ночью ходишь по крышам или во время работы сгрызаешь карандаши?

— Одно время я во время работы пел. Правда, Маша говорила, что это больше походило на вой. А я этого просто не замечал. Но когда заметил, то это прошло.

— А кто входит в круг твоих постоянных клиентов?

— Сам знаешь... Ты.

— Ну, я-то не постоянный, а кроме меня?

— Да все мои приятели. Ведь здесь дело не в деньгах даже, а в отношениях. Есть люди, готовые заплатить за мою одежду бешеные деньги, но если это неприятные люди, если они видят во мне только портного, я ничего им делать не стану. Мне просто не интересно.

— Поминишь, когда Горбачев только пришел к власти, многие отметили, что в отличие от своих предшественников он и его жена не только умеют говорить правильные слова, но и изысканно одеваются. Особенно это касается Раисы Горбачевой. Ее дорогие шубы и официальные костюмы вызывают зависть и одновременно ненависть большинства советских граждан. В связи с этим хочу тебя спросить: что ты думаешь о том, как одеваются политические лидеры в этой стране?

— В последнее время у них появилось больше вкуса. Радует то, что, например, каждый костюм или платье Раисы Горбачевой имеет свое строго определенное назначение. На спектакле в Большом театре она в вечернем туалете, а на фабрике какой-нибудь в строгом костюме.

Она одевается не вычурно, не ярко. И в этом есть свой шарм. Этим самым она выгодно отличается от первых дам США или Франции. По всей видимости, за ее внешним видом следит профессиональная команда художников из Общесоюзного Дома моделей. Насколько мне известно, там же подбирается и гардероб самого Горбачева.

— А что произошло с Зайцевым? Одно время, помнишь, он просто громыхал. И на телевидении, и в газетах. Теперь делся куда-то. Не слышно его и не видно. Честно говоря, я думал, что лишь только откроют границы, именно Зайцев будет тем самым модельером, который первым появится на западном рынке высокой моды. А оказался там ты.

— Значит, сложно ответить... Если бы мы часто общались и виделись. Но у нас среди модельеров такое общение не принято. Впрочем, и у западных художников это не принято тоже. Но там-то понятно: они делают на своем искусстве большой бизнес. У нас же ни бизнеса, ни общения. Вот так сложилось. Ну что Слава? Самая большая его проблема заключается в том, что он совмещает работу художника и директора Дома моды. Невозможно одинаково хорошо заниматься доставанием ниток и создавать новую коллекцию. Это — нонсенс. Все идет от нашей общей бедности. И в этом не его вина. У любого известного художника, дизайнера на Западе существует целая компания менеджеров, которые занимаются его именем. Здесь же этим не занимается никто. И поэтому сегодня ты популярен, а завтра — тишина. Ну вот тебе маленький пример. Недавно к известному французскому модельеру Терри Мюглеру обратилась Патриция Каас. Она хотела сшить у него платье для своей программы или для видеоклипа — точно не знаю. Руководство фирмы ей отказало. Они посчитали, что эстрадная «звезда» уровня Патриции не может еще носить одежду от Мюглера. Эту одежду может носить «звезда» уровня Даяны Росс. Вот что значит имя модельера. Или взять Поля Готье, который одевает Мадонну, который придумал ее безумную грудь. Теперь магазины «Стиль Мадонны» есть во всем мире. И эта одежда продается повсюду. Продюсеры пятнадцать лет создавали образ, приближенный к образу Мэрилин Монро. Искали похожие манеры, прически, формы. Появились в конце концов Мадонна. Но как только интерес к ней стал чуть-чуть угасать, они это сразу заметили. Тут же ее приезд в Канны. И Мадонна в черном. Это был шок. У нас ничего похожего нет. Может быть, только Алла Борисовна Пугачева, которую я очень уважаю и ценю. Эта женщина очень хорошо чувствует, когда снять волну, когда сделать паузу, а потом появиться вновь, но уже в новом амплуа и с новым скандалом.

Что же касается Славы Зайцева, то ему надо отдать должное. Ведь именно он пробил брешь для советской моды на Западе. Нравится она или не нравится — уже не важно. Важно, что он был первым. Двадцать пять лет своей жизни он потратил на то, чтобы доказать, что и в этой стране на что-то способны. — И все же, как ни посмотри, вы с Зайцевым — конкуренты. Интересно знать, существует ли в современной моде такой род деятельности, как шпионаж? — Ну, как ты понимаешь, современная мода — это целая индустрия, которая, по некоторым оценкам, занимает третье место после наркобизнеса и торговли оружием. Мода меняется каждые полгода и потому приносит гигантские прибыли ее производителям. Естественно, когда речь идет о таких деньгах, без шпионажа просто не обойтись. Надо сказать, что в роли шпионов в основном выступают фотографии из модных изданий. Они, как правило, снимают демонстрации коллекций ведущих модельеров. А некоторые после этого продают свои слайды не только в журналы, но и дешевым производителям одежды. Кстати, недавно по этому поводу в Париже состоялся скандальный судебный процесс. Конечно, серьезные фирмы используют всевозможные средства, чтобы защитить свою продукцию от постороннего глаза. Новая коллекция одежды готовится полгода в строжайшей тайне. Новые ткани хранятся в банковских сейфах, а эскизы этих тканей уничтожаются. В нашей стране до таких мер безопас-

ности в моде еще далеко, однако порой приходишь к мысли, что они бы не помешали. Например, совсем недавно у меня из офиса стащили красивую кожаную папку с эскизами новой коллекции. Ну чем не шпионаж?

Но у этой проблемы есть и обратная сторона медали. Дело в том, что волей-неволей дизайнер просто обязан знать о том, что происходит в мире моды. А в этом мире идеи витают в воздухе. Много идей. Казалось бы, бери их, пропускай через себя и делай что-то свое. Все равно будет непохоже. И тем не менее — это кража. Так-что мой принцип: быть в курсе дел вместе с тем не засорять мозги чужими идеями.

— В нашей стране ты, наверное, один такой советский. Другие-то модельеры, особенно в глубинке, просто берут прошлогодною «Бурда моден» и срисовывают с нее модели от Диора.

— Так хотя бы срисовывали грамотно. Тогда, может, мы и одевались лучше. А то ведь у каждого полно своих вкусовых амбиций. Украдут бантик у Кардена, платочек у Ив Сен Лорана, наворотят чего-нибудь своего, а в результате — эклектика и безвкусица.

— Есть у нас сегодня, на твой взгляд, молодые и талантливые модельеры? Те, что будут популярны в Париже через пять — десять лет.

— Не могу назвать ни одного. Что-то мелькает. Недавно видел пять хороших вечерних платьев. Но для меня это еще ни о чем не говорит. Можно написать один прекрасный рассказ, но это не будет книга. Поэтому для того, чтобы судить о новом имени в моде все-таки объективно, нужно посмотреть не только пять вечерних платьев, но и купальники, и костюмы, и пальто. Может быть, начинающие модельеры и смогли бы себя раскрыть во всем многообразии форм, создать большую полноценную коллекцию, однако, как ни банально это звучит, все упирается в деньги. Хотя сам я начинал с дешевых тканей по трешке за метр, но на пятьдесят тысяч, которые у меня тогда были, делал полную коллекцию.

— Теперь у тебя уже много коллекций одежды. Что ты делаешь с ними, когда они выходят из моды?

— Сейчас я стал умнее и начал собирать архив моих прежних работ. Если доживу до светлых дней и удастся организовать ретроспективу, все это еще пригодится. А до недавнего времени все свои коллекции я распродавал... Жаль очень. Некоторые вещи ушли бесследно, а восстанавливать уже не хочется.

— Тебе всего двадцать семь лет, и я понимаю, что, быть может, задаю тебе этот вопрос слишком преждевременно. И все же, какими ты видишь самого себя через пятнадцать—двадцать лет? Ты думаешь об этом когда-нибудь?

— Боюсь загадывать. Я человек ужасно мнительный. Ведь каждая новая коллекция для меня такая внутренняя травма, и, перед тем как ее начать, меня одолевает такой неописуемый ужас, словно эта коллекция — последняя в моей творческой жизни. Впрочем, когда-нибудь так оно и случится. Так что у Бога я одного прошу: чтобы хватило заряда энергии, сил и идей. А сегодня... Сегодня я счастлив.

— Наш разговор я бы хотел закончить тем же, с чего начал. Осенью ты опять уезжаешь с новой коллекцией в Париж. Надеюсь, что все же вернешься обратно, в Россию. Но если бы ты, не дай Бог, остался, кто из французских модельеров оказал тебе поддержку? С кем из них ты ближе всего по мыслям, по духу?

— Помнишь, в начале июля Пьер Карден показывал свои модели на Красной площади. На этом шоу не было ни одного советского модельера. Только я пришел его поздравить. Значит, что он мне сказал, когда мы остались один на один? «Я уже стар», — сказал Пьер Карден, — я уже более сорока лет в моде и все, что хотел бы сказать, уже сказал. Поэтому свой факел я передаю тебе, Валья».

НЕМАЯ СЦЕНА. ЗАНАВЕС. АНТ-РАКТ.

Интервью провел
Дмитрий ЛИХАНОВ

Фото из семейного архива
и Сергея Андреева

ПОЧТА
«СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО»

«ИСКУССТВО ЛЮБВИ»
ПРИНАДЛЕЖИТ ПАРТИИ...

Хотя сегодня ЦК КПСС уже в прошлом, но я все-таки вам пишу. Потому что его «привычки» у нас может повторить любая партия, пришедшая к власти.

Недавно в «Книжном обозрении» (№ 13—14) появился прелюбопытный материал, названный «Распределение, или Извильности дорожки тиража».

Автор статьи А. Н. Пирожков очень деликатно, вскользь коснулся одной весьма щекотливой темы. Имеется в виду снабжение литературой Книжной экспедиции Управления делами ЦК КПСС.

Оказывается, ничто человеческое партаппаратчикам не чуждо. Например, экспедиция заказала 3 тыс. экз. экземпляров книги М. Вислойкой «Искусство любви». Можно только позавидовать коллегам функционеров, знакомых с этим изданием!

Вот и книга В. Леви «Искусство быть собой», несомненно, окажется им полезной. Не случайно ее заказали 2,5 тыс. экземпляров. Партаппаратчики, как и простые смертные, любят и зарубежные детективы, и фантастику. Такие книги они получают обычно в количестве 3—3,5 тысячи.

А теперь давайте сравнивать! В Москве существует Коллектор массовых библиотек. Он комплектует фонды 1700 городских, районных, детских, учебных библиотек, сотни библиотек заводов, НИИ, фабрик, ПТУ и т. д. Но снабжается этими же изданиями совершенно в другой пропорции.

Вислойка М. Искусство любви. Заказ 2100 экз., получено 1400 экз.

Леви В. Искусство быть собой. Заказ 2000 экз., получено 1391 экз.

Зарубежный детектив. 1990 г. Заказ 3300 экз., получено 1476 экз.

Комментарии, как говорится, излишни...

Однако такое «распределение» не только возмутительно, но и, пожалуй, противоправно. Дело в том, что последние четыре книги из названных выше включены в «Библиотечную серию», их целевые назначения — пополнение особенно нищих и запущенных фондов массовых библиотек!

Эта серия, как известно, формируется из нескольких десятков лучших изданий года. Однако тиражи «Библиотечной серии» почти всегда недостаточны и составляют, как правило, 100 тыс. экземпляров, в то время как число массовых библиотек страны (без школьных) превышает 133,5 тысячи. То есть далеко не каждая массовая библиотека получает даже те книги, которые издаются со специальным грифом.

Между тем Книжная экспедиция ЦК КПСС получает все и полностью...

Ведает ли «ум, честь и совесть эпохи», что, скажем, книгу братьев Стругацких «Град обреченный» экспедиция получила в количестве 2000 экземпляров, а такой маленький столичный город, как Таллинн, всего 500?

Не смущает ли руководство ЦК КПСС то обстоятельство, что экспедиция заказывает полторы-две тысячи лучших детских (!) книг «Библиотечной серии»?

Сравните: Книгу Дж. Даррелла «Говорящий сверток» экспедиция ЦК получила в количестве 2000, а Московский коллектор массовых библиотек, заказавший 1700 экземпляров, — только 784.

Прекрасное издание «Алисы в стране чудес» в переводе В. Набокова экспедиция получила в количестве 1500 экземпляров, а коллектору при заказе 3 тысячи дали лишь 780.

Прославленную книгу Дж. Толкина «Хоббит» коллектор не получил вовсе, а экспедиции досталось 1500 экземпляров. И так далее...

Остается только радоваться за детей этих коммунистов! Полторы-две тысячи книг... Это ведь не много. Но если бы их не «скушала» экспедиция ЦК КПСС, то 2000 библиотек Москвы имели бы хоть по одному экземпляру и у детей «простых советских людей» (рабочих, медиков, учителей, инженеров, продавцов, артистов — не членов КПСС) был бы шанс прочесть эти прелестные издания.

Известно, что с наибольшей отдачей книга работает именно в общественной, а не в личной библиотеке. Не случайно существует и Правительственная библиотека, и библиотека Управления делами ЦМ СССР, и библиотека Верховного Совета СССР, библиотеки ИНИОН и ВПШ, Академии общественных наук при ЦК КПСС и издательство ЦК, партийных журналов (скажем, «Коммунист») и музеев (В. И. Ленина, Октябрьской Революции, Московского Кремля), общественно-политического центра МГК и МК КПСС и Московского политического института МГК... Это не полный список библиотек, имевшихся в распоряжении партаппаратчиков.

Подумайте, что будет с нами, рядовыми читателями, если при нынешней многопартийности каждый Центральный комитет какой-либо партии обзаведется своею экспедицией?

При таком — вполне логичном — обороте распределительных дел, да при нынешнем дефиците бумаги и дороговизне книжного «черного рынка» совсем не нужна станет наша всеобщая грамотность. Ведь для того, чтобы зафиксировать получение талонов на сахар и табак, вполне достаточно ставить просто крест.

Татьяна ЖУЧКОВА,
старший научный сотрудник НИИ книги
Москва

СПИСАНА НА БЕРЕГ

На первый взгляд моя история самая заурядная. Я работала врачом на судне и за критику капитана и его помощника была «списана» на берег. Трудно пересказать все то, что было на корабле, — пьянство, злоупотребления, нарушения элементарных правил. Кончилось все тем, что уже на берегу, чтобы избавиться от неуютного «критикана», за моей спиной, в обход всех медицинских канон, меня признали шизофреничкой.

Характерно, что первый суд восстановил меня на прежней работе. И когда я, ссылаясь на решение суда, пыталась снова устроиться судовым врачом, от меня все-таки избавились. Был и второй «круг» этого судебного ада. И вот я с вольным билетом, с клеймом «шизофреника» оказалась на улице.

С тех пор прошло шесть лет. Я сижу без работы, а разные инстанции отфутболивают друг другу мои жалобы. И ведь действительно, ничего сделать нельзя — я официально названа шизофреничкой, хотя медицинского освидетельствования и не было.

Беда в том, что наше государство использовало репрессивную психиатрию не только по отношению к политически неблагонадежным людям. Когда это было нужно, страшная психиатрическая машина работала и против рядовых граждан, которых, к примеру, нужно было уволить с работы. Какое трогательное внимание ко мне со стороны государства!

Сегодня я продолжаю борьбу за свои права: Независимая психиатрическая ассоциация признала меня абсолютно здоровой. Но сколько еще лет будут длиться мои «хождения по мукам»?..

Людмила СИРОЧЕНКО,
бывший судовой врач
Олеса

БУДАПЕШТ

Михаил ЛЮБИМОВ

Иной спешит в Южную Африку поохотиться на жирафа, но не эта дичь ему нужна. И сколько времени можно охотиться на жирафов?.. Лучшие выслеживать более благородную дичь — самого себя.

Генри Торо

Вильош Берэки, депутат парламента от партии мелких хозяев, исконного врага коммунистов и социалистов, и секретарь парламентского комитета по вопросам безопасности, отхлебнув прохладного пива, с грустью сообщает, что три часа тому назад он освобожден от этой должности. Его обвинили в том, что он являлся агентом венгерских спецслужб. Да, да, газеты даже назвали его кличку, но это, разумеется, ложь, он всегда был убежденным борцом с коммунизмом, а спецслужбы держали его под контролем, следили, разрабатывали.

Пиво — любое — после многолетних московских испытаний кажется совершенно божественным, агентами — ни бывшими, ни нынешними, ни архивными, ни двойными и даже тройными и прост, жуликами меня не удивили: изрядный кусок жизни провел я меж агентов своих и чужих, да и сейчас их достаточно много улыбается вокруг, отношусь к агентам философски и даже с нежностью. Куда от них деться, пока есть государство и необходимость удерживать его в русле стабильности?

О люди, если бы вы знали, как многозначно (или неоднозначно) это почти бранное слово «агент»! Если бы вы знали, какие дупераздирающие споры рождает дефиниция этого проклятого слова в академических кругах КГБ и КРУ! — да! да! есть такие почтенные круги и у нас, и у них, хотя завистники порою и клычат их профессорами килесей шей. Но агент — это не стукач, а Будапешт — это не Бухарест.

Город пестр и ярок, как поле цветов, мосты великолепно нависли над мутноватым Дунаем, от седоватых зданий, дворцов и монументов веет покойным величием усопшей Австро-Венгерской империи — в наши дни, наблюдая кровавые драчки ее бывших субъектов, невольно думаешь, что, наверное, зря хотал бравои солдат Швейк над императором Францем-Иосифом.

Город горд именами, тут создавали шедевры Лист и Барток, тут прославил свободу Петёфи, тут посол Андропов вместе с молодым Крючковым боролся с венгерской контрреволюцией 1956 года, которую ныне отмечают как национальный праздник. Возможно, русский дух где-то и витает здесь, но Русью тут и не пахнет.

Немного попахивают майки в торговых рядах на улице Вади, правда, не Русью, а иронией в адрес большого соседа, долго возглавлявшего славное содружество, точнее, мировую систему, которая вдруг, словно олушанчик под порывами ветра, неприлично оголилась и превратилась в пшик. Вот майка с изображением советского солдата в каске и со спасенной девочкой на руках — обидно, он не заслужил иронии, он же не знал, проливая свою кровь, что его оставят здесь в качестве доброго жанарма, он и сейчас думает, что до последних дней стоял на страже социали-

стической Венгрии, защищая ее от всепожирающей организации НАТО.

Майки заслуживают симпозиума политологов: вот одна с титульным листом «Правды», заполненным обычной агитацией и пропагандой, майки-вопросы: «СССР — быть или не быть?», «СССР — идем на Запад?» и, наконец, Карл Маркс в снежной бороде с убойной подписью «Разыскивается — живой или мертвый!». Действительно, кто виноват?

По всему городу вовсю идет торговля шинелями и гимнастерками, кокардами, погонами и фуражками всех родов наших войск — лучше, чем в военное время на проспекте Калинина, — в большом ходу ордена и медали. На среднюю зарплату венгра (15 тысяч форинтов, 1 доллар = 74 форинта) можно купить три ордена боевого Красного Знамени или пять орденов Славы. Кое-кто из продавцов говорит по-русски, уж не те ли это дезертиры, которые рванули из нашей армии?

О прошлом напоминают старые таблички улиц, их не сорвали грубо, а перевернули и оставили рядом с новыми — пусть народ привыкает постепенно и не падает в обморок, увидев на родном доме вместо трогательной Кирова какую-то странную Мясницкую. Особенно умиляет соседство Ленина со святой Терезой — так переименовали улицу — одни святые уходят, другие приходят, сейчас между ними мирное сосуществование.

На днях Венгрию покинул последний советский солдат. Газеты откликнулись спокойно и радостно, во время прощания с нашим генералом министр обороны еле сдерживал слезы. Нет, нет, не потому, что больно было отпускать, а просто нахлынули чувства: ведь наконец закончилась целая эпоха вассальной зависимости, наступили дни полностью свободной Венгрии.

Уходили с разными чувствами и больше неохотно — это ведь не служба среди бескрайних грязей и полей, где соседний город пуст и грустен; особенно страдали высшее офицерство и генералитет, жившие тут по достойным стандартам. Ушли... Чья-то боевая рука написала на прощание краской по всей тумбе, подпрыгивающей Цепной мост: «Слава КПСС, слава СА, слава Украине».

Финита ля комедия, оккупация закончилась. Конечно, она мало напоминала фашистскую оккупацию в иных странах, не было ни патрулей, ни гетто, ни гауляйтера. Мой друг Йозеф Мерук, социалист и душа популярной газеты «Курир», называет ее салонной оккупацией. Он уже давно в рынке и потрясает меня своей энергией вечного двигателя — даже за рулем, на скорости 100 км в час, не прекращаются обсуждения и указания по радиотелефону. Страсть к работе — его единственный недостаток, недоступный загадочной славянской душе, привыкшей расслабляться — и не только в поисках veritas, которая in vino, — созерцать и строить воздушные замки, поглядывая на бескрайние и пока еще не совсем загаженные просторы. Увы, далеко нам еще до жизни по-рыночному, трудно переделать нам живую натуру, включившись в бешеную гонку на пути к прогрессу, да и не нужна нам эта гонка, тем более что пока неясно, чем все это закончится для матушки-Земли — ведь все чаще из озоновой дыры поглядывает весьма несимпатичное око.

Ушли... На горе Геллерт стоит памятник Свободе, там и наш воин с автоматом в руке. Но долго ли он простоят, удержится ли в буре политических страстей? — ведь большинство населения и не нюхало фашизма, зато оно хорошо знает, что такое социализм в развитом виде, даже в самой либеральной кадровой упаковке.

Зачем Сталин и компания навязали Восточной Европе чуждые ей режимы, что привело к «холодной войне» с Западом и противостоянию, превратившему наше государство в олигофрена, на 60—70 процентов работающего на оборону?

Палаги Ференц — бывший шеф венгерских спецслужб

Кому нужна была эта салонная и несалонная оккупация, подсланная Варшавским пактом и заверениями в вечной дружбе? Что дала нам эта экспансия? Неужели наша империя существовала только ради Гранд-Иден, неужели насилие существовало лишь ради насилия? Да и империя ли это? Британская и французские империи обогатили метрополию и их обитателей и при этом оставили после себя в колониях не только антипатию, но и красивые дома, и мощное экономическое влияние, и культуру. Германский рейх ограбил всю Европу, немцы жили во лжи, но припеваючи. А что приобрели мы? Что оставили?

Сейчас, после ретировки из Восточной Европы наших войск, наши доморощенные имперцы скорбят по Варшавскому пакту. А был ли мальчик? Мальчик-то был, но очень странный, немного шиз и с норовом. Послушать бы наших военных стратегов, как они мыслили участие армий оккупированных стран в борьбе с Западом? Гэдзэровцев, обожающих Хонеккера и коммунизм, против западных немцев, венгров, хлещущих пятьдесят шестой, чехов и словаков после 1968 года, ну а насчет поляков... Объясните, пожалуйста, товарищи маршалы и генералы, если у вас есть на это время в сладкий момент приватизации государственных дач и подержанных холодильников! Честите Сталина за близорукость, стоившую миллионы жертв, а сами всерьез построили картонный домик, и в самый решающий миг — слава Богу, все уже позади — ударили бы в спины нашим штыки и снова пролилась бы русская кровь! Великое счастье, что вовремя мы открыли клапаны и выпустили пар — сами ушли, в этом есть благородство, это еще зачтется, когда отшумят страсти.

... А город чертовски красив и приветлив, и настроение дивное, если не глазеть постоянно на витрины с раздражающими товарами. Не смотри, это портит характер, развивает жадность и жлобство, подрывает святую веру в перестройку, обойдемся, надо жить просто, как голуби. Аминь!

Осторожно ступаю на «зебру», води-

тель тормозит, но не кроет матом, а, улыбаясь, машет рукой — только бы не привыкнуть, только бы не привыкнуть, а иначе в первый же день в любимой Москве очутиться под грузовиком с приятными воспоминаниями о венгерской вежливости.

Великолепный город, и все нравится, только Дунай закован в гранит и холоден до безумия — не выкупаться, как у нас в парке культуры и отдыха имени... как все долго! длинно! скинув запросто штаны и бросив брэнное тело в быстробегущие и, возможно, не ядовитые воды.

Восторгаюсь Будапештом, а мой венгерский друг — вне себя от возмущения: «И ты называешь это дорогой? Разве ты не видел дороги в ФРГ?» Германия и Австрия тут — эталон, и никому нет дела, что в одном царстве-государстве о таких дорогах, как в Венгрии, мечтают, и не утешает гоголевское, что у нас лишь два недостатка: дороги и дураки, и думаешь, и жжет мысль: ну почему у нас все так!?

Берэки мило улыбается и заказывает еще пива, а я думаю, какое счастье, что у нас пока не началась охота за агентами. Уж у нас их будут гонять, как зайцев, такие водоплавы гряды полюбуются, что никто не отмоется, — ведь у нас все принимает безумные формы: если борьба с алкоголизмом, то до полного развала винного дела, если национализация — то до победного конца, если революция, то минимум на 70 лет, если приватизация...

Мне немного жаль Берэки, и я припадаю к пиву, вспоминая пакостно вояющее строение у Белорусского вокзала, где пол устлан рыбьими костями и прочие дефицитными обеды и где страждешь со своей банкой или с пакетом из-под молока. Великая страна, где еще встретишь такой блеск изобретательства? Где еще такое терпение и умение приспособиться к чудовищным обстоятельствам? Нет, вынесем мы, вынесем все, и дорогу железную, и все, что Господь ни пошлет, и перестройку, и апокалипсис!

Идея раскрытия у нас дел на агентов мне не импонирует — демократия должна быть благородной и не размениваться на пустяки. К тому же агенты бывают очень хорошие и полезные, они помогают и обществу, и отдельным людям и кардинально отличаются от стукачей. Стукач — феномен очень советский, он бодро реагирует на все отклонения от линии хомо советика: дядя Ваня за стеной слушает

ЭТО НЕ БУХАРЕСТ

Берэски
Вильош —
депутат
парламента

Галсэци
Андраси —
министр без
портфеля,
нынешний
шеф
спецслужб

Би-би-си, у кого-то на службе мелькнула книга Солженицына, у Зиночки много шмоток из-за границы. Стукач — это явление и общечеловеческое, это сплетник, завистник, карьерист, идущий по костям, злобный тип. Стукач — это и жертва, у него выхода нет, кто же его продвинет по службе? кто выпустит за границу? кто замолвит словечко в исполкоме? Но главное — это явление политическое: к наговорам прислушиваются лишь в определенных условиях, дело шьет по приказу диктатуры, правящей бал с опорой на штыки недремлющих органов. Наказывать нужно стукачей, помогавших фальсифицировать дела, а не агентов, да и то скидку делать на прессинг и вечный страх бесправного хомо советикуса.

Нет, не радует меня охота за скальпами агентов, представлю сразу комиссию возмущенных общественников во главе с каким-нибудь вечно справедливым поэтом. Это у Александра Блока хватило такта, чтобы лишь оформлять стенографические отчеты в Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве для расследования деятельности бывших царских сановников, жандармов и агентов, наши же поэты побойчее и свободой давно томимы. Да и Блок тоже был суров: «Передо мною Белецкий, умный директор департамента полиции, недавний, на чьей стороне есть преступления, а все кажется будто так обыкновенно, все стирается серыми обоями, серым светом, голой веточкой за окном». Белецкий-то по сравнению с некоторыми нашими — сущий ангел, к тому же тоже выполнял приказы и указы.

Нет, боюсь я этого психоза, к тому же в КГБ кое-что только возмущается и подбросит мстителям дела прежде всего на порядочных людей, на цвет интеллигенции. И прошлое не поощряет: уж не завербовал ли муж Цветаевой — агент ОГПУ — свою жену? А Солженицын чуть не стал сотрудником! А думаете, что Александр Сергеевич имел контакты с Бенкендорфом просто так? Спецслужбы зачастую так работают, что человек даже не знает, что он давно завербован и числится в агентах, а думает, что раскрывает собеседнику глаза на премь-

щества ямба перед хореем.

Но двинемся от агентов к заведующим — в царской России шеф закордонной разведки именовался заведующим заграничной агентурой.

Ференцу Паллаги, генерал-майору в отставке и бывшему шефу венгерских спецслужб, еще нет и шестидесяти. Он прекрасно вписывается в стереотип руководителя грозной организации: волевое лицо, жесткие складки у рта, острый ум. Прошлое все еще держит и мучит его, он не может смириться со своей отставкой и двумя последующими за ней судебными процессами, закончившимися его полным оправданием. С 1978 года — член коллегии служб безопасности, в 1989 году, когда начался переход от тоталитаризма к демократии западного типа, возглавил спецслужбы. Оппозиция с ними не переменилась и уже с 1988 года навешивала всех собак даже из кровавых времен венгерского Сталина — Ракоши. Кстат, венгерский Берия — Петер Габор до сих пор жив — палачи по странной причине обречены на долготелie, возьмем Молотова или Кагановича. В последние десятилетия, как утверждает генерал, никого из диссидентов не трогали, а о психушках даже не слышали, гибкий Кадар умело маневрировал между молотом и наковальней, и тут ему во многом помогала личная дружба с Андроповым.

Спецслужбы Венгрии (как и КГБ) работали на основе приказов и инструкций против антисоциалистических и прочих антисил до 1988 года, когда события помаленьку вскачь, словно взбесившиеся кони, оставив кучеров в полной растерянности на козлах. Пробным оселком явились похороны Имре Надя, казненного по нашей указке премьер-министра Венгрии, осмелившегося после революции 1956 года, раздавленной советскими танками, заявить о нейтралитете Венгрии. Естественно, похороны были окрашены в цвета «анти» и совсем не вписывались в инструкции, однако служба продемонстрировала терпимость (а что оставалось?) и обеспечивала порядок, сдерживая экстремизм слева и справа. Генерал утверждает, что уже в августе 1989 года спецслужбы не работали против антисоциалистических партий, хотя занимались отдельными личностями из этих движений — разнижа, на мой взгляд, чисто теоретическая.

Осенью 1989 года был пересмотрен уголовный кодекс, откуда выбросили статьи о политических преступлениях, и руководство спецслужб начало спешно

готовить свой закон (как и КГБ) и распустило отдел 3/3 — аналог нашего, тоже распушенного управления по борьбе с идеологическими диверсиями — и начало очищать архивы от информации, связанной с политическим сыском.

Но оппозиция сопротивлялась принятию закона о спецслужбах, ибо не доверяла тем, кто его готовил, и не без оснований: руководство спецслужб, естественно, было тесно связано с прошлым и с ВСРП. (Нашему КГБ, как известно, удалось провести закон о КГБ через Верховный Совет СССР, составив его так, как душе было угодно, полностью сохранив статус-кво в организации, закрепили за ней практически неограниченные права и свести контроль за его деятельностью к формальности.)

Дело не ограничилось лишь саботажем закона оппозицией: была проведена острейшая акция, посягающая на американскими правами и соответственно получившая название «Дунагейт» по аналогии с «Уотергейтом». Удар нанесли в первый день рождества. С помощью сообщника — майора госбезопасности, бывшего в тот день главным дежурным по службе, то бишь самым главным в отсутствие начальства, — группа лиц с видеокамерой проникла в святая святых и засняла на пленку некоторые материалы на деятелей политпартий, которые уже были подготовлены к уничтожению (не деятели, а бумаги на них).

Пятого января 1991 года эти документы, основанные, кстат, на данных подслушивания, появились в печати, всколыхнув всю Венгрию. Генералу пришлось подать в отставку и уйти на вполне приличную пенсию — 21 тысячу форинтов (кило салыма — 400 форинтов, проезд в метро — 12, калач — 40, бутылка водки — 300, бутылка виски — 2 тысячи, женщина на час в отеле с красным фонарем — 10 тысяч, причем ей, бедной, достается лишь четыре, остальные берут сутенеры). Генеральный прокурор возбудил против шефа госбезопасности дело, обвинив его в нарушении закона и умышленном уничтожении документов.

Да, с бывшими руководителями поступили жестоко, но спецслужбы не разогнали полностью, как в ГДР. Кстат, причины всех этих разгонов и чисток во время нежных революций лежат не столько в засилии их коммунистами, сколько в вассальной их зависимости от КГБ, конечно же, при благоприятном фасаде равноправия. Вполне понятно, что новые лидеры хотят целиком полагаться на свои спецслужбы и избавиться их от иностранного влияния. В этом коренное отличие их ситуации от нашей — так что в этом плане наш КГБ может спать спокойно, даже самым яростным критикам системы и в голову не придет причислить КГБ к филиалу ЦРУ или к службе безопасности Саадама Хусейна. Хотя почему не придет? Намекает же председатель КГБ на то, что в нашей стране ЦРУ создало за долгие годы агентуру влияния. Интересно, в какой разряд попадает сам Крючков, вначале активно поддерживающий перестройку? Говорят, к тому же он побывал в самом логове зверя, прямо в ЦРУ, что в Лонг-Близ Потомака, и не только побывал, но и произнес спич перед потрясенными црушцами, в котором не без остроумия заметил, что в нынешней обстановке сотрудники враждебных спецслужб должны встречаться за столом, а не только под столом (для сведения широкой публики: наши и их резиденты за границей обожают общаться друг с другом и вытягивать информацию с помощью зеленого змия — тут наши Илья Муромцы обладают весьма приличными бойцовыми качествами и превосходят американцев, обрушивающихся на паркетные после какого-то жалкого ведра виски).

— Так остались ли бывшие коммунисты в спецслужбах? — пытаю я генерала.

— Конечно, остались. В 1985 году коммунисты составляли 90 процентов всего личного состава, в 1989 году —

уже 60 процентов. Департизации способствовал роспуск ВСРП в октябре 1989 года, ибо руководство проявило мудрость и не подталкивало сотрудников к вступлению в новую партию. Бесспорно, кадровый состав не был готов к департизации, а создание ячеек разных партий в службе обострило бы конфликты и помешало работе.

А готов ли кадровый состав к департизации в нашем КГБ? Думаю, что готов давным-давно и кровно заинтересован. Редко встречал я в организации заядлых марксистов-ленинцев, рвущихся построить светлый коммунистический дом, как правило, членство в КПСС было лишь условным приемом на работу. Профессионалы хотят спокойно работать на благо государства и не участвовать в межпартийных баталиях, что нельзя сказать о некоем тонком слое наверху, который состоял из верхних рядов КПСС и не терял с нею связь. Этот слой и сотрясает воздух: чекистов (словечко-то пора и заменить, уж больно попахивает оно кровью!) хотят лишить прав человека, свободы политического выбора! Обычная полтасовка: голосуйте хоть за Новодворскую, хоть за Алксниса, ну а если уж не можете сотрудник жить без партийных собраний и партучебы, разве нельзя все это организовать по месту жительства?

С генералом Паллаги все ясно: им пожертвовали в политической борьбе, смахнули, как пешку, с шахматной доски. После этого службу реорганизовали, сделав отдельно ведомство разведки и ведомство контрразведки, и подчинили министру без портфеля, замкнутому непосредственно на премьер-министре.

К нему, Андрасу Галсэци, бывшему инженеру и, говорят, личному другу премьера, и йду за истинной в последней инстанции. Воспитанный в коридорах, где властвует субординация, испытывая легкий трепет на пути к кабинету. Никаких пропусков (о встрече договорено заранее), но служивый в штатском доводит до приемной и удостоверяется у секретарши, что я — не террорист.

Я волнуюсь, впрочем, это не ново — ведь нервный озноб нападает даже во время прогулок на Патриарших прудах, когда вижу там бывших председателей КГБ Шелепина и Семичастного, облюбовавших это место для послеобеденных моционов. Они медленно, чуть ли не под ручку проходят мимо знаменитой скамейки и того места, где трамвай «Аннушка» отрезал голову несчастному Берлиозу, они кружат и кружат, и с ними кто-то третий, высокий, явно номенклатурный и в кежке. Тень отца Гамлета? Призраки Суслова? Или, может, сам Вольфанд консультируется у бывших шефов тайной полиции?

Но распахивается дверь, и в приемную входит сам министр, входит и приглашает к себе в кабинет. Он обаятелен, прост и без поджака, за что приносит извинения. День назад, когда я вошел в один высокий кабинет в поджак и при галстуке (на дворе — 35° по Цельсию, но что делать? как преодолеть годами взысканную любовь к поджакам? Правда, Ельцин недавно небрежно сбросил поджак во время прямой передачи по телевидению, но то же Ельцин, он во всем революционер), владелец одного быстро надел поджак, и я мучился, что вынул его разделить со мной все ужасы жары. Памятуя эту драму, я срываю с себя поджак, который хватает хорошенькая секретарша и вешает на плечики в шкаф. Начинаем с воздушных поцелуев — с обмена любезностями. Министр суетет, что в отличие от меня, грешного, у него нет разведывательного опыта, я же, сладко польщенный, настаиваю, что опыт схож с оружием на плечах: он не только помогает, но и давит.

Дальше беру быка за рога: какова механика организации подслушивания, перлюстрации корреспонденции, входа в помещение и видеозаписи. Закон доста-

точно четок, объясняет министр, нужна санкция лично министра юстиции. В случае надобности министра вытнут в Венгрии даже из вод Балатона, но что делать, если он находится с визитом в Африке? Поэтому в новом законе предусматривается специальный институт судей, назначенных для этой цели лично президентом.

Прекрасно, но, допустим, дана санкция на разработку и подслушивание дипломата одной страны, подозреваемого в шпионской деятельности. Дипломат активно циркулирует в политических кругах, у него много знакомых среди парламентариев, журналистов, сотрудников МИД, он звонит им по телефону, кормит и поит в фешенебельных ресторанах — обычная практика во всем мире. Так вот: останутся ли материалы об этих контактах в досье на дипломата? Ведь санкцию на сбор информации на них никто не давал! Министр разъясняет, что в ходатайстве на санкцию должна быть оговорена вся конкретика — то, о чем не упомянуто, должно быть уничтожено.

Думается, что министр несколько идеализирует законопослушание сотрудников спецслужб, последние имеют достаточный простор для обходного маневра, тут всегда поможет секретность — дымовая завеса, под которую можно водить за нос самый демократический парламент.

А как же парламентский контроль? Министр разъясняет, что контроль осуществляется парламентским комитетом, в который входят представители шести основных партий. Во главе стоит представитель оппозиции, существует большая группа экспертов. Министра не обуревают чувства восхищения деятельностью комитета, да это и понятно: кому нравится, если влезает в твои дела и при случае дают подножку? Но демократия есть демократия, должен быть баланс сил.

Министр юстиции в замаскированной форме информирует комитет ежемесячно (!) о всех санкциях, выданных им спецслужбам, имена не называются, но обозначены темы. Кроме того, члены комитета имеют право затребовать любое дело.

Да, венгры ушли далеко, в соответствующем комитете Верховного Совета СССР засиделись генералы КГБ и представители оборонного комплекса, да и работа он в такой секретности, что о его существовании лишь немногие знают.

Нет ли гонений на бывших коммунистов? Министр отмечает деликатность проблемы и свою приверженность эволюционным методам и философскому подходу. Его концепция проста: разведке и контрразведке надо учиться, с улицы специалист не возьмешь. Да, после «Дунагеита» произошла реорганизация, были отправлены на покой начальники пенсионного и предпенсионного возраста, приблизительно около 20 процентов личного состава, 40 человек из разведки, 48 — из контрразведки (миниматричная служба, однако). Средний возраст нынешнего руководителя — 43 года, эти люди раньше работали во втором и третьем эшелоне.

— И не боитесь бывших коммунистов?

— Многие боятся, — отвечает министр. — Но если сотрудник спецслужб будет тайно помогать КГБ, его ждет тюрьма, и не на один год. КГБ весьма непопулярен в Венгрии, его считают имперской рукой Генерального секретаря КПСС, которого русские избрели вместо царя, проводя экспансию в Восточную Европу.

Впрочем, министр имеет рабочие контакты с КГБ, особенно заинтересован он в совместных действиях по борьбе с организованной преступностью. Не так давно он побывал в Москве и Ленинграде, встречался с председателем КГБ. Его потрясло запустение на улицах. Самое ужасное, что по ним совершенно спокойно ходят хорошо одетые люди с портфелями, как они могут переносить такую безобразную окружающую среду?

«Если бы только это... если бы только это, господин министр, — мысленно шепчу я. — Ведь Москва — это не Будапешт...»

Гениальное открытие, достойное Ньютона, на этом и закончим.

Будапешт — Москва, июль-июль 1991 г.

Виталий КОРОТИЧ

«Огонек» Виталия Коротича стал историей. Его уже не повторить и не воссоздать. Да и надо ли? Он стал таким же символом восьмидесятых, как «Новый мир» — шестидесятых. Каждую неделю «Огонек» распахивал затуманенную страничку отечественной истории. Публиковал запрещенные прежде повести. Задумывался о наболевшем. Кричал о том, о чем официальная пропаганда предпочитала молчать.

Недавно Виталий Коротич передал для публикации в «Совершенно секретно» свою автобиографическую книгу «Наедине». Мы выбрали из нее ту часть, где говорится об известном скандале со статьей Тельмана Гдлына и выступлении Коротича на XIX партконференции. Это был пик популярности «Огонька». «Огонька» Виталия Коротича.

МИМО НЕПОГРЕБЕННОГО...

Почему-то когда я вспоминаю, как это было, то начинаю с конца. С того момента, как вошел я на оцепеневшую Красную площадь; вошел изнутри, сквозь Спаские ворота Кремля. Охраняя вождя и делегатов от жалобщиков и террористов, на Красную площадь пропускали лишь из Кремля, где шла сессия XIX Всесоюзной партконференции. Оттуда я и вышел — чтобы перевести дыхание — сил почти не оставалось, и я как бы пылся по раскаленному воздуху. Так и вошел на Красную площадь и медленно побрел вдоль Кремлевской стены.

Только что я выступил — коротко, но трудно. Репортаж об этом выступлении прошел по многим телеканалам мира, и меня еще долго узнавали за границей по воспоминаниям о той передаче. А я всего-то навсего отдал Горбачеву конверт с делами четырех высокопоставленных чиновников, которых надо было допросить, они явно завязали в уголовщине, связанной с получением и раздачей взяток, но следователям допроса не разрешили. Чиновники были из ЦК, а посему их нельзя было допросить без согласия этого самого ЦК, который согласия не давал.

Откровенно говоря, я не ожидал, что статья следователей по особо важным делам Гдлына и Иванова, только что опубликованная в нашем журнале, вызовет такой взрыв. Позже несколько высоких начальников говорили мне, что статья чуть не сорвала эту самую Всесоюзную партконференцию; не знаю, у меня такого ощущения не было. Просто-напросто впервые за много десятилетий было серьезно сказано о том, что и среди делегатов самого высокого из коммунистических партийных форумов могут оказаться преступники.

(А в зале орало: «Как так?! Да кто им, этим писакам, позволил?!») Сжавшись туго, плечом к плечу, высокие партийные чины требовали меня к ответу. Позже, когда все поутихло и я позволил себе шутить по этому поводу, одному из журналистов в интервью я ответил, что дело, пожалуй, не в моем утверждении о четырех жуликах в зале. Они попросту испугались, не зная, кого именно, какую четверку из всех возможных я имею в виду.)

Теперь я во многом зависел от порядочности и отдачи Гдлына с Ивановым, которые в нарушение всех служебных инструкций обещали привести и отдать мне в руки четыре папки с документами против этих самых четырех начальников. Но и начальники не дремали. Накануне утром заседала специальная комиссия съезда, мучительно решавшая, как со мной поступить. Секретарь ЦК Разумовский, возглавлявший комиссию, куда меня даже не подумали вызвать, сказал, что большинство настаивало на моем изгнании со съезда и из партии. Ценой огромных усилий это решение удалось притормозить, по крайней мере, до окончания того заседания съезда, на котором я предъявлю свои аргументы. Гдлына с Ивановым торжественно поклялись, что к этому моменту все документы у меня будут.

Следователи показали мне (еще одно нарушение с их стороны) видеозаписи допросов, на которых они исповедовали высшую в Узбекистане партию. И правильно сделали: иначе, может быть, и не поверил бы им. Румяные владыки юго-востока страны с улыбочками повествовали перед видеокamerой, как они воровали миллионы, швыряли их на взятки, подкупая московских гостей...

Бородатый Иванов с торжественным визгом подрулил на «Волге» прямо к кремлевской Кутафье башне, у входа в которую я перемалывал с ноги на ногу, ожидая обещанных документов; ткнул мне, не выходя из автомобиля, засурчуженный конверт, на лицевой стороне которого чернела надпись о том, что конверт разрешается вскрыть лишь Михаилу Сергеевичу Горбачеву лично. Это, конечно, тоже было служебным нарушением, но не самым страшным; даже взбунтовавшиеся следователи не ставили под сомнение тот факт, что пусть не по закону, но фактически в стране никого нет

главнее Генерального секретаря ЦК единственной партии — коммунистической.

Председательствовавший на заседании Щербинский объявил, что я готовлюсь к выступлению, и меня усадили в первом ряду, в ленинградскую делегацию, чтобы поближе было к трибуне. Оказался я рядом с ветераном партии, который позванивал, будто колоколя на ветру, увешанный толстым слоем орденов и медалей поверх черного костюмного сукна, из которого был пошит обмундировавший его то ли адмиральский китель, то ли чиновничий пиджак. Под орденами этого не дано было разглядеть. Да я и не разглядывал, потому что орденосный ветеран чистил меня почем зря.

Так вот, под ругательный шепот звенящего ветерана я пошел к трибуне.

Мне кажется, это нечто звериное во мне: кожей чувствую расположение или ненависть зала всякий раз, когда поворачиваюсь к людям лицом.

На сей раз это была ненависть. Такая густая и холодная, что я вздрогнул и понял: не говорить мне с этой трибуны долго. Минуты три будут набирать воздух в легкие, а затем затопают, заорут и не дадут мне слова сказать, стонят проклятиями с трибуны. Я знал, что у меня есть минуты три, а больше мне и не надо было.

Я четко сказал о необходимости иметь в стране единый закон для всех, которому будут подчиняться также вожди коммунистической партии, и попросил не препятствовать следствию; повернулся к Горбачеву и подал ему папку. В меня незванно входило этакое веселое, триумфальное озорство: я сделал то, что хотел, сделал!

— Это большой секрет, Михаил Сергеевич! — сказал я.

— Давай, давай! — скороговоркой ответил Генсек. По обе стороны от него, бледные и безмолвные, как мраморные скульптуры, глядели на меня Лигачев и Щербинский.

Интересно, сколько человек, включая наблюдавших эпизод по телетрансляции, хотели меня убить в то время? Думаю, что немало.

На соседнее со звонким ветераном кресло я сел не мог. Медленно в ледяной тишине окаменевшего зала я прошагал по проходу между креслами Дворца съездов и, свернув налево, вышел из зала через боковую дверь.

Зачем я сделал это? Ведь не было в ту пору никакой уверенности, что делу будет дан ход и, как случилось на самом деле, всех подозреваемых отдадут следствию. Важно было другое — мое состояние, в котором я уже неспособен был поступать иначе; переход всех воспоминаний о свинстве, накопившихся в душе и на сердце, в восстание, во взрыв против них. Так в любом из нас годами накапливается усталость от несправедливости. От несправедливости, разминающей тебя, унижающей и давящей, как пресс. Каждый из нас имеет собственные лимиты терпения и собственную форму восстания, но само восстание обязательно случится рано или поздно, если ты еще человек. Все взрывается от малой малости, и в газетах не раз писали о том, как невинный начальник вроде бы ни за что получает оплеуху от прохожего — просто за косой взгляд. А на самом деле оплеуха была выстраданной, наболевшей, сборной — за все сразу.

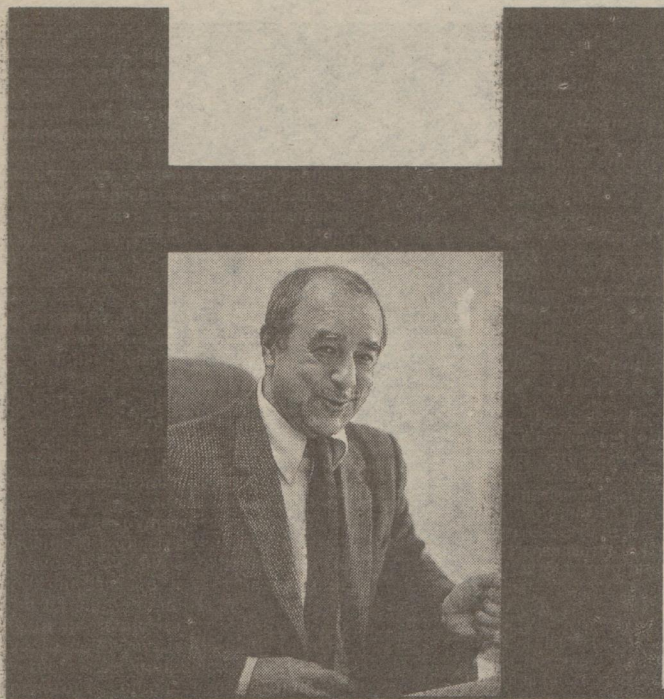
Мы взрываемся. Я взрываюсь. Накопился критическая масса. Статья двух следователей попросту оказалась пусковым моментом, камешком, обрушивающим лавину. Я вдруг понял, что стал другим, перейдя Рубикон, на берегу которого ждал так долго.

Ну вот: шел я по брусчатке Красной площади вдоль Кремлевской стены по направлению к Мавзолею.

Тогда же я подумал, что ни моя жена, ни мои дети никогда в Мавзоле не были и никто из них никогда не просил меня помочь им туда попасть. В театры — просили, в Оружейную палату Кремля — тоже просили, а в усыпальницу к Непогребенному — никогда. Все важные для посещения и интересные места Москвы они знали наизусть — почему же не эту гробницу? Мы никогда не разговаривали об этом, но, видимо, критическая масса накапливалась и в них. Хотя визит в Мавзолей всегда был чем-то вроде знака социального положения; космонавтов туда водили перед полетом, иностранных президентов с цветами.

У нас вообще ничего не происходит просто так. Вот сегодня я позвонил в Кремль, затем выступил с трибуны Дворца съездов и запросто шагаю теперь по Красной площади внутри оцепления. На сегодня — имею право; Система разрешила. Впрочем, она очень изменилась за несколько последних лет, эта Система. К сегодняшнему дню, а шло 29 июня 1988 года, многое стало иным. Вот я усомнился только что — с показом по телевидению — в порядочности людей с верхнего этажа власти, — и земля не разверзлась, и теленачальство не поумирало от страха.

(Это в 1990 году, зимой, телеоператор, вышагиваю-

АВЕЛИШЕ

ший на Съезде народных депутатов СССР в проходе между рядами, сказал мне, что ему запретили наводить камеру на целый ряд депутатов — и на меня в том числе. Телена начальники в очередной раз хотели кому-то угодить. Бедные наши телеведущие, постоянно пытающиеся угадать допустимые пределы гласности, самый испуганный отряд в журналистской армии (если можно их считать журналистами). Они по традиции вздрагивают круглосуточно, воображая требовательное начальственное око, остановившееся на телеэкране.

Один из самых популярных советских теледикторов, живущий неподалеку от меня, однажды устало рассказывал, что ни дня ни ночи теперь, потому что Горбачев отправился в сибирско-дальневосточные регионы, а начальство рассчитывает программы таким образом, чтобы подгадать, когда Горбачеву захочется включить телевизор, и в это время задвигают в эфир самые популярные дикторские физиономии и самые бесперебойные передачи. Разница в пояском времени велика, вот дикторы и торчат в студии чуть ли не постоянно...

Правда пробивалась с трудом. В газете с таким названием правда не пробивалась вообще. И я, и те, кто вместе со мной делал «Огонек», знали цену риску, но далеко не все вокруг понимали, чем и когда мы рискуем.

Ну вот, к примеру, напечатали мы умную и веселую статью писательницы Иллиной о том, как дважды Герой Социалистического Труда и многолетний писательский начальник Георгий Марков участвовал в открытии дома-музея в свою честь и памятник себе самому в Сибири. Мы, впрочем, умолчали, что открывал все это нынешний московский партийный вождь Лигачев. Но и напечатанного у нас оказалось достаточно, чтобы главная партийная газета страны «Правда» обрушила на нас карательную статью все с тем же рефреном: «На кого, мол, поганцы, руку подняли?»

Написал статью услужливый графоман по фамилии Салуцкий (я несколько раз в этих заметках обижался на графоманов, но для грязной работы начальству легче нанять их, неуголенных, жадных, всегда обиженных на более известных коллег; в Москве нас неутомимо атаквала Глушкова, бывшая киевская околотелитературная барышня, обиженная на весь свет за то, что кого-то читают, а вот ее не хотят; эту публику всегда будут использовать для натравливания на тех, кто начальство опасен; они ведь несчастны по-своему, графоманы; жалко их, если задуматься...). После выхода статьи («Да кто же посмел поднять руку на председателя Союза писателей и дважды Героя...») мне по правительственной связи позвонил заведующий сектором журналов Отдела пропаганды ЦК (была такая должность, недавно еще была) Козловский и велел перепечатать статью из «Правды» в ближайшем же номере и без комментариев.

И в этом случае меня шекотнул все тот же веселый азарт; я бы назвал его азартом справедливости. Он сродни очень опасному ощущению абсолютной собственности правоты. Это очень всепоглощающее чувство, его надо строго контролировать, но если уж оно пришло, стоит вдуматься, а порой и подчиниться ему, потому что это выбрешенное твоим духовным компьютером решение, вывод из всех заданностей и решений, к которым ты сегодня готов.

В случае со статьей в защиту Героя, владеющего музейным комплексом имени себя самого, я был убежден в правоте и готов к сопротивлению. Статью из «Правды» отказался перепечатывать наотрез, а через номер мы еще и прокомментировали верноподданное сочинение этого самого Салуцкого...

Многие из нас кристаллизовались в десятилетие между восьмидесятым и девяностым годами; я наблюдал как бы со стороны перерождение собственной интеллигентской презрительности во все более активное состояние, в способность дать по физиономии, ввязаться в драку, исход которой неясен, но смысл четок. Я сам не ожидал, что изменюсь так быстро и так; мне кажется, все мое поколение сводило счеты с прошлым и с собой самим. Пройдя сквозь самый, может быть, позорный период в истории Отечества, мы вдруг устали от всех унижений и начали испугать их поступками, запальчиво, самозабвенно. Я всегда воспринимал Горбачева как одного из нас, и поэтому меня никогда не покидало ощущение, что я его понимаю. Даже когда не понимал, даже когда возмущался, даже когда принять не мог, я задумывался над тем, что и самого себя-то я только начинаю требовательно и немилосердно понимать.

Ну вот: думалось все это, а тем временем слева разверзся черный проем входа в Мавзолей. Окаменевшие ангелы-часовые у врат не выказывали признаков жизни, и я повернул к Непогребенному, пользуясь своим правом ходить внутри оцепления. Громовержцы-привратники не встряхнули огненными мечами; я пошел в них, в кондиционированный полумрак гробницы Непогребенного и остался с ним один на один.

Маленький рыжеватый человек был в ту пору на два года всего старше меня; сейчас уже я старше обитателя Мавзолея. Он лежал в пуленепробиваемом прозрачном сооружении, полусогнув одну ладонь и расправив другую. Ощущение потусторонности не покидало меня, и его усиливал вид совершенно нездешнего человека, офицера, немигающе глядящего на меня с другой стороны саркофага. Под этим совиным взглядом глухонемого, но бдительного стража я обошел изголовье и вышел из кондиционированной прохлады гробницы в раскаленный московский день.

Передо мной высились гранитные соратники Непогребенного, самые-самые замечательные. Вот и они, умные из умных, честные из честных. Дзержинский и Жданов, Сулов и Ворошилов, Брежнев, Черненко, Сталин... Если Система смогла родить лишь такие вершины, что же у нее в глубине?

Когда только что я слушал возмущенное гудение высшего из партийных собраний КПСС, угадывающего, которых четырех жуликов я имел в виду, за спинами возмущенных стояли вот эти монументальные Основатели. Сейчас я пришел к ним: от детей к родителям. Здравствуй, товарищи Сталин, Свердлов, Калинин, Буденный, Брежнев! За стеной Кремля ваши наследники в последний, возможно, раз пытались только что отстоять свою и вашу неприкасаемость, безукоризненность, всевладность. Только ни фига уже ни у них, ни у вас не выйдет. Отвечать придется каждому за себя. Все вожди и все поступки оказались непогребенными; начинается...

Это одна из ключевых мыслей в том, что сейчас пишу, и мне кажется, едва ли не главный вывод из опыта многих жизней. Ничего не надо сваливать на эпоху, каждый отвечает сам за себя. Ленин за себя отвечает, Сталин, Бухарин, Троцкий, Черненко, Сахаров, Горбачев, вы, я — любой из живших и живущих на свете. Никто, никакая из самых репрессивных систем не в состоянии воспрепятствовать человеку быть честным или стать распоследней дрянью. Конечно, бывают обстоятельства, благоприятствующие тому или иному поведению. Но все решения — лично твои. И ответственность — лично твоя. Вся жизнь: приход к

легкости и естественности решений. И если, скажем, какой-нибудь профессиональный патриот или, напротив, профессиональный шпион, состоящий у врагов в услужении, напишет на меня донос или поступит еще каким-нибудь неприемлемым для меня способом, мне надо, чтобы и в доносчике, и в подозреваемом была готовность отвечать за свои поступки. Нынче все кланяются в сторону Непогребенного и его гранитных соратников, объясняя, что все это они получили, что это они создали обстановку, что никто, кроме этих Нетленых, не виноват ни в чем. Каждый ответит за свое; обязан ответить.

Это все при том, что мы и вправду меняемся: способность измениться является одним из главных человеческих качеств. Мы сегодня пересоварачиваем очень многие страницы, но не должны вырывать из книги жизни ни одной из них.

Мы во многом стали другими: друг к другу, страна к стране. Мы учимся и кое-чему научились уже, очень важно помнить это.

Года полтора назад мы основательно поговорили об этом с Гедриком Смитом, блестящим американским журналистом, ставшим соавтором только что сделанного фильма о Советском Союзе, работы нужной и вдумчивой. Он много и проникновенно исследовал советскую жизнь, знает Москву наизусть, и в конце семидесятых годов издал книгу «Русские», классическое исследование нашей жизни в совсем еще недавнюю брежневскую пору.

Книга вызвала панику у тех, кто по долгу службы получил ее в Москве и прочел. «Русских» Смита загнали на самые секретные полки спецхрана и провозгласили сочинением вреднейшим. Тем временем книга вышла за нашей непроницаемой границей и по-русски, умножив количество томиков на секретнейшей полке советского спецхрана. Мы много говорили со Смитом именно об этом; о том, как при столкновении с реальностью, с искренними оценками Система разбивает зеркала, а не пробует что-то в себе улучшить. Безнадежная Система...

Хоть бы это скорее прошло. Америка легче уходит из своих ненависти и зажатости, чем наше общество. В ней куда больше открытости и куда меньше усталости. Сегодня вспоминаю, с каким ужасом в начале восьмидесятых годов я вглядывался в искаженное ненавистью лицо этой великой страны. Но Штаты переболели, перестрадали, выздоровели. Мы же все еще больны. Несколько лет назад я переиздал свою книгу о той Америке, как Смит переиздал свою книгу о том Советском Союзе, — как историко-болезни. Они уходят от проклятого лица ненависти увереннее, чем мы, потому что их система в меньшей степени зиждется на ненависти, чем наша. Надо вдумчиво и с опаской оглядываться на те проклятые годы, из которых на полках советского спецхрана и американских библиотек остались книги-предупреждения, будто письма из ада.

... Я шел из Кремлевского Дворца съездов мимо Непогребенного и его гранитных Соратников, вспоминая, как меня только что едва не уничтожили за одну лишь попытку отдать под следствие четырех партийных чиновников. Во всем мире открыто, с трансляциями по телевидению, обсуждают сегодня деятельность президентов и министров, партий и парламентариев, становясь от этого лишь сильнее. А нам все еще не дают сделать решающий шаг.

Я вспоминал каменные лица у Кремлевской стены и окаменевшие лица во Дворце съездов. Так просто эта публика не сдастся.

ЗАГАДОЧНАЯ СВЕТЛАНА

Статья Питера ВЕЙНА, которую мы предлагаем вашему вниманию, была опубликована 5 марта 1972 года в газете «Санди экспресс». Сенсационная для того времени, она и сегодня интересна нам: в ней говорится о фактах, до сих пор не известных советскому читателю.

ТАЙНА

Она оглядела свою небольшую квартиру. Скучная, обветшавшая мебель, старенький телевизор и фотография отца в рамке. Здесь она прожила 13 последних лет...

Взяв паспорт и подхватив чемодан, она вышла из квартиры и поспешила вниз по лестнице большого серого дома на Берсневской набережной... В чемодане лежала урна с прахом покойного мужа, с которым она находилась в фактическом браке, а в паспорте — выездная виза.

Вместе с сыном Иосифом она села в такси. В Шереметьево, поцеловав его на прощание, она сказала:

— Веди себя осмотрительно. Я вернусь через месяц.

Иосиф улыбнулся:

— До свидания, матушка!

Расставание прервалось сообщением диктора: «Пассажиры, вылетающих в Дели рейсом Аэрофлота № 535, просит пройти на посадку, выход № 6».

Было это 19 декабря 1966 года. Светлана, дочь Иосифа Виссарионовича Сталина, впервые отправлялась в зарубежную поездку, ставшую впоследствии самой загадочной в жизни отступницы.

Внешне все выглядело так, что на день отъезда она даже и не помышляла покидать страну навсегда. Однако напрашивается вопрос: «Не было ли бегство спланировано заранее?»

Сама Светлана говорила, что она вовсе не собиралась оставаться за границей, имела твердое намерение вернуться вовремя, 17 января 1967 года. Единственным, по ее словам, было желание отъезди и развеять над Гангом прах Баджеша Синкха, ее неофициального мужа, индийского коммуниста, которого она называла «мой принц издадека».

Баджеша Светлана встретила в 1963 году в одной из московских поликлиник, где он лечил астму и больное сердце, а она — простуженное горло. Ничем не примечательная встреча вдохновляет Светлану на «подвиг» — 56-летнему в то время Баджешу предстояло стать ее пятым мужем. Было ей тогда 38 лет, а предшествующие 20 лет жизни были омрачены неудачными романами и разводами.

В 19 лет Светлана влюбляется в киносценариста Алексея Каплера, еврея, и вызывает гнев своего отца, непримиримого антисемита. Каплера обвиняют в антисоветских и контрреволюционных взглядах и без суда и следствия ссылают на десять лет в Сибирь.

Через год Светлана снова влюбляется, и опять в еврея. На этот раз Сталин скрепя сердце разрешает женитьбу, но отказывается знакомиться с Григорием Морозовым, студентом юридического факультета. У Светланы и Григория рождается сын Иосиф, тем не менее в 1947 году брак был расторгнут.

Двумя годами позже Светлана выходит замуж за Юрия Жданова, сына второго по значимости человека в окружении Сталина. Сталин не возражает. От

этого брака, который также заканчивается разводом, появляется дочь Катя.

В 1951 году она выходит замуж за Ивана Сванидзе, сына своего дяди Александра, который, как известно, был расстрелян по приказу Сталина. Через полтора года снова развод.

ХВОРЬ

Встреча с Баджешем, казалось, завершает ее долгие искания.

Однажды она отвечает о нем как о своем «утешении горечи».

Четыре раза она обращается за разрешением выйти замуж за своего хворающего индуса, но Советское правительство всякий раз отказывает: недостойно для дочери Сталина выходить замуж за иностранца! К тому же Баджеш не разведен со своей второй женой... Что ж, Баджеш просто поселяется в квартире Светланы.

Суровые русские зимы сказываются на здоровье Баджеша. Светлана неоднократно пытается добиться разрешения отвести его на родину. Отрицательный ответ всегда однозначен: «Он может ехать, но вам не следует уезжать из страны...»

Баджеш отказывается уезжать без нее, и на рассвете 31 октября 1966 года он умирает в ее присутствии в квартире № 179.

Спустя полтора месяца, в силу какой-то странной причуды бюрократического крючкотворства, власти, которые отказывали Светлане в поездке с Баджешем, когда он был жив, теперь позволяют отвести его прах в Индию.

ПОДОЗРЕНИЕ

Несомненно, какими бы ни были ее истинные намерения, советские власти всегда с подозрением относились к ее выезду за рубеж. Растущее

На Олиной (Питерс) свадьбе. Жених — Макс Эанс. 21 июня 1990 г.

Светлана Аллилуева, 1942 г.

На встрече с советскими и иностранными журналистами. Москва, ноябрь 1984 г.

чувство разочарования в отце не было тайной; среди ее друзей — художники и писатели, чьи протесты против существующего строя становятся известны за пределами страны. Было решено послать со Светланой сопровождающего. В самолете с ней оказывается некто Кассиров, служащий специального отдела МИД, который приставляет «дядек» и «стеток» к советским гражданам, отправляющимся за границу. Кассировой было приказано не сводить глаз со Светланы.

Власти восторжествали бы еще больше, если бы узнали, что несколькими месяцами ранее Светлана переправила на хранение к другу Баджеша в Индию свою рукопись объемом 80 тысяч слов. Скорее всего, она была тайно вывезена из страны индусом, посетившим эту пару в Москве.

Светлана утверждает, что вначале у нее не было намерения публиковать книгу. Это была всего-навсего попытка разобраться в своих мыслях и чувствах. Почему же тогда она все-таки отравила рукопись в Индию? По ее словам, она опасалась, что ее обнаружат и конфискуют. В ней говорилось о смерти, любви и ненависти и кремлевских интригах; о злоупотреблении ее отцом тоталитарной властью; о его злобнейшей паранойе и о смешанном чувстве любви и ужаса к нему. Конечно, Светлана имела все основания опасаться, что рукопись могут обнаружить в ее квартире. Однако было ли ее решение отправить рукопись на хранение в Индию простой мерой безопасности или она уже определила ее коммерческую ценность на случай выезда из СССР навсегда?

ПОТРЯСЕНИЕ

В Дели Светлану и Кассирову поселили в смежных комнатах посольской гостиницы. Кассирова неотступно следовала за Светланой повсюду. Она всякий раз оказывалась рядом за обеденным столом, посещала вместе с ней дом Дайниша Синкха, брата ее мужа и доверенного лица премьер-министра Индиры Ганди. (Позднее Дайниш Синхх станет министром иностранных дел Индии.) Во время обеда Светлана с семьей Трайлоки Кауль, бывшего посла Индии в Москве и впоследствии министра иностранных дел, бдительная «тетка» маячит неподалеку в посольской машине. Без особой спешки Светлана начинает готовиться к поездке в Калаканкар, на родину Баджеша, для совершения похоронного обряда на реке Ганг. На четвертый день пребывания в Индии она получает потрясающее известие от второго секретаря посольства Сурова:

— Пора заняться тем, для чего вы прибыли сюда. Вы должны немедленно приступить к подготовке для поездки в Калаканкар, так как не позднее 4 января вам нужно вернуться в Москву. На этот день уже заказан билет.

Светлана запротестовала:

— Моя виза действительна месяц, и я хотела бы полностью использовать это время здесь.

Новое указание сокращало ее пребывание почти наполовину.

Суров был непреклонен:

— У меня имеются распоряжения на этот счет.

РЕШЕНИЕ

Индийские и американские обозреватели считают, что решение о сокращении срока ее пребывания было принято с подачи Кассировой, заметившей неприятие Светланой регламентированной жизни в посольстве.

23 декабря Светлана отправляется с Кассировой в 430-километровое путешествие на родину Баджеша. Самолетом они летят до Лукноу, а оттуда на машине добораются до тихой, неприглядной деревушки.

Дни в изнуряющей жаре Калаканкара тянулись медленно. В строгом соответствии с индийским религиозным ритуалом прах Баджеша был развеян над Гангом. Постепенно Светлана вытягивается в безмятежную жизнь деревушки.

Под вечер 27 декабря она решает на активные действия. Притворно выказывая Кассировой свою благосклонность, она доверительно просит помочь ей в продлении визы, ссылаясь на то, что было бы нетактично так быстро уезжать из семьи, прожившей такое радужие.

Напомнив Светлане об имеющемся распоряжении вылететь 4 января, Кассирова говорит, что это необходимо согласовать с посольством. Через три дня в Калаканкар приезжает Суров с разрешением о продлении ее визы только на одну неделю — не больше.

Трудно сказать, о чем думала Светлана в этот момент. Возможно, у нее была слабая надежда, что ей могут позволить навсегда остаться в Индии, и она усиленно обдумывала вопрос об обеспечении себя деньгами. Все, что она имела, — это фамилия отца, единственная во всем мире. И вот как раз в это время, как она утверждает, к ней приходит идея опубликовать написанную в 1963 году рукопись.

Она пишет письмо в Париж знакомому писателю и сообщает о своем намерении. Обнадеживающий ответ получен незамедлительно.

Однако Дайниш Синхх и Трайлоки Кауль при обсуждении с ней этой темы проявляют чрезвычайную осторожность. Их явное замешательство и нескрываемая настороженность уверили Светлану: они догадываются о ее замысле остаться на Западе. Несколько днями позже она еще больше убеждается в этом, после того как Синхх даст ей понять, в какой мере русские будут склонны связывать ее поступок с его именем. Извиняющимся тоном он говорит Светлане:

— У меня для вас сообщение. Посольство попросило меня передать, что вам нужно немедленно возвратиться в Москву. Вы едете?

Это было 10 января, за день до пре-

дельно установленного срока возвращения в Союз.

Стало ясно, что в Индии помощи ждать не приходится.

НЕПОВИНОВАНИЕ

Но все же ее предыдущее требование о продлении визы было удовлетворено, почему бы не попробовать еще раз?

Извинившись перед Синххом за, возможно, пренебрежение неудобства, она заявляет, что намерена остаться в Индии до 25 января. Синхху ничего не остается делать, как передать дерзкую просьбу в советское посольство в Дели.

Таким образом, Светлана продолжает довольствоваться приятной жизнью в Калаканкаре. Она усваивает некоторые индийские обычаи — носит сари, приобщается к вегетарианству и отказывается от спиртного. Но в отношениях с советским посольством остается непримиримой. После того как посольство с большим нежеланием продлило ее визу до 25 января, она опешивает Сурова сообщением о намерении остаться в Индии еще на три месяца для посещения тех многочисленных родственников и друзей Баджеша, которых она еще не успела повидать...

Суров и посол Иван Бенедиктов негодовали. Но что они могли сделать? Они опасались, что любая попытка принудить Светлану возвратиться в Дели может получить огласку.

ВЫЖИДАНИЕ

Им оставалось только выжидать. Они знали, что после планируемых ею поездок в Алахабад, Бенарес и Лукноу у нее почти не останется наличных денег. И, когда они иссякнут, ей придется подчиниться приказу.

И вот этот день наступает. 6 марта она возвращается в Дели, обращается в очередной раз за разрешением остаться в Индии и в ответ получает непоколебимое «нет».

Завтрак с послем не осыпал ее. На его вопрос, почему она не ест вегетарианскую пищу, что в Индии на нее произвели большое впечатление местные обычаи и она сделалась вегетарианкой и не употребляет мяса. Бенедиктов резким тоном замечает, что она позорит имя своего отца и ведет себя униженно, усваивая образ жизни «отсталой страны». Будучи в явно подавленном настроении, Светлана говорит, что она готова вылететь в Москву ближайшим рейсом, а сейчас намерена вернуться в гостиницу и отдохнуть.

Уходя, она несколько раз оборачивалась, чтобы узнать, не идет ли кто за ней. Никого. Неужели они настолько поверили ей и отказались от слежки? Была ли это просто чья-то ошибка? Или после обеда они отметили обильными дозами спиртного ее, как им казалось, незамысловатый отъезд в Союз?

ОШИБКА

Как бы там ни было, русские совершили единственную и самую большую ошибку в длительном противоборстве умов с дочерью Сталина.

У ворот посольской гостиницы Светлана останавливается и еще раз оглядывается. Никто за ней не следит. Стараясь не выдать своего волнения, она просит швейцарца-индуса вызвать такси. Она выходит из гостиницы с чемоданом и, садясь в уже ожидающую ее машину, говорит:

— В американское посольство, пожалуйста.

Несколько минутами позже Светлана опешивает служащего американского посольства, назвавшегося дочерью Сталина. Некоторое время уходит на выяснение ее личности, после чего в госдепартамент в Вашингтон отсылается закодированная радиогамма. Это была одна из самых потрясающих по своему воздействию радиогамм, когда-либо получаемых госдепартаментом. США в то время вели осторожные переговоры с СССР по шекотливому вопросу, связанному с войной во Вьетнаме, одновременно пытаясь достичь соглашения о кон-

троле над распространением атомного оружия. Светлана объявилась в самый неподходящий момент.

Как раз в это время, когда после смерти Сталина в отношениях Восток—Запад наматилось потепление, Светлана могла стать последней жертвой своего отца. Впервые, столкнувшись с явным бегством из страны, американцы проявили нерасторопность. «В любое другое время, — сказал мне американский представитель, — мы к ней отнеслись бы более чем благожелательно. У нее не было особых секретов для нас. Она представляла ценность в историческом смысле и могла дать нам возможность изнутри проникнуть в жизнь Кремля времен Сталина. Но это не стоило того, чтобы огорчать русских на таком трудном этапе вехушихся переговоров. Она чертовски озадачила нас в то время».

Светлана действительно настолько поставила всех в затруднительное положение, что в ту же ночь американское посольство в Индии получило сообщение из Вашингтона об отказе ей в политическом убежище. Ей предлагалось незамедлительно вылететь в Рим и подождать там, пока не будет найдено для нее убежище в какой-то другой стране.

Ранним утром во вторник 8 марта — предельный срок ее возвращения в Москву — в сопровождении Роберта Рейли, второго секретаря посольства, Светлана вступила на борт самолета для вылета рейсом № 751 в Рим.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Утром 10 марта ее решение становится известным всему миру. Новость выплывает крупными заголовками на страницах газет: «ДОЧЬ СТАЛИНА БЕЖИТ НА ЗАПАД!».

11 марта американцы отправляют Светлану из Рима в Женеву. В Женеве собравшиеся в ее ожидании журналисты заметили, как она промелькнула вдали, садясь в машину с тремя швейцарскими полицейскими.

После этого Светлана исчезает из вида на шесть недель, в течение которых американцы пытаются что-то сделать для нее.

Большую часть этого времени она проводит в монастырских кельях Швейцарии. Женщина, которая совсем недавно следовала индусским верованиям, принимает обряд римской католической церкви и вновь приобщается к вину за обедом.

Дипломатическая кутерьма не прекращается. Швейцария предоставляет ей право на жительство в течение трех месяцев в качестве гостя страны с возможным продлением этого срока по ее желанию, а американцы между тем пытаются решить вопрос о политическом убежище.

Американцы осторожно зондируют почву других западных стран для ее пристрастия. Никто не соглашается. Наконец в Вашингтоне решают, что острота ситуации уже спала и можно решить вопрос о предоставлении Светлане политического убежища в США. Однако сначала правительству США необходимо убедиться, что Светлана сознательно идет на это и понимает те проблемы, с которыми ей, возможно, придется столкнуться в Америке.

Утром 24 марта профессор Джордж Кеннан, бывший американский посол в Москве, прибывает в монастырь, где находится Светлана. Он проводит с ней целый день и вечером отправляет в Вашингтон сообщение, что дочь Сталина решительно настроена остаться на Западе.

Три недели спустя Светлана получает известие, которое замуровывает дверь в ее прошлую жизнь. «Политическое убежище предоставлено. Добро пожаловать... вылетайте в США 21 апреля».

В ту же пятницу в три часа дня она приземляется в аэропорту Джона Кеннеди... Капитанового оттенка волосы, строго очерченная фигура, приветливо улыбающаяся женщина 42 лет — это она, с беззаботным видом обращающаяся к ожидающим ее в аэропорту представителям прессы.

Привет всем! Рада оказаться здесь. Но почему же она покинула свою Родину?

— Для меня не существует ни коммунизма, ни капитализма. Есть просто хорошие или плохие люди, честные или

бессовестные, и, где бы они ни жили, они везде одинаковы. С одними и теми же желаниями и моралью. Я поверила в бога и потеряла веру в коммунистические догмы. Я надеюсь найти в Америке свободу самовыражения...

Первым образчиком такой свободы явилась тщательно запрятанная в чемодане рукопись. Через пять месяцев она будет опубликована под названием «Двадцать писем к другу».

Не обращая внимания на яростные нападки по поводу ее бегства в советской прессе, которая представляла ее как больную женщину, страдающую нервными расстройствами, сопровождающимися припадками истерии, Светлана осталась жить в Америке под фамилией своей матери — Аллилуевой.

В середине 1969 года из полученного гонорара за книгу Светлана покупает за 24 тысячи долларов (заплатив сразу наличными) белый дом типа «ранчо» в тихом университетском городке Принстоне.

По сравнению с оставленной в Москве квартирой это был просто дворец: стиральная машина, морозильная установка, тостер, цветной телевизор, гараж, шикарная машина последней марки. О таких прелестях жизни русский человек среднего достатка не мог даже мечтать. Американцы не ожидали, что Светлана так легко воспримет перемену в своей жизни.

В этом доме Светлана пишет свою вторую книгу «Только один год», которая как бы подытоживает ее искания в погоне за свободой и счастьем. Книга была опубликована в октябре 1969 года.

Как сообщалось, ее опусы принесли ей полмиллиона долларов, но считают, что в действительности цифра приближается к 200 тысячам. Но она говорит, что деньги не имеют для нее никакого значения: «Деньги на дом, машину и собаку — это все, что мне нужно».

Но будущее уготовило Светлане нечто гораздо большее — еще один роман...

В апреле 1970 года он встречается с человеком, ставшим шестым в ее жизни.

Двадцать дней спустя они поженились.

Ее новым мужем стал Уильям Уэстли Питерс, в ту пору 57-летний вице-президент компании «Фрэнк Ллойд Райт Фаундейшн». Ранее господин Питерс был женат на дочери Фрэнка Ллойда, которую также звали Светлана и которая погибла в автомобильной катастрофе в 1946 году.

На четвертой по счету свадьбе дочь Сталина с нескрываемой радостью высказывается о Питерсе как о человеке, которому она «подарила всю оставшуюся жизнь». Супруги, казалось, были идеально счастливы. В мае 1971 года у Светланы родилась дочь Ольга. Несколько недель спустя она напишет мне: «Я хочу иметь личную жизнь и испытывать всю робость и переживания пусть немного запоздалого материнства. Я очень счастлива с моей дочуркой и мужем, и я не сожалею о том, что осталось позади».

И вот теперь уже шестое увлечение и четвертое замужество Светланы разбивается в пух и прах.

Она расстается с мужем и переезжает с ребенком в город Феникс в пустынном штате Аризона, где покупает себе дом за 20 тысяч долларов.

Что же случилось в этот раз?

Разрыв, конечно, произошел не по материальным соображениям. Эта женитьба обеспечила Светлану такими материальными благами, которые она никогда не получала от своих прежних связей.

Судя по всему, в богатой и свободной стране ею овладела какая-то странная подавленность под воздействием явлений, так удивительно напоминающих ее жизнь в Союзе. Дом Питерса в Висконсине был большой и роскошный. Но рядом с ним находился комплекс других домов и студий, где обучались 30 учеников архитекторов. Ничто извне, казалось, не нарушало частную жизнь дома Питерса, если бы не эти студенты... «Жизнь со всеми этими людьми рядом подобна проживанию в коммуналке», — говорила Светлана, — я верю в частную собственность, поэтому я и уехала из России».

Пожоже, что дочь Сталина все еще пытается найти свое счастье и пребывает в исканиях.

Андрей ТКАЧЕНКО, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сексологического ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского: *Предугадать реакцию на эту статью не представляет труда. Возможны упреки в смаковании самых жестоких подробностей, в пропаганде насилия. Не лучше ли, как это бывало прежде, оставлять подобные случаи профессионалам и не волновать обывателя кровавыми описаниями? Уверен, что нет.*

Читателям газеты не составит труда сравнить эту исповедь с недавно опубликованной в «Совершенно секретно» исповедью врача — маньяка, который убивал детей, удовлетворяя свои сексуальные влечения. Этим извергом невозможно оправдать, но также невозможно и просто отмахнуться от них: любой из нас мог оказаться следующей жертвой.

Есть и другая сторона проблемы. Непривычные, а порой и опас-

ные влечения кроются в любом человеке. В нормальных обстоятельствах они скрыты глубоко на дне нашей психики. Но взаимодействие разных по значимости факторов — от чисто биологических до ошибок в воспитании — и способно нарушить механизмы психологической защиты. И тогда наступит кошмар...

Нам надо открыто говорить об этом, обязательно создавать по примеру цивилизованных стран специализированные центры по изучению и коррекции патологий. Иначе Кулик будет снимать Слишко, тот — Сударушкина и так до бесконечности. И когда сейчас мы отправляем очередного убийцу на смерть, единственным достоянием человека чувством может быть скорбное понимание неизбежности возмездия. Торжествующий же крик удовлетворенной мести не что иное, как пробуждение дремлющего Джона ХЕЙГА, исповедь которого мы предлагаем вам прочитать.

Завтра меня повесят. Я пересеку, в первый и последний раз, порог одной из двух дверей моей камеры, которую я никогда не видел открытой. Через вторую входят охранники. Но я знаю, что через ту дверь, всегда закрытую, выводят человека на казнь. Это порог вечности.

Я вошел в эту дверь без страха и раскаяния. Люди приговорили меня к смерти, потому что я внул им страх. Я был угрозой для их презренного общества, для их порядка. Но я выше их, моя жизнь протекает в другом измерении, и все, что я сделал — то, что называют преступлениями, — я сделал, руководимый высшей силой. И поэтому мне безразлично, называют меня негодяем или безумцем, мне безразличны толпы глупых женщин, которые давятся, чтобы меня увидеть. Охранник мне сказал, что на мое имя приходит много писем от представительниц этого легкомысленного пола. Я спрашиваю себя, есть ли на земле человек, который смог бы меня понять. Иногда я сам с трудом понимаю себя и, описывая свои переживания, не надеюсь, что найдется читатель, который сможет взглянуть на происшедшее моими глазами.

Первым человеком, которого я убил, был Уильям Дональд Мак Сван. Позже я убил его отца и мать. В том, как я познакомился со Сваном, нет никакой тайны. Он был владельцем игорного зала в Тутинге. Шел 1936 год. Я только что вышел из тюрьмы, где отбывал наказание за мошенничество. Это было мое первое заключение. Я прочел в газете объявление, что Сван ищет управляющего. Я жил в то время в Уэйфилде (Йоркшир), послал ему телеграмму, и он принял меня на работу. Проработав у Свана год, я ушел. Благодаря некоторым хитрым трюкам я мог зарабатывать деньги гораздо более легким способом. К несчастью, меня разоблачили, последовала целая череда заключений, и я пробыл в тюрьме до сентября 1943 года.

Выйдя из тюрьмы, я возобновил отношения со Сваном. За это время он неплохо преуспел в делах. Однажды осенним вечером 1944 года я встретил Свана в Кенсингтоне, в кафе. У него были неприятности. Он боялся, что его мобилизуют, и сообщил мне о своем намерении скрыться, чтобы избежать призыва. С тех пор я часто его видел, даже бывал у его родителей. Как-то вечером я пригласил его посетить мою квартиру и мастерскую, находившуюся в подвальном помещении дома № 79 по Глочестер-роуд. Молодой Сван принял приглашение. И вошел вместе со мной в квартиру...

Я не могу объяснить, что я тогда сделал с ним, не рассказав о предшествующих событиях, восходящих к моему детству. Следует также упомянуть о моих сновидениях.

Я родился 24 июля 1909 года в Стамфорде, в графстве Линкольншир. Мои родители были бедны. Отцу было 38 лет, матери 40. Отец был электриком, но в то время у него не было работы. Им не на что было даже купить пеленки для будущего ребенка. Моя мать убеждена, что месяцы страданий и забот, предшествовавшие моему рождению, являются причиной того, что она называет моей душевной болезнью.

Мои родители были очень набожны. Я вырос в нечеловеческой атмосфере, хуже, чем в монастыре, не зная никаких радостей.

Из-за странной жизни, которую я вел, сверстники не любили меня. Однако я всегда был готов помочь ближнему. Обожаю животных и часто отдавал свой обед бродячим собакам. Кроликов и птиц я тоже любил.

В возрасте восемнадцати лет, испытывая непреодолимое желание выразить религиозный мистицизм, переполнявший все мое существо, я отправил в один журнал статью о «падении человека», и она была напечатана.

Я верил в свою великую миссию и начал проповедовать среди членов общины. Выступив в первый раз, я обнаружил в себе чудесный дар — дар слова. Толпа верующих слушала меня с трепетом, по лицам катились слезы. Родители были очень горды мной.

И всего несколько лет спустя я, молодой поборник чистоты нравов, оказываюсь в Лидской тюрьме за подлог.

Когда я освободился, шла война. Ужас обрушившихся на Англию бомбардировок разрушил мою веру. Я перестал верить в Бога, а только в Высшую Силу, которая подталкивает нас к действию и загадочным образом управляет нашей судьбой, не заботясь о добре и зле. Я расскажу, как она заставляла меня уничтожать людей, посылая мне чудовищные сны, которые пробуждали во мне жажду крови.

Первый сон, который я отчетливо запомнил, относится к тому времени, когда я пел в хоре Уэйфилдского собора. Вечером, в постели, закрыв глаза, я видел Христа, распятого на кресте. В церкви у меня перед

глазами все время было распятие, и, лежа в постели, я вновь видел голову Христа в терновом венце и все его тело, по которому текла кровь из ран. Меня охватывал ужас.

В своих снах я часто видел кровь. Эти сновидения играли страшную и чарующую роль в моем существовании. Однако я пока еще не знал вкуса крови. Вскоре мне представился случай ее попробовать, и я уже не мог забыть этого ощущения.

Мне было лет десять. Я поранил руку металлической щеткой для волос. Лизнул кровь, и это перевернуло все мое существо. Эта тягучая жидкость, теплая и соленая, которую я слизывал с кожи, была сама жизнь. Это было откровение, не покидавшее меня все последующие годы.

Потом я стал специально резать палец или руку и принимать губами с свежей ранке, чтобы вновь ощутить этот несравненный вкус.

Таким образом, случай заставил меня вернуться, через века цивилизации, обратно к тем языческим временам, когда силы пополнялись человеческой кровью. Я обнаружил, что принадлежу к расе вампиров. Почему я? Не могу этого объяснить. Я только описываю свои ощущения.

Во время Пасхи в 1944 году я как-то ехал на машине в Сассексе. Проезжая через Три моста, я слишком поздно заметил выезжающий на дорогу грузовик. Последовал страшный удар, и моя машина перевернулась. Сознание я не потерял, но на голове у меня была страшная рана. Мне удалось выбраться из машины. Кровь стекала по лицу и попадала в рот. Вкус ее окончательно меня пробудил. В эту ночь мне приснился ужасающий сон.

Я видел лес, состоящий из распятий, которые постепенно превращались в деревья. Сначала я решил, что с веток стекает роса или капли дождя. Но, подойдя ближе, понял, что это кровь. Она сочилась из стволов, красные капли стекали с веток. Мне показалось, что я слабее, теряю все силы. И тут я увидел человека, который перешел от дерева к дереву и собирал кровь. Когда кубок наполнялся, он подползал ко мне. «Выпей» — сказал он. Но я не мог пошевелиться. Сновидение исчезло. Однако я все еще чувствовал слабость и всем своим существом тянулся к кубку.

Я проснулся в полуобморочном состоянии. Перед глазами все время была рука, протягивающая кубок, который я не мог достать, и эта страшная жажда, которую не знает никто из людей, поселилась во мне навсегда.

Теперь вы понимаете, что случилось с молодым Сваном, оказавшимся в тот осенний вечер в моей квартире. Я оглушил его ножкой от стола или обрезком трубы, точно не помню. Потом перерезал ему горло ножом и напился прямо из раны, испытывая невероятное наслаждение.

Когда я поднимался, вид мертвого тела испугал меня. Угрызения совести я не испытывал. Думал только, как мне от него избавиться. Потом спал.

В эту ночь я опять видел во сне лес и кубок. Но на этот раз я схватил его и испытал такое же наслаждение от выпитой крови, как и наяву. Я проснулся и стал размышлять о совершенном мной поступке. Я спрашивал себя, как мог до этого дойти.

Понимая, что нужно как-то избавиться от тела, я спустился в подвал. Мне пришел в голову прекрасный способ.

У меня в мастерской было немного серной и соляной кислоты для обработки металлов. Я достаточно хорошо разбирался в химии и знал, что человеческое тело состоит в основном из воды. А серная кислота очень любит воду.

Теперь предстояло объяснить исчезновение молодого человека. Я отправился навестить его родителей и объяснить им, что их сын скрылся, чтобы избежать мобилизации. Написал несколько писем его почерком и отправил их из Шотландии.

Старик поверил письмам и не стал подавать в розыск. Я никогда не боялся разоблачения. Угрызения совести я тоже не знал. Я был ведом высшим существом, которое находилось вне меня и контролировало мои действия.

Через два месяца после Мак Свана я умертвил вторую жертву, на этот раз женщину. Это была брюнетка среднего роста, лет тридцати пяти. Я никогда ее прежде не видел. Мы познакомились на улице, в районе Хаммерсмит. Я подошел к ней на мосту. И тут же понял, что она должна умереть. У меня как раз был цикл снов, и я хотел испытать из кубка. Она согласилась пойти ко мне. Я ударил ее по голове и напился крови.

Старых Мак Сванов я убил в один день. Полиция даже не заметила исчезновения целой семьи, хотя во время войны каждый гражданин находится под посто-

янным контролем из-за продовольственных карточек и всевозможных бумаг, которые от него требуют.

Я не совершил ни одного убийства с целью получить выгоду. Когда я все же ее получал, то воспринимал это как новое доказательство благосклонности высшей силы.

Моей пятой жертвой был неизвестный молодой человек по имени Макс. Но сначала я расскажу о номере 6 и 7, о молодой чете Гендерсонов.

Аричальд Гендерсон был лондонским врачом. У него была молодая очаровательная жена Роза. Они исчезли в феврале 1948 года. Полиция никогда бы не раскрыла эту тайну, если бы я не помог ей, признавшись, что это я убил Гендерсонов.

Я познакомился с ними простейшим способом. Они поместили в газете объявление о продаже дома на Лэдбрук-Скуэр. Я откликнулся на него, так как это очень удобный способ входить в контакт с людьми. Я использовал его несколько раз.

Гендерсоны хотели за дом 8750 фунтов. Я ответил, к их большому изумлению: «Это недорого. Если вы согласитесь принять 10 500 фунтов, то это меня устраивает».

Позже я узнал, что Роза Гендерсон сказала своему брату обо мне: «Большого глупца я никогда не видела». На что ее брат ответил: «Когда человек так говорит, нужно его опасаться».

Интуиция его не подвела.

Вскоре я сказал супругам, что не смог набрать необходимую сумму, и о продаже больше не было речи. Но я завязал знакомство с Гендерсонами и стал часто у них бывать. Эти молодые люди меня интересовали и забавляли.

В ту пору они жили в Фулхэме. Мы провели вместе немало вечеров. Я играл им на рояле Брамса, а они часами слушали.

Гендерсоны много говорили о себе, и вскоре я знал о них все. Впоследствии мне это очень пригодилось.

В сорок восьмом году Гендерсоны отправились отдыхать в Брайтон, в отель «Метрополь». Цикл моих снов достиг в ту пору кульминации. Арчи жаловался на мою рассеянность: я не обращал внимания на то, что он говорил. Я уже был весь во власти страшной потребности и снова видел во сне лес распятий, которые превращались в источающие кровь деревья. Я просыпался, охваченный страшным, непереносимым желанием.

Арчи должен был стать моей следующей жертвой.

Под каким-то предлогом я привез его из Брайтона в Кроули, и в мастерской на Леополид-роуд выстрелил ему в голову из его же собственного револьвера, который похитил во время одной из вечеринок в его доме.

Я вернулся в Брайтон и сказал Розе: «Арчи стало плохо у меня. Это не опасно, но он хочет, чтобы вы приехали. Я отвезу вас».

Она последовала за мной без всяких опасений. Как только мы пришли в мастерскую, я убил и ее и напился крови.

Первым я собирался растворить Аричальда, в пятницу после обеда. А в субботу, во второй половине дня, красивое тело Розы Гендерсон, составлявшее при жизни все ее очарование, растворилось в кислоте, как восковая кукла на огне. Форма и цвет медленно исчезали, превращаясь в огромный кусок сахара, который я мешал длинной палкой. Мешал долго, медленно, спокойно...

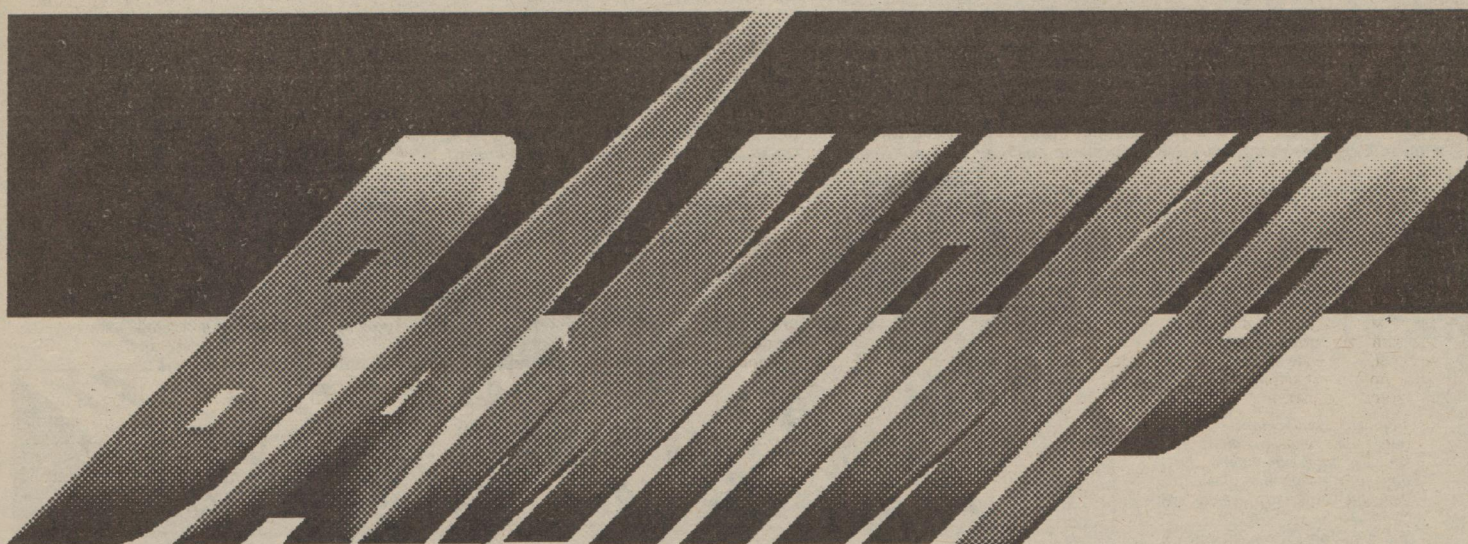
Возвратившись на этот популярный курорт, такой унылый в это время года, я распустился за отель. Забрал Пэт — собаку Гендерсонов и их вещи и вернулся к себе. После смерти Гендерсонов Пэт некоторое время жил у меня, потом он ослеп, и я его поместил в самый лучший приют страны для собак.

Мне нужно было усилить подозрительность тех, кого могло беспокоить исчезновение четы ГЕНДЕРСОНОВ. Я написал в Фулхэм их домовладельцу и брату Розы, в Манчестер, прекрасно подделав почерк и подпись молодой женщины. Даже раздобыл бумагу с грифом отеля «Метрополь». Я объяснил, что по причине некоторых трудностей Гендерсоны решили эмигрировать в Южную Африку и поручили мне заняться их делами.

Они умерли 13 февраля. Семнадцатого мне позвонил брат Розы, Арнольд Бёрлин. До этого он звонил своей сестре домой.

— Что происходит? — спросил он.

— Не волнуйтесь, — ответил я ему. — Я заключил с Аричальдом сделку. Перед отъездом я дал ему 2500 фунтов. Если он не вернет мне их через два месяца, его машина и имущество переходят в мою собственность.

Могу даже показать вам письмо, в котором Арчибалд просит меня уплатить счет за отель в Брайтоне и взять к себе Пэт, ну вы знаете, их собаку.

Недоверчивый Бёрлин отправился в Брайтон. Владелец отеля подтвердил, что я приезжал за собакой и уплатил по счету. Несколько дней спустя Бёрлин явился ко мне вместе с женой. Я был готов к этому визиту и объяснил им, что причиной отъезда Гендерсонов была семейная ссора. Они решили скрыться, чтобы родственники не вмешивались в их отношения.

Я повез Бёрлинов на вокзал в своей машине, так как они торопились на поезд. Вдруг мадам Бёрлин наклонилась и подняла с пола маленькую книжечку. Она воскликнула:

— Да это же записная книжка Розы!

Мне хватило присутствия духа, чтобы сейчас же ответить:

— Смотрите-ка! Наверное, она выпала, когда я перевозил вещи из Брайтона.

Но инцидент оставил некоторый холодок. Прежде чем выйти на перрон, Арнольд Бёрлин сказал мне:

— Если до понедельника моя сестра и ее муж не появятся, я сообщу в полицию.

Мысленно я внес Бёрлина, его жену и сына в список моих ближайших жертв.

Они собирались предупредить полицию в понедельник, а в субботу получили письмо Розы, написанное мной.

Во время процесса Бёрлин вспомнил, что в письме было написано «мамуля», хотя обычно Роза говорила «мамочка». Были также и ошибки, но тогда он не придавал этому значения, зная, в каком состоянии находится сестра.

Должен признать, что я делаю иногда орфографические ошибки. Наполеон тоже их делал. Из-за одной из них я как-то попался на подделке, забыв написать одно «д» в слове «Гиллфорд».

Через некоторое время Бёрлин позвонил мне, чтобы узнать, нет ли новостей от его родственников. Несколько дней спустя я послал ему открытку, подписанную Розой. Он хотел нанять частного детектива, но я посоветовал ему быть осторожным, так как, возможно, у Гендерсонов были неприятности такого рода, о которых полиция лучше не знает.

Чтобы покончить с этой историей, я решил сыграть большую игру. Я написал Бёрлину письмо от имени Розы на пятнадцать страниц. Я так хорошо знал подробности жизни Гендерсонов и так прекрасно имитировал стиль и почерк мадам Гендерсон, что впоследствии полицейские и эксперты Скотленд-Ярда признали это письмо шедевром подделки. Я испытываю от этого такую же гордость, как Рембрандт от своего лучшего полотна. Для меня подделка — это искусство. Мое призвание фальсификатора проявилось еще в детстве: в школе я поддельно подписывал учителей.

Этим письмом на пятнадцать страниц мне удалось убедить Бёрлина, что Гендерсоны решили перебраться в Южную Африку. В письме говорилось, что они оставили мне все свое имущество в обмен на одолженную сумму, и сообщали свой новый адрес: «До востребования. Дурбан. Южно-Африканская Республика».

Арнольд Бёрлин приехал в Лондон, чтобы ликвидировать дела сестры. Я любезно его встретил и сказал:

— Роза поступила некрасиво, не попрощавшись со своей старой матушкой.

Вскоре из-за этой старой женщины возникли серьезные осложнения. В феврале 1949 года она тяжело заболела. Бёрлин послал Розе телеграмму, которая осталась без ответа. Он позвонил мне и сказал:

— Я обеспокоен. В следующий приезд в Лондон я пойду в Скотленд-Ярд.

— Хорошо, — ответил я, — но зайдите сначала повидать меня.

— Непременно, — ответил он.

Я не мог сдержать улыбку на другом конце провода.

— Я хотел бы, чтобы вы пошли со мной, так как у вас находятся все документы по делу.

— Конечно, — согласился я. — Скажите, привезете ли вы вашу жену и сына? Я был бы рад повидать их.

— Обещаю вам это.

— Договорились, я все приготовлю для встречи, — сказал я в заключение.

— Вы очень любезны, — ответил этот простофиля.

Три или четыре дня спустя старая мадам Бёрлин умерла, что задержало поездку молодых Бёрлинов в Лондон. На следующий день после ее смерти Арнольд, читая газету, пробежал заметку из раздела происшествий, сообщающую об исчезновении одной богатой леди, миссис Дюран-Дикон. Мысли его были заняты недавним горем и семейными заботами, и читал он поэтому рассеянно, однако последний абзац статьи заставил его подскокнуть. В газете сообщалось:

«В день своего исчезновения миссис Дюран-Дикон встречалась в большом универсальном магазине с неким Джоном Хэйгом, который явился в полицию, дал подробные показания и предложил свою помощь в розысках».

Арнольд Бёрлин чуть не упал в обморок. Он сразу понял все: исчезновение своих родственников и то, что случилось бы с ним самим, его женой и ребенком, यदि он ко мне. У него еле хватило сил дотянуться до телефона и набрать три девятки, чтобы вызвать полицию. Я был обречен.

В то время, как я улаживал дела с Бёрлином, произошла история с Мэри, моей жертвой № 8.

Мы познакомились в Истбурне. Не знаю, привезла она туда отдыхать или работать. Во всяком случае, жила она не там. Я знаю только ее имя — Мэри. Мы долго болтали, потом я пригласил ее поужинать в Гастингсе. Мы зашли в кафе на берегу моря. Был конец лета или начало осени — последние хорошие деньки. Перед закатом солнце на мгновение окрасило море в кровь. Я вздрогнул. Посмотрел на Мэри, а она глупо заметила: «Как красиво, правда? Похоже на цветную открытку».

Я не разделял ее вульгарных впечатлений, но почувствовал, что меня охватывает мое священное желание. Я без труда завлек Мэри в Кроули. Мы вошли в мастерскую на Леопольд-роуд. Я тут же схватил какой-то инструмент и со всей силы ударил ее по голове.

Ночью мне приснился благодатный сон, который я всегда вижу после убийства. Видение протянуло мне кубок с кровью, и я выпил его медленными глотками.

Вот я и дошел до девятого человека, которого лишил жизни. Мне хочется употребить именно это выражение. Я не люблю называть это убийством, потому что это слово рождает ощущение жестокости и страдания. Лишение жизни, наоборот, есть неизбежный результат проявления воли могущественного Духа, который руководил мною и приказывал брать кровь мужчин и женщин. Человек — всего лишь пешка в руках Высшего Существа.

Та же внешняя сила решила, что теперь пришел мой черед умереть, и я покоряюсь ее божественному решению. К тому же я устал. Мои глаза переутомились: я слишком много читал и писал, и я стремлюсь поскорее закончить эти мемуары. Чтобы продолжить работу, я вынужден надеть очки в золотой оправе, принадлежавшие доктору Гендерсону, моей шестой жертве.

Но пора рассказать о миссис Оливии Дюран-Дикон, последней моей жертве на земле, из которой мне суждено было выпить стакан крови. Когда я с ней познакомился, это была женщина «на склоне жизни» — выражение, которое употребил генеральный прокурор

на процессе. Нужно признать, что с ней я проявил небрежность — купил кислоту под своим именем; не полностью сжег сумку, и полицейские нашли ее остатки; не растворил тело до конца, и сохранившихся останков было достаточно, чтобы обвинить меня в убийстве. Но я настолько чувствовал себя защищенным Высшей Силой, что забыл принять элементарные меры предосторожности.

Миссис Дюран-Дикон жила в Кенсингтоне, в том же семейном пансионе, что и я. Там я с ней познакомился. Я понравился этой пожилой даме рассуждениями о музыке, искусстве и литературе. Мы также беседовали с ней на философские и религиозные темы. Благодаря этому я завоевал расположение миссис Дюран-Дикон, которая видела во мне, несмотря на мои сорок лет, «в высшей степени добропорядочного молодого человека».

На процессе публика узнала, по какому смехотворному поводу она зашла ко мне. Старая дама страдала от того, что у нее не было ногтей, и я сказал, что, может быть, смогу ей сделать пластмассовые ногти в своей мастерской.

Таким образом, 18 февраля 1948 года она отправилась в свое последнее путешествие.

Вскоре полицейские, проводившие расследование по поводу исчезновения миссис Дюран-Дикон, обнаружили у меня следы ее пребывания и остатки вещей. Моя судьба была предопределена.

У меня есть маленькое тщеславное желание, которое, думаю, можно простить человеку, который скоро умрет: я хотел бы, чтобы костом, который был на мне во время процесса, был передан в Музей восковых фигур мадам Тюссо, с тем чтобы в него одели мое изображение. Пусть отдадут также мои зеленые носки и красный галстук в зеленую клетку. Надеюсь, мой восковой портрет будет похож на меня. Я хочу, чтобы служитель музея следил за тем, чтобы у меня на брюках всегда была безупречная стрелка. Я потолстел в тюрьме, это неприятно. Надеюсь, что восковой фигуре придадут более стройные очертания.

Во время процесса я страшно скучал. У меня было такое ощущение, что я смотрю тот же фильм второй раз. Но меня позабавило, как некоторые свидетели добавили пикантные подробности к моей истории.

Я совсем не кичусь своими похождениями. Судьба доведет надо мной. Я все время думаю об этой строке из Экклезиаста: «Что свершилось, то должно было свершиться».

Я знаю, что всего пятнадцать шагов отделяют дверь моей камеры от эшафота. Это мало, чтобы перейти в вечность. Сегодня идет дождь. Я вижу, как струи хлещут по верхушкам тополей, выглядывающим из-за тюремной стены. Он вселяет в меня желание, которое я некогда ощутил под сенью величественного леса, и, одинокий, я ищу цель, может быть, несуществующую.

Мои девять убийств должны иметь какое-нибудь объяснение вне нашего земного мира, иначе не может быть. Не может быть, чтобы они были абсурдным сном сумасшедшего, полным шума и ярости, как сказал великий Шекспир.

Значит, вечная жизнь существует? Скоро я это узнаю.

А пока прощайте...

Через несколько дней после повешения Джона Хэйга этот документ был одновременно напечатан в «Фрэнс Димаш» во Франции, «Лайф» в США и «Нью Уорлд» в Англии.

«Лондонский вампир», названный так газетами, был повешен в тюрьме Уэйдсворт 10 августа 1949 года. За несколько дней до казни он потребовал проведения генеральной репетиции: хотел удостовериться, что ошибок не будет.

Как он просил в своем завещании, восковой манекен одели в его светло-серый костюм и красный галстук, и он до сих пор находится в Комнате ужасов Музея восковых фигур мадам Тюссо.

Имя Валентина Королева известно сегодня многим. Подполковник запаса КГБ СССР, бывший заместитель начальника отдела борьбы со шпионажем Второй службы (контрразведка) УКГБ СССР по г. Москве и Московской области выступил в печати и на телевидении с серьезной критикой в адрес могущественного ведомства. В сорок лет, на взлете карьеры, он добровольно перешел в разряд пенсионеров. Решение принял в 87-м. Секретами не рождается. Ими становятся. Их делают.

Без них не обходится ни одна уважающая себя спецслужба современного мира. Отдавая себе в этом отчет, мы понимаем и другое: общественность должна располагать правдивой информацией о деятельности сексотов.

Валентин КОРОЛЕВ

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны вдвое худшим вас.

Ев. от Матф., гл. 23, ст. 15

ВЕРБОВЩИКИ И АГЕНТЫ

Прежде чем окунуться в атмосферу, царящую на оперативной ниве КГБ, давайте беспристрастно посмотрим на двух условно изъятых из политического контекста субъектов агентурно-оперативной деятельности — на агента и штатного сотрудника некой спецслужбы.

Агентом правительственной специальной службы должно быть лицо, уполномоченное этой организацией на совершение тех или иных действий в целях реализации интересов конкретного государства.

Штатного сотрудника отличают от агента меньшая степень засекреченности факта принадлежности его к спецслужбе и наличие в связи с этим официального документа (удостоверения личности), подтверждающего его полномочия. Агент такого документа не имеет. Он действует в определенном смысле автономно, зачастую на свой страх и риск, всегда под маской «честного гражданина», во исполнение задания и линии поведения, установленных для него оперативным работником.

Объединяют их специфический (контрразведывательный или разведывательный) характер деятельности и, как правило, присущий обоим авантюризм.

Наиболее существенной и потенциально асоциальной психологической чертой субъекта агентурно-оперативной деятельности является постоянно испытываемое им чувство тайного превосходства над окружением как производное от знания интимных сторон жизни объектов наблюдения и веры во всемогущество спецслужбы, способной огранить свои кадры от любых посягательств на свободу их действий. Чувство элитарности, постоянно укрепляемое под воздействием идеологической обработки и корпоративного воспитания, притупляет стереотипы личностного восприятия и постепенно сводит на нет борьбу мотивов, связанную с осознанием, по крайней мере на первых порах работы, факта непосредственного участия в разрушении таких общечеловеческих ценностей, как нравственная чистота, любовь к ближнему, терпимость к его мыслям и поступкам, честность и т.д.

Идейно-воспитательная обработка сводится к внедрению в сознание сотрудника или агента образа врага народа и государства, а в условиях тоталитаризма — врага идеологии и насаждающей ее политической партии, отождествляющей себя и с народом, и с государством. Таким образом, у субъекта агентурно-оперативной деятельности довольно быстро формируется карательное мышление, накладывающее свой отпечаток также на стереотипы восприятия и поведения. В результате то, что другими членами общества признается безразличным, аморальным, нарушающим элементарные права личности, в стенах зданий и явочных

квартир спецслужб воспринимается как естественное, якобы объективно необходимое и, следовательно, оперативно целесообразное: доносить на ближнего, читать его письма, подслушивать разговоры, красть документы, тайно шарить по карманам и квартирам, стелить под мужчин женщин и покрывать женщин мужчинами, скрытно снимать на пленку половые акты, сажать людей в тюрьмы с помощью агентов-преступников, истязать задержанных и подследственных руками завербованных садистов-внутрикамерников и т.д. и т.п. Все это мотивируется наличием подозрений в причастности объекта оперативного «дела» к преступной деятельности. И не беда, что подавляющее большинство этих «дел» либо уничтожается, либо сдается в архив в связи с неподтверждением первичных компрометирующих материалов. На каждое «дело» должно иметь так называемое агентурное обеспечение. И горе тебе, если ты не сумел это обеспечение организовать. Не можешь подставить помощника из числа имеющихся — вербуй новых из числа ближайших друзей или родственников. Не соглашаются — дави статьей УК о недоносительстве, шантажируй разглашением интимного, отказом в выезде за рубеж, ломкой карьеры. Не действует — подставь агента-валютчика или спекулянта, подбрось наркотики и «сорви» подписку о негласном сотрудничестве на основе компрометирующих материалов. Все можно.

Поиск истины действующим сотрудником и агентом неизбежно наталкивается на подлинно марксистское умозаключение о том, что узаконенные секретными нормативными актами преступные формы и методы агентурно-оперативной деятельности, как и все иные преступления, отомрут лишь с исчезновением экономической основы последних — золота как товарного эквивалента. Это соображение эффективно убавливает совесть. Оно легко укладывается в фундамент профессионально целесообразного мировосприятия субъекта и философски проходит красной линией через толкование чести мундира сотрудника спецслужбы.

Факт диалектического единства противоположного не снимает с человека обязанности разоблачения зла во всех его проявлениях. Но не к кровавой борьбе, а к Великому Противостоянию воспрещающей и жертвенной любви любому злу призвал людей своей жизнью, смертью и воскресением Иисус. Он прощал всех искренне раскаявшихся, в том числе фарисеев и книжников, не отверг показавшегося гонителя христиан Павла, а сделал его одним из двенадцати ближайших своих учеников; не уничтожил предавшего его Иуду Искариота, хотя и мог собственноручно покарать этого по современным понятиям платного осведомителя.

Кстати, слова «осведомитель» в Толковом словаре В. Даля нет. Видимо, Россия середины 19-го столетия его еще не знала. В Советском энциклопедическом словаре издания 1985 года оно тоже отсутствует, но уже по другой причине: осведомительство стало характерной чертой социалистического образа жизни, но ни доносчикам, ни их жертвам знать этого не положено.

Неотъемлемой частью тоталитарного государства является созданная органами политического сыска широкая сеть идейных и платных тайных информаторов, охватывающая все сферы жизнедеятельности населения.

В период сталинщины эти «органы» имели две категории информаторов: агентов и осведомителей. И те и другие при их вербовке давали подписки о «добровольном сотрудничестве». От осведомителей требовалось лишь предоставление информации, в то время как агенты должны были влиять на ход событий на линиях их использования и в рамках конкретных оперативных «дел». Это означало, что агент, в силу своих личных, деловых качеств, служебного или иного положения в своем окружении, был обязан побуждать либо или группу лиц к совершению действий, выгодных органам госбезопасности.

В ходе реорганизации ведомства, вызванной решениями XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, категория осведомителей официально была упразднена как не соответствовавшая духу нового времени. Но место осведомителей тут же заняли так называемые доверенные лица, которые в отличие от своих предшественников подписки о сотрудничестве не дают и представляют оперативникам только устную информацию, на основании которой те по памяти (диктофонами) наша контрразведка не оснащена) составляют соответствующие справки, оставляя за собой право так или иначе интерпретировать полученную от доверенных лиц информацию. Здесь все зависит от порядочности и профессионализма сотрудника. Причем число доверенных лиц, услугами которых пользуется оперативный уполномоченный, зачастую превышает количество находящихся у него на связи агентов.

Требования, предъявляемые к агентуре, остались прежними, но на практике им соответствуют лишь единицы из каждой сотни негласных помощников этой категории. Большинство из них не имеют ни способностей, ни возможностей оказывать действительное влияние ни на объекты «дел», ни на обстановку на линиях оперативной деятельности. Многомиллионный корпус агентов фактически превратился в осведомителей старой формации. Корни этого явления лежат в высшей степени бюрократизации ведомства и в низкой квалификации значительной ча-

сти кадровых сотрудников, что обусловлено преобладанием на руководящих постах бывших партийных и комсомольских функционеров.

До недавнего времени руководство КГБ напрочь отрицало наличие у этого ведомства негласных источников информации. С одной стороны, это было вызвано осознанием порочности самого факта использования доносительства, с другой — пониманием того, что вслед за признанием этого факта придется рано или поздно обнародовать сведения о количестве и направлениях использования информаторов. Публикация достоверных данных свидетельствовала бы о том, что СССР по-прежнему остается государством тотальной слежки и доносительства. Необходимо было время для сокрытия истины. Поскольку теперь официальные лица уже не скрывают факт существования тайных помощников, можно предположить, что кое-какие меры в этом направлении приняты. Как бы там ни было, это не может означать ни того, что усилилась защищенность агентов, ни того, что сократилось их количество. Единственное, на что способно нынешнее руководство, — это спрятать агентуру от наиболее допущенных народных депутатов и от их сторонников в органах КГБ, по сути, ничего не изменяя при этом.

Ленинградский генерал Курков в своем интервью, опубликованном в «Рабочей трибуне» 24 марта 1990 года, отвечая на вопрос о наличии у КГБ вешатных осведомителей, заявил: «Таковых в органах КГБ нет. Наша организация высокопрофессиональна». Далее он справедливо утверждал, что большинство чекистов имеют высшее образование, и более к вопросу о негласных помощниках не возвращался.

По логике генерала, тайных информаторов имеет только та спецслужба, в которой нет профессионалов. Простим ему это «заблуждение», иначе и нам, и ему придется безоговорочно признать, что к решению проблем государственной безопасности во всех странах мира, включая СССР, никто, кроме дилетантов, близко не подпускается. Не будем долго задерживать свое внимание и на том, что уровень чекистского профессионализма генерал измерял дипломами гражданских вузов и справками о прохождении курсов спецподготовки, которая, как известно каждому сотруднику, практически ничего не дает. Впрочем, все мы понимаем, что генерал думал одно, а говорил другое. И не знаем при этом, сколько ночей он не спал после интервью, прикидывая в уме количество читателей, усомнившихся в его откровенности и в уважении к ним. Не знаем, о чем он думал впоследствии, не единожды проводя оперативные совещания «по вопросам укрепления агентурного аппарата управления».

Ни одно претендующее на суверенитет и независимость государство не может существовать без разведки и контрразведки. И до тех пор, пока человечество не создаст инженерных аналогов такого феномена, как ясновидение, ни разведка, ни контрразведка не смогут эффективно решать свои задачи без помощи агентов. Но деятельность последней должна быть законодательно строго ограничена рамками только разведывательных и контрразведывательных задач. Необходимо конституционно запретить политический сыск и установить уголовную ответственность сотрудников любых спецслужб за использование негласных источников информации для решения

любого вида, что не замечают этого, поскольку планы вербовок зачастую не выполняются даже на 50 процентов по причине искусственного их завышения при утверждении на всех уровнях служебной иерархии. По сути дела, вербовочный процесс в органах контрразведки представляет собой организованную систему всеобщего очковитирательства.

Начинающие, а также нерадивые оперативные работники имеют на связи до пяти агентов, остальные — до тридцати и более. Со многими из них они встречаются всего лишь раз в полгода, а то и реже, резонно мотивируя это отсутствием времени и оперативной необходимости, но регулярно вер-

не все конституционные права: перлюстрируется корреспонденция объекта «дела», прослушиваются его телефоны, квартира, служебный кабинет, в принадлежащих ему помещениях проводятся негласные обыски. Из числа родственников, друзей, коллег, соседей приобретаются агенты и доверенные лица. В целях повышения эффективности оперативного наблюдения объект и принадлежащие ему вещи могут обрабатываться химическими и даже радиоактивными веществами, что делается не всегда, но довольно-таки часто. По этому поводу неоднократно выражали протесты аккредитованные в СССР иностранные дипломаты. «А Вася слушает да ест», — писал в известной басне дедушка Крылов, скончавшийся явно не от болезни, спровоцированной радиоактивным облучением. Именно по причине использования органами КГБ радиоактивных изотопов в стране не производились бытовые дозиметры, вследствие чего партийно-государственному руководству удалось в течение четырех лет скрывать от населения действительные масштабы черной катастрофы и до сих пор удается утаивать уровни радиоактивного заражения потребляемых населением продуктов и лекарственных трав¹.

Бывают случаи, когда на основании высосанных из чистки палыев агентурных сообщений возникают самые фантастические «дела», единственной целью которых является укрепление лжеавторитета породивших их оперативных подразделений в глазах вышестоящего руководства.

Надо сказать, что в искусстве заведения липовых «дел» превзойти особые отделы КГБ по воинским частям не может никто. Воинская присяга, множество уставов, дисциплина, комсомольские и партийные билеты в карманах военнослужащих создают идеальные условия для их вербовок повсюду и поротно, и лишь требования конспирации как-то сдерживают этот порыв.

Стоит новобранцу в присутствии агента поинтересоваться, какой части принадлежит торчащая невдалеке от его казармы антенна радиолокационной станции и на чем основан принцип действия этой штуки, как на него будет заведен первичный материал по шпионажу, который вскоре превратится в оперативное «дело». Поскольку срок ведения «дела» превышает срок службы солдата, после его демобилизации материалы пересылаются в УКГБ по месту его жительства, чтобы там с этим «шпионом» разобрались до конца. Таким образом особые отделы полируют и перевыполняют планы по количеству имеющихся в производстве «дел», не неся никакой ответственности ни за конечный результат, ни за многочисленные нарушения прав людей, не имеющих никакого отношения к совершенно особому опасным государственным преступлениям. Молодые люди и не подозревают, какие огромные силы и средства тратят на многолетнюю слежку за ними подразделения военной контрразведки и территориальных органов КГБ в силу плановости их работы и принадлежности к одному ведомству.

Территориальные контрразведчики не имеют права сразу прекратить и уничтожить по акту такие «дела» и разбираются с ними порой годами, хотя «липа» цветет и пахнет уже на обложке первого тома, где рукой военного контрразведчика четко, как и положено в армии, выведено, например, такое: «Дело оперативной разработки № 1234 «Хамелеон» с окраской «шпионаж в

пользу США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Голландии и Новой Гвинеи». Ничего, кроме Новой Гвинеи, я здесь не выдумал. Среди многих «дел», отфутболенных в райотделы города нашей 2-й службой Московского управления КГБ, было и такое, объект которого в детстве жил неподалеку от дома, принадлежавшего Управлению делами дипломатического корпуса МИД СССР, и волею судьбы с детства иностранцев, от которых ему порой перепали авторучки, жвачка и мелкое барахло.

Не отстают от особистов и некоторые территориальные контрразведчики. Один из бывших начальников Московского УКГБ лично возглавлял работу по делу с окраской «шпионаж» на крупного ученого и писателя, разрабатывая его в течение многих лет жизни и восемь лет после кончины объекта. «Дело» формально числилось за одним из московских райотделов. Оперативники, за которыми оно официально закреплялось, менялись ежегодно, получая повышения по службе, дабы не дать им поводов для полного разочарования в авторитете высокого руководителя и чтобы просто заткнуть им рты. «Дело» было явно бесосновательным. По окончании многолетней заведомо безрезультатной работы и после сдачи «дела» в архив руководитель райаппарата, за которым оно числилось, получил орден Октябрьской Революции, а затем был переведен с повышением в центральный аппарат КГБ.

Подавляющее большинство бесперспективных материалов сосредоточено именно в районных и городских отделах, куда они стекаются за ненадобностью со всех этапов ведомственной структурной иерархии. Здесь были бы рады избавиться от них, но вынуждены составлять по ним заумные планы, тратить массу времени и денег налогоплательщиков на проведение различных чекистских мероприятий, чтобы в конце концов уничтожить эту макулатуру по акту и встать за новую. Райотделы крайне редко реализуют «дела», имеющиеся у них в производстве. Как только появляется перспектива реализации, то есть задержания объекта с последующим возбуждением против него уже уголовного дела по конкретной статье Уголовного кодекса, оперативные материалы, как правило, забирает себе соответствующее курирующее подразделение областного УКГБ или центрального аппарата. В лучшем случае «дело» реализуется нижестоящим отделом совместно с курирующим его вышестоящим подразделением. Причины три: низкий уровень квалификации сотрудников и руководителей райаппаратов, практическое отсутствие у них оперативнотехнических средств и стремление вышестоящего руководства получить ордена и медали за эту реализацию.

Бесспорно, классификация «дел оперативного учета», как и все, что изложено в этой статье, известна иностранным спецслужбам от чекистов-пербежчиков и агентов иноразведок из числа сотрудников КГБ². Но я позволю себе лишь условно разделить эти «дела» на две большие группы. К первой можно отнести те, что заводятся в связи с наличием оперативных данных, дающих основания подозревать конкретных лиц в причастности к подготовке или совершению преступлений, борьба с которыми входит в компетенцию органов КГБ. Ко второй — «дела», возбуждаемые только лишь на основании определенных анкетных данных. Если для первой группы «дел» установлены сроки их ведения (впрочем, часто нарушаемые), то для второй таких ограничений практически нет, хотя методология работы по ним идентична. «Дела» второй группы являются порождением идеологии тоталитаризма. По ним уже давно плачут печи (бумагогорельная машина в КГБ — большая редкость).

² КГБ опубликовал как-то следующую информацию (см.: Аргументы и факты. 1990. № 48): «Начиная с 1985 г. КГБ разоблачены 34 особо опасных шпиона». Следует уточнить, что большинство из них — сотрудники центрального аппарата КГБ.

© В. Королев, 1991

тактических задач и достижения стратегических целей любых политических партий и групп. Должна быть установлена уголовная ответственность за использование в оперативной и следственной деятельности форм и методов, нарушающих права человека и подрывающих его здоровье.

Сегодня агентурно-оперативная деятельность органов КГБ удовлетворяет только тем требованиям, которые могут предъявляться к органам политического сыска.

Цели вербовок многих агентов соответствуют направлениям их реального использования лишь на бумаге соответствующих рапортов и отчетов. Далеко не все агенты искренни, дисциплинированы и конспиративны. Однажды выборочной проверкой пятидесяти агентов было установлено, что только двое из них не были расшифрованы перед окружением. Но это был единственный известный мне случай глубокой проверки агентов контрразведки за все годы моей работы в ней, да и то она была проведена в Ленинграде много лет назад. Все оперативные силы и средства были задействованы на объекты оперативных «дел», в основном на диссидентов. Когда стоит задача оперативной проверки сотен тысяч инкогнито и потенциальных шпионов, до проверки миллионов негласных помощников руки не доходят. В то же время руководство всех уровней постоянно требует неуклонного роста количества вербовок.

Если бы в вышеупомянутом интервью генерал Курков в зависимости от квалификации чекистов поставил не сам факт наличия у них агентов, а ее количественный и качественный показатели, он был бы прав, на все сто процентов. Однако надо иметь в виду, что в условиях господства в органах КГБ планового метода ведения «хозяйства», в том числе и в сфере вербовочной деятельности, даже самые квалифицированные сотрудники (а такие там, безусловно, имеются) вынуждены делать то, чего они никогда не допустили бы, если бы решение соответствующих вопросов зависело от них самих.

В погоне за показателями в многочисленных отчетностях и в плане демонстрации личного служебного рвения перед вышестоящим начальством руководство каждого подразделения требует от подчиненных не менее двух, а то и более ежегодных вербовок вне зависимости от числа уже имеющихся у них на связи агентов. Одна вербовка в году делает сотрудника объектом постоянной критики на партийных собраниях и служебных совещаниях. В такой обстановке чекисты вынуждены вербовать, как правило, кого попало, и от всех сил притягивая кандидатов на вербовку за уши к линиям своей оперативной деятельности. Руководители де-

буют новых.

Исключить агента из действующей агентурной сети очень сложно и не выгодно ни оперработнику, ни его начальникам. Каждое такое исключение расценивается как неумение организовать и вести агентурную работу, то есть как проявление профессиональной некомпетентности оперативного и руководящего состава подразделения.

В последнее время определенная часть агентов отказалась от сотрудничества в связи с разоблачениями массовых репрессий прошлых лет, физической и социальной незащищенностью агентов в нынешней обстановке гласности. Приостановление процесса распада агентурного аппарата и создания условий для дальнейшего наращивания темпов вербовочной деятельности — вот некоторые из целей нынешнего бума популяризации органов КГБ их руководителями и наименее принципиальными сотрудниками. Но основной задачей этой кампании является внедрение в общественное сознание представления о чекистах как о единственной реальной силе, способной навести порядок в стране при наличии мощной центральной власти и ужесточении законодательства.

Перенасыщенность КГБ «детьми партбюроаппарата», партийными и комсомольскими функционерами привела к значительной некомпетентности ведомства. По этой причине руководство Комитета и определенная часть аппарата считают, что повышение эффективности их деятельности возможно лишь в результате расширения полномочий «органов», активизации вербовочной и агентурной работы, дальнейшего применения всех известных форм и методов чекистской деятельности, в том числе нарушающих права человека.

Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; Дополняйте же меру отцов ваших.

Ев. от Матф., гл. 23, ст. 31—32

РАЗРАБОТЧИКИ

Одновременно с интенсификацией вербовочной деятельности требуется постоянное наличие в производстве у каждого сотрудника нескольких так называемых дел оперативного учета, иными словами — секретных досье на советских граждан (или на иностранцев — в зависимости от участка работы офицеров). Каждое такое «дело» ведется с санкции оперативного начальника в течение, как правило, нескольких лет без ведома и тем более без какого-либо участия органов прокуратуры. Именно в этот период наиболее активно нарушаются едва ли

ЭКСПРЕСС-
ДЕТЕКТИВДОРОЖНЫЙ
КОДЕКС

Мак МОРРИС

Картер Бетан стоял в кузове грузовика, облокотясь на крышу кабины; ветер хлестал в лицо, яростно трепал длинные черные волосы, концы их кололи ему кожу, как мелкие иголки, кололи до тех пор, пока лоб и щеки не одеревенели и не потеряли чувствительность. Он не замечал боли, так же как не замечал тогда полные сочувствия взгляды людей, которые остановились, чтобы подвести его в город. Он их видел и видел их глаза, но больше до него ничего не доходило.

Это случилось несколько дней назад. Когда приехал шериф, Картер Бетан занимался тем, что рассматривал рукам своей старой гимнастерки пехотинца, той самой, в которой он демобилизовался, — засаленной и побелевшей от времени. Он разглядывал пятна крови на материи, настолько обесцвеченной бесчисленными стирками, что даже желтые сержантские нашивки и те были еле видны. А вот кровь, наоборот, была свежая, темно-красного цвета, и он упорно смотрел на нее, пока безумие не окутывало его мозги.

Он говорил тихо и бессвязно:

— Я работал там... на табачном поле... гляжу, а дочурка пошла к шоссе. Я сперва и внимания не обратил. Она же знала, что ей не разрешают выходить на шоссе. Она всегда слушалась, далеко не убегала. Я сказал Энн, что пойду за ней...

Он посмотрел на свою рубашку.

— Ну вот... я и пошел...

Шериф переминался с ноги на ногу, и при каждом движении его пояс и кобура тихонько поскрипывали.

Он мягко спросил:

— И ты так и не увидел никакой машины, а, Картер?

— Мне холмы шоссе загораживали. Я ничего не видел, шериф, — медленно ответил Картер Бетан. — Я только услышал. Там прошли две автомашины.

Слово «автомашина» прозвучало немного странно, но в армии любое транспортное средство называли автомашиной, независимо от размеров и веса, а Картер Бетан долго прослужил в армии. Гораздо дольше, чем пробыл демобилизованным, жителем штата Теннесси, мужем и отцом.

— Я слышал, как они промчались на полной скорости, одна за другой. Потом вдруг притормозили, вот как раз на этом месте, и опять как рванут!

Пояс шерифа скрипнул еще раз.

— Н-да, мне очень жаль, что так случилось, парень. Но ты же не сможешь узнать ту машину по одному только звуку, к тому же она шла на полной скорости, да еще на таком расстоянии. Любой адвокат мигом опровергнет это обвинение.

Молодой человек теревил свой рукав и ничего не отвечал; молчание легло между ними, тяжелое, как камень.

— Это так, — наконец сказал он, — наверное, так.

— Мы сделаем все, что сможем, парень...

— Я вам буду очень благодарен, шериф. Только вот... теперь она умерла... И ей мы ничем больше не поможем: ни вы, ни я.

— Разве что нам очень повезет, парень.

— Разве что. Мне не очень-то везло в жизни. А вам, шериф?

— Мне очень жаль, что так случилось, парень, — повторил тот. — Но мы сделаем все, что сможем. Конечно, плохо, что у тебя нет свидетелей. И доказательств тоже никаких нет, так что сомнительное это дело. Я даже не знаю, осталась ли хоть малейшая вмятина на машине, ведь девчупка была такая маленькая.

Но Картер больше не слышал шерифа, безумие опять овладело им.

Шериф отвернулся и резко бросил своим людям:

— Поехали к Джилли. Нам опять позвонили, что у них драка. Вот ведь проклятая семейка, как только земля таких носит!

И, повернувшись к Картеру, еще раз повторил:

— Мне очень жаль, парень. Мы постараемся сделать все возможное.

Но молодой человек даже не почувствовал, как шериф похлопал его по плечу.

Из сборника «История, которые моя мама никогда мне не рассказывала». Составитель А. Хичкок.

А сейчас, спустя несколько дней, Картер Бетан ловко балансировал в кузове грузовика, расставив ноги и подлаживаясь под его толчки и зигзаги. Он смотрел на черную ленту шоссе, пожираемую колесами; она то извивалась, то вздымалась, то ныряла вниз, совсем как горная тропа. Снизу, из кабины, до него долетали обрывки разговора — неясные звуки, искаженные тряской и свистом ветра.

За спиной раздался гудок, и Картер Бетан машинально поднял руку, указывая, что дорога впереди грузовика свободна. Таков был неписаный дорожный кодекс, принятый здесь, в горах. Машина уверенно обогнала грузовик. Картер бросил на нее взгляд, и его затуманенный рассудок тем не менее отметил: легковая, с закрытым кузовом, «Шевалье-36».

Он принадлежал к поколению, для которого умение распознавать марки и модели машин было делом чести, своего рода второй натурой. Это умение очень пригодились ему в армии. Да и здесь, в горах, машина была механическим придатком человека, таким же необходимым, как ружье, и так же, как ружье, она могла стать смертоносным оружием.

Облокотившись на кабину, Картер Бетан опять погрузился в тупое оцепенение. Грузовик мотало во все стороны, ветер, хлеставший в лицо, стал еще злее и холоднее. Картер Бетан смотрел прямо перед собой,

Рисунок
Валерия БОЧКОВА

ничего не видя и не чувствуя. Он настолько хорошо знал дорогу, ведущую в город, что даже сквозь горе и ярость, обуревавшие его, воспринимал каждый следующий поворот как дружеский привет.

Но вот он заслышал новый гудок и резко обернулся. «Джип» был ярко-оранжевого цвета, на его лобовом стекле красовалась надпись «Братья Джилли, автосервис». Водитель взглянул на молодого человека и знаком спросил у него, свободна ли впереди дорога. Картер посмотрел вперед; не оборачиваясь, он жестом запретил водителю обогнать грузовик. Встречная машина как молния промчалась мимо них.

«Джип» нетерпеливо вильнул влево, выехав на середину шоссе. Но рука Картера сделала знак вернуться к правой обочине: навстречу опять шла машина.

Грузовик и «джип», висевший у него на хвосте, заложили крутой вираж направо — и вниз, налево — и вверх, опять направо. Выхлопная труба «джипа» глухо зарычала: незабываемый, легко узнаваемый звук торможения машины на спуске. Водитель неотрывно следил за рукой Картера.

Лицо Картера окончательно застыло и одеревенело на ледяном, секущем ветру. Но рассудок его вдруг стал предельно ясным, как никогда. Вдали, на другом конце виража, он увидел точно такой же оранжевый, пулей несущийся «джип». Он впился в него глазами, спокойно и хладнокровно вычислял. Потом обернулся к заднему оранжевому «джипу». Глаза водителя были устремлены на руку Картера, лишь на один миг он отвел их, и два человека пристально взглянули друг на друга, словно загнипнотизированные ветром и бешеной скоростью.

Потом, в тот момент, когда грузовик накренился влево на новом повороте, Картер Бетан передвинулся, чтобы сохранить равновесие, уперся коленом в пол, борясь с натиском ветра, и пригнулся. Он почувствовал, как пол кузова подпрыгнул на подеме, и широко, плавно взмахнул рукой, уверенным движением дав «джипу» знак обогнать. Нетерпеливый водитель всем весом тела вогнал ногу в акселератор, и «джип» рванулся влево. Грохот столкновения двух оранжевых молний на миг заглушил вой ветра.

Грузовик резко затормозил. Картер Бетан и трое, сидевшие в кабине, соскочили наземь и побежали к «джипам», сплюснутым в гармошку. После свиста ветра в кузове тишина показалась Картеру неестественной. Люди сторжача заговорили громко, до крика, потом снизили голос из уважения к происшедшему.

— Оба Джилли... гляди, как вмазались друг в друга!

— Господи, ты только глянь на них! Они всегда сами водили. Не знай я этого, ничем бы не сказал, кто это такие!

Они обошли кругом обе машины, глядя, как замирает вращение заданных к небу колес.

— Я так и знал, что с ними эдакое когда-нибудь стряслется. Вечно гоняли, как сумасшедшие...

Когда колеса остановились, один из попутчиков предложил:

— Ну что, поехали за шерифом? Нам здесь делать нечего. — И добавил: — Теперь и шерифу нечего с ними делать, с этими Джилли. Один бог знает, как они ему осточертели, да и не ему одному. Кого ни спроси, всякий скажет, что таких подонков свет не видел.

Он повернулся к Картеру и сорванным голосом человека, пережившего потрясение, сказал:

— Как там сзади-то, парень? Я про тебя, признаться, и забыл.

Картер кивнул и сказал — очень тихо:

— Я собирался доехать до заправочной станции с одним из них, чтобы не ехать в город. Я недавно слышал, как мимо проехал «джип», и подумал, что ему самое время вернуться назад.

— Ну, это ты мог бы прождать долго!

— Нет, — ответил Картер, забираясь в кузов, — я все равно не стал бы ждать их долго — ни того, ни другого.

Но его не расслышали. Один из попутчиков, еще не оправившись от волнения, воскликнул:

— А странно, как подумаешь! На этой дороге только два таких «джипа» и ходило.

Люди сели в кабину, и грузовик тронулся. Опершись о кабину, Картер Бетан подумал, что теперь ему, собственно, незачем ехать в город. Конечно, ему хватало бы и тех двух пуль, которыми был заряжен револьвер, спрятанный у него под рубашкой. Но на всякий случай надо было купить еще одну обойму. А теперь револьвер ему уже не понадобится.

За его спиной раздался гудок, и рука Картера Бетана вскинулась в предостерегающем жесте. Машина приближалась к новому виражу.

Случай, заставивший срочно встретиться с академиком-педиатром, заведующим кафедрой детских болезней 2-го Московского медицинского института им. П. И. Пирогова Вячеславом Таболиным, произошел всего несколько недель назад. В столичный 10-й роддом поступила совершенно здоровая женщина — ни с того ни с сего у нее вдруг начались преждевременные роды. Врачи сделали все, чтобы спасти и мать, и ее младенца. Но недоношенный ребенок вскоре пожелтел — у него оказалась поражена печень. Консилиум врачей установил — точно и вовремя — страшный диагноз: цитомегалия. Наша детская медицина, об успехах и достижениях которой нам так долго внушали, оказалась бессильна перед этой болезнью — ребенок умер. Почему? Попробуем разобраться.

Кор. Вячеслав Александрович, из неафишируемых медицинских источников знаю, что причина смерти одной трети всех недоношенных младенцев — именно эта болезнь: цитомегалия. Это что — еще одна разновидность СПИДа на наши и без того несчастные головы?

В.Т. А что такое СПИД? СПИД — это очень мелкий вирус типа герпеса — лихорадки, которая у многих часто неожиданно появляется на губах. Речь идет о том, что есть группа мелких — и потому особенно опасных — вирусов, которые легко проникают через плаценту и наносят огромный вред организму. Но если вирус герпеса лежал на губах, то что часто появляется на губах, а бывает, и на глазах, — не так опасен и называется в медицине «вирус герпеса первого типа», то есть «вирус герпеса второго типа», который поражает женские половые органы.

К тому же, извините, при том социальном бардаке, что творится сегодня в нашем обществе, мы оказались просто не готовы решать многие проблемы детской родимости. Да, у нас по-прежнему в роддомах безобразия, не хватает того, сего, третьего, десятого, но все-таки страшнее то, что сама женщина изменилась генетически. Она работает как загнившая лошадь, недодает, в семье у нее раздоры из-за нехватки денег для нормальной жизни, отсюда нервные стрессы, и, как результат, она рождает раньше срока. А недоношенные, незрелые младенцы с тяжелыми генетическими отклонениями от нормы дают и самую высокую смертность. Даже в элитном роддоме бывшего 4-го управления МЗ СССР, построенном всего год назад, и там только 18 процентов нормальных родов.

Кор. А остальные 82 процента — с патологией?

В.Т. Да, то больше, то недоношенные рождаются, а ведь там рождают женщины из нормальных семей, и условия там созданы идеальные, и все равно такой высокий процент. Почему? Потому что женщина сегодня является носителем вирусных инфекций.

Кор. У нас, врачей, есть какие-то радикальные средства борьбы с этими вирусными инфекциями?

В.Т. Интересна история с вирусом краснухи. Шла война, нам не до вирусов, но было известно, что у нас краснуха только у детей. А в это время — в 1944 году — Грейт в Австралии выявил взаимосвязь между врожденными пороками сердца и заболеванием мозга и обнаружил, что краснуха бывает и у беременных женщин. В первые три месяца происходит поражение плода — это для всех вирусов, — пока нет плаценты, но могут

быть поражены и печень, и конечности, и почки, и легкие. Если вирус появляется в более поздний период — тогда энцефалит, воспалительная реакция, гепатит. И вот что интересно. Обнаружив эту взаимосвязь, парламент Австралии рассмотрел вопрос о краснухе и принял решение: если женщина заболела краснухой во время беременности, она обязана прервать беременность. И у них сразу резко упало количество врожденных пороков сердца.

У нас в этом отношении, как всегда, проявили беспечность. Какая там еще краснуха у взрослых? Она может быть только у детей. И вдруг... краснуха перескочила к нам. Но и австралийцы не так-то просто решили проблему: выяснилось, что краснушную прививку очень трудно сделать. Потом прикинули: а зачем ее делать? Если человек переносит краснуху в юношеском возрасте, у него образуются антитела и он в дальнейшем не болеет. И они приняли мудрое решение: если где-то ребенок болеет краснухой — со всей округи к нему в гости собирают девочек пить чай, заражаться.

Кор. Почему только девочки?

В.Т. Краснуха опасна именно для девочек, которым еще предстоит рожать. Все девочки у них переболели, и теперь им ничего не страшно.

Кстати, один американский этнограф недавно получил Нобелевскую премию за то, что раскрыл секрет, почему в племенах папуасов 40-летних женщин поражает какая-то странная болезнь, сопровождающаяся вялостью. Он выяснил, что эти женщины обслуживают мертвецов — у них на острове особый обычай: из мозга умершего старика делать кашу и есть ее. Когда американец исследовал этот мозг, оказалось, что в нем циркулирует вирус герпеса степного типа. Вот за него ему и дали Нобелевскую премию. А так как папуасы вскрывают череп и при этом зачастую параноют себя, он, этот вирус, попадает к ним в кровь. Считается, что скоро по миру пойдет и этот вирус, который, попадая в организм, вызывает физическую слабость, и человек постепенно гибнет, не зная от чего. По типу СПИДа.

Теперь о цитомегалии. Этот коварный вирус описан впервые в 1923 году. Исследователь Рове выяснил, что вирус ничего общего не имеет с обезьянами.

Кор. Так в чем же его коварство?

В.Т. Этот вирус, внедряясь в клетку, порождает у нее большое ядро — «свинный глаз» называется у медиков, а вокруг эту клетку повреждают маленькие включения. Значит, цито — клетка, мегалос —

АКАДЕМИК ВЯЧЕСЛАВ ТАБОЛИН: ЕСТЬ ЛИ У НАШИХ ДЕТЕЙ

ШАНС ВЫЖИТЬ?

большая. Большие клетки. И вот что интересно: обнаружили, что у людей этот вирус сидит в... слюнных железах и неплохо себя там чувствует — это так называемая локализованная форма цитомегалии. В некоторых случаях она генерализуется, распространяется по организму — и хуже всего это для плода. Дело в том, что вирус очень любит поражать именно молодую, только развивающуюся ткань, поэтому, кстати, вирусы выращивают на куриных эмбрионах. И когда женщина беременеет, то вирус, сидящий в слюнных железах, незаметно, тихой сапой подбирается к эмбриону. И может вызвать у плода различные поражения, то есть фактически сепсис. Американские врачи в 1956 году классифицировали эти поражения — среди них церебральная форма, то есть мозговая, гематологическая, когда кровь поражается, легочная. Попадая в почки, вирус грызет их, и развивается почечная недостаточность, по моче мы видим, как сыплются эти клетки, а сделать ничего не можем, не знаем, как женщину просанировать, в шесть лет ребенок умирает, а мы не знаем, как быть со следующим.

Кор. Вячеслав Александрович, к сожалению, наш читатель не сможет уловить буквально страдальческие интонации вашего голоса, когда вы говорите об этой коварной болезни, — а в них действительно слышится и боль, и страдание, и гнев, даже бешеность и безысходность. Ну а в мире-то как борются с этим страшным вирусом, неужели везде так, как у нас?

В.Т. Да вы что? Я просто не понимаю, для чего наши врачи ездят за границу, участвуют там в разных форумах и симпозиумах, если у нас все равно черт знает что творится в медицине. В 1979 году в «Хронике ВОЗ» был опубликован отчет о том, как по миру распространяется цитомегалия. Из отчета следовало, что ВОЗ из своих средств выделил

19 лабораторий: берите, страши, исследуйте эту болезнь. США взяли четыре лаборатории, около десятка попало в европейские страны, в Африку несколько штук, а мы ничего не взяли. Представляют? Нам предлагали — мы отказались.

Кор. Что, большевистская скромность не позволила?

В.Т. А сказали: «У нас и так все хорошо», и голову, как страус, в песок. А США, получив эти лаборатории и проведя огромную работу, опубликовали, ничего не скрывая, свой отчет, из которого следовало, что у них в разных регионах страны этот вирус носит в слюнных железах 20—25 процентов культурного населения.

Кор. А у нас?

В.Т. Эпидемиологические исследования, как я сказал, не проводились, но мы считаем, что 30 процентов. В Южной Африке выявили 100-процентную носимость этого вируса. А мы не знаем, как у нас этот вирус ведет себя, например, в холоде, в северных районах, или в Средней Азии, где очень жарко и влажно. И ничего при этом не делаем. Правда, сейчас, когда вирус начал так стремительно распространяться — ведь в Центр-матери и ребенка каждый третий поступает с диагнозом цитомегалия, — за голову схватились и закупили кое-какие данные по вирусу.

Кор. Сколько же таких детей умирает?

В.Т. Умирает много. Но тут есть одна особенность: сколько у нас сегодня по стране умерло от СПИДа? По моему, человек четырнадцать. А у меня в одной клинике за последние годы умерла 28 детей. Все с диагнозом цитомегалия. И главное, что патологоанатомы теперь диагноз этот ставят — а раньше ведь все скрывалось, все было государственной тайной. Я уже с этим, между прочим, сталкивался в своей жизни: в 1969 году мы впервые поставили диагноз наследственной болезни финилтехурия, которая

лечится диетой. Я пошел в Минздрав и говорю: товарищи, мы поставили диагноз, нам нужна диета. «Какая еще диета?» — удивляются. «Кормилицам, — говорю, — килограммов 500 нужно». Ответственный товарищ задумался, потом сказал, опустив глаза: «Вячеслав Александрович, может, пока этот диагноз не будем ставить?» Я ему отвечаю: «Знаете, начали ставить и будем ставить. Я в эти ваши игры не играю». Он говорит: «Напишите». Написал. Потом смотрю, у них запятая проскочила — 50 кг закупить, а закупили — знаете, сколько? — пять килограммов в ГДР. Своего же питания до сих пор нет.

Кор. Вячеслав Александрович, 28 умерших от цитомегалии на фоне высокой детской смертности — это, наверное, очень мало...

В.Т. Так это же только в нашей одной клинике. А если считать по Москве, по всему

Союзу? Да и не цифры тут главное. Главное то, что это болезнь, дающая самую высокую летальность, — вот что страшно. Считайте, если с этой болезнью родились 100 младенцев, а из них умерли 28 — так это ведь одна треть. А если ребенок родился с поражением мозга и выжил — что дальше? Инвалидность тяжелой формы. Есть много болезней, которые не оставляют последствий: заболел — вылез, и все, а цитомегалия страшна именно своими последствиями — поражениями печени, мозга, легких и т.д.

Мы сегодня расшифровали очень многие наследственные заболевания, можем их прогнозировать, то есть составлять прогноз дальнейшего потомства. Цитомегалия же непредсказуема. У меня наблюдается женщина, у которой два ребенка погибли от цитомегалии, родился третий — опять она же. Ну хорошо, мы имели возможность примечать эндоглобулины, сейчас девочка растет неплохо, мы подавали вирус антителами. Но никто не скажет, что с ней будет через два года или даже через несколько месяцев. Выявляешь у ребенка эту болезнь — и у тебя самого возникает психологическая безнадальность. Лекарств нет, умирает ребенок, а я не могу сказать молодой паре — будут у них здоровыми следующие дети или нет.

Кор. У нас в стране есть наиболее опасные очаги или зоны распространения этой болезни?

В.Т. Кто сегодня скажет, из-за чего такая высокая детская смертность, например, в Туркмении? Все думают, что дети там умирают от кишечных инфекций, а недавно оказалось, что появился гепатит нового типа — у нас АБ, а у них — дельта, более тяжелый, поражает все органы.

Нужно принимать срочные государственные меры. Общество наше в опасности.

Беседу вел Борис
ДАНОШЕВСКИЙ

Деловым людям, туристам!

Аэрофлот предлагает
новую международную авиалинию

МОСКВА—ВЕНЕЦИЯ

По этому маршруту самолет Аэрофлота ТУ-134 летает один раз в неделю, преодолевая за 3,5 часа расстояние 2250 километров.

SU 293 Вторник	Аэропорт	SU 294 Среда
19.00	о. Москва	п. 13.50
21.15	п. Венеция	о. 09.05

Время указано местное.

Подробную информацию о полетах Вы можете получить в любом представительстве Аэрофлота, а также по телефону 156-80-19.

Путешествуйте Аэрофлотом, если Вы хотите увидеть мир!

Почетный
президент-основатель
МАДПР

Юлиан СЕМЕНОВ
Редколлегия:

Артем БОРОВИК,
главный редактор
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Владимир ВЕДРАШКО,
зам. главного редактора
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Дмитрий ЛИХАНОВ
Елена СВЕТЛОВА
Евгения СТОЯНОВСКАЯ
Вера ЧЕРНИКОВА
Михаил ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Редакционный совет:
Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола
ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД (Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Роджер САЙМОН (США)
Мартин Круз СМИТ
(США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Пако Игнасио ТАЙБО II
(Мексика)
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря
Оформление номера
Владимира ВОВНОБОЯ
и Владимира
ПОМОЧИЛИНА
Технический редактор
Татьяна КОЙРАНСКАЯ
Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные
в редакцию, не рецензируются
и не возвращаются.
При перепечатке ссылка
на «Совершенно секретно»
обязательна.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию,
указанные в выходных данных.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 3.09.91

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ-СИБ
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Коммерческие тайны доктора Хаммера

Миллион для чемпионки

Черная леди шпионажа